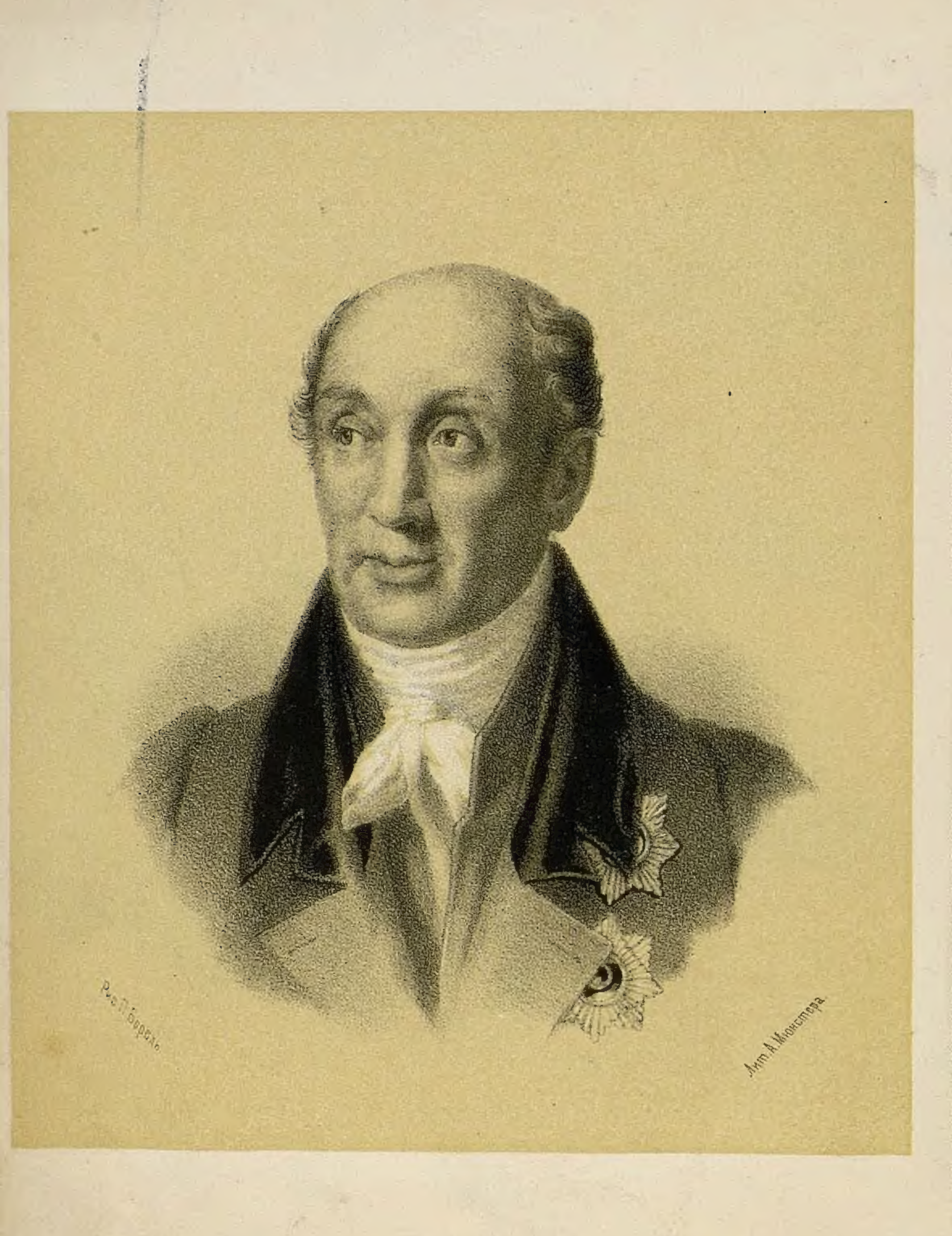

2004126156

М. Сперанскій.

(Декабрь 1806)

1823

М. Сперанский.

(1838).

ЖИЗНЬ
ГРАФА СПЕРАНСКАГО.

On ne doit aux morts que la vérité.
Voltaire.

Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Пушкинъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

(части I и II.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1861.

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ.

Печатано съ Высочайшаго соизволенія.

Въ Типографіи II-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

Въ 1857-мъ году единственная дочь графа Сперанскаго (*), принеся въ даръ императорской публичной библіотекѣ бумаги, оставшіяся послѣ ея отца, и всѣ его письма къ ней, выразила желаніе, чтобы эти письма, изъ которыхъ донынѣ напечатана только самая небольшая часть (**), были изданы, по возможности, вполнѣ.

Вскорѣ за тѣмъ дарительница скончалась, и такимъ образомъ изъявленная ею воля стала, для библіотеки, какъ бы завѣщаніемъ.

Но приступивъ къ подготовительнымъ работамъ по изданію въ свѣтъ писемъ ея отца, мы

(*) Елисавета Михайловна, вдова дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Александра Алексѣевича Фролова-Багрѣева. Въ перепискѣ своей и въ разныхъ сочиненіяхъ, изданныхъ ею на Французскомъ языкѣ, она подписывалась: «Багрѣева-Сперанская».

(**) Въ «Москвитянинѣ» за 1842 годъ.

тотчасъ убѣдились, что печатать ихъ безъ біографическихъ, историческихъ и другихъ объяснительныхъ примѣчаній, значило бы погрузить читателя въ совершенный хаосъ темныхъ загадокъ и непонятныхъ намековъ.

Это побудило насъ заняться составленіемъ такихъ примѣчаній. Къ счастію, почти всѣ нужныя для нихъ данныя уже находились у насъ въ рукахъ. Лѣтъ за пятнадцать, или болѣе, тому назадъ, мы задумали одинъ обширный трудъ (впослѣдствіи не осуществившійся), для котораго собрали, между прочимъ, и матеріалы къ жизнеописанію Сперанскаго: слѣдственно теперь оставалось только повѣрить результаты прежнихъ нашихъ изысканій и дополнить ихъ нѣкоторыми, въ послѣднее время вновь открывшимися фактами.

Первою нашею мыслію было примѣчанія, извлеченныя изъ этихъ матеріаловъ, размѣстить подъ текстомъ писемъ; но нѣсколько попытокъ такого рода, исполненныхъ по разнымъ планамъ, скоро удостовѣрили насъ, что безпрестанныя выноски, часто очень обширныя, развлекая ежеминутно вниманіе читающаго, все же, по самой своей отрывочности и разрозненности, не дали бы ему полнаго и яснаго по-

нятія о событіяхъ и лицахъ, упоминаемыхъ въ письмахъ, во многихъ же случаяхъ мало помогли бы ему и къ самому ихъ пониманію.

Отсюда возникла необходимость свести всѣ отдѣльныя наши замѣтки въ одно цѣлое, т. е. въ послѣдовательный разсказъ, который служилъ бы *введеніемъ* и *ключемъ* къ содержанію писемъ. Такимъ образомъ, почти нежданно для насъ самихъ, сложилась издаваемая нынѣ біографія. Вслѣдъ за нею будетъ приступлено и къ печатанію писемъ.

Въ составъ матеріаловъ, о которыхъ мы выше сказали и по которымъ составлена нами біографія, вошли:

I. Все что доселѣ было напечатано о Сперанскомъ на разныхъ языкахъ. Этотъ источникъ довольно скуденъ. *Отечественная* литература, если не считать анекдотовъ и разсказовъ, разсѣянныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, а также въ «Воспоминаніяхъ» Булгарина, въ написанной Магницкимъ «Думѣ при гробѣ графа Сперанскаго» (*) и т. п., представляетъ только двѣ монографіи

(*) Степень достовѣрности этихъ «Воспоминаній» и «Думы» мы опредѣлимъ въ текстѣ нашей книги.

объ этой личности: одну, Бантыша-Каменскаго, въ «Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли» (Москва, 1847, т. III, стр. 283 и слѣд.), другую, М. Н. Лонгинова въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (годъ 1859, октябрь, т. XXIII). Но въ статьѣ Бантыша-Каменскаго, не смотря на малый ея объемъ, много ошибокъ, а трудъ г. Лонгинова, стоя́щій несравненно выше этой статьи по внутреннему достоинству и, собственно, первый у насъ опытъ связной біографіи Сперанскаго, составленъ лишь на основаніи источниковъ болѣе или менѣе общеизвѣстныхъ. Что касается литературъ *иностранныхъ*, то въ нихъ, правда, почти каждый энциклопедическій словарь, каждый историческій сборникъ, содержитъ въ себѣ статью о нашемъ государственномъ дѣятелѣ, или по крайней мѣрѣ упоминаетъ о немъ; но содержаніе всѣхъ этихъ статей и замѣтокъ ограничивается, главнѣйше, выписками изъ его формуляра, не всегда притомъ вѣрными. Только въ трехъ сочиненіяхъ личность Сперанскаго и его дѣятельность нашли себѣ оцѣнку болѣе подробную и болѣе основательную. Эти сочиненія суть: «La Russie et les Russes» Н. И. Тургенева (Парижъ, 1847); «Histoire intime de la Russie sous les Empereurs Alexandre et Nicolas» извѣстнаго

Шницлера (Парижъ, 1847), и «Geschichte des neunzehnten Jahrhunderts» Гервинуса (т. II, Лейпцигъ, 1856). Тургеневъ лично его зналъ и, во время служенія своего въ государственной канцеляріи, самъ съ нимъ работалъ, слѣдственно говоритъ о немъ въ своемъ сочиненіи съ авторитетомъ самовидца; Шницлеръ имѣлъ случай собрать о Сперанскомъ разныя свѣдѣнія въ бытность свою въ Россіи еще при его жизни, и изложилъ ихъ съ свойственнымъ ему искусствомъ; наконецъ Гервинусъ, не смотря на то, что писалъ вдалекѣ отъ театра событій, умѣлъ разгадать, съ необыкновеннымъ историческимъ тактомъ, и роли главныхъ дѣятелей, и ихъ взаимныя отношенія, и ту среду, въ которой они вращались. Есть еще статья Французскаго писателя Тальяндье (Saint-René Taillandier), напечатанная, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ «Revue des deux mondes» (tome cinquième 1856, стр. 802—835), подъ заглавіемъ: «Le Comte Spéranski.» Источниками своими авторъ называетъ «Словарь» Бантыша-Каменскаго и сочиненіе г-жи Фроловой-Багрѣевой: «Les pélerins Russes à Jérusalem»; но послѣдняя, очевидно, снабдила его еще и другими матеріалами, имъ не указанными. При

всемъ томъ, статья его, написанная очень изысканнымъ слогомъ—больше романъ, нежели исторія. Она переполнена грубыми ошибками въ числахъ и фактахъ, произвольными прикрасами и даже просто вымыслами, уже не говоря о праздномъ резонерствѣ и о мысляхъ, обличающихъ въ авторѣ малое знаніе Россіи, тогдашней и теперешней. Словомъ, изъ всей статьи заслуживаетъ вниманіе одно только опроверженіе, весьма основательное, нѣкоторыхъ нелѣпостей касательно Сперанскаго, вошедшихъ въ жизнеописаніе Прусскаго министра Штейна, составленное Берлинскимъ ученымъ Перцомъ (Pertz) (*).

II. Акты государственныхъ и частныхъ архивовъ. Нѣкоторые изъ этихъ актовъ переданы нами въ пространныхъ извлеченіяхъ, другіе—вполнѣ.

III. Оффиціальная и частная переписка разныхъ лицъ, много способствовавшая намъ къ тому, чтобы освѣтить среду, въ которой Сперанскій призванъ былъ дѣйствовать.

IV. Собственныя его бумаги и то, что уцѣлѣло изъ его частныхъ писемъ. Этотъ источникъ,

(*) Объ автобіографіи Сперанскаго, напечатанной на Нѣмецкомъ языкѣ, за пятнадцать лѣтъ до его смерти, слѣдственно обнимающей не всю его жизнь, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

въ особенности, представилъ много важныхъ данныхъ. Въ дѣловыхъ бумагахъ отражается вся многосторонняя государственная дѣятельность Сперанскаго, а въ частной, такъ сказать, задушевной его перепискѣ, онъ является такимъ, какимъ былъ, или, по крайней мѣрѣ...... какимъ иногда хотѣлъ казаться, внѣ оффиціальной обстановки. Въ числѣ выписокъ, помѣщенныхъ въ нашей книгѣ, читателю встрѣтятся и нѣсколько отрывковъ изъ тѣхъ писемъ отца къ дочери, которыя потомъ войдутъ, уже вполнѣ, въ приготовляемое теперь къ изданію общее ихъ собраніе. Такое повтореніе было неизбѣжно. Въ тревожной жизни Сперанскаго, въ этой драмѣ, исполненной почти безпрерывнаго волненія, была не одна минута, когда его думы, его тайныя опасенія и надежды, все то́, что навѣвалось на его душу внѣшними обстоятельствами, находило себѣ истокъ единственно въ искреннихъ бесѣдахъ съ дочерью: потому не включить ихъ въ нашъ разсказъ значило бы отнять у него и важный матеріалъ, и тѣ живыя черты, которыя обрисовываютъ человѣка вѣрнѣе всѣхъ описаній.

V. Записки, нѣчто въ родѣ *мемуаровъ*, г-жи Фроловой-Багрѣевой, набросанныя ею, лично для

насъ (на Французскомъ языкѣ), разновременно, отрывками, большею частію безъ всякой связи, по мѣрѣ того, какъ ей приходило на память то или другое обстоятельство изъ жизни ея отца. Но, при восторженномъ обожаніи, которое г-жа Фролова-Багрѣева къ нему питала, лицо его постоянно представлялось ей не иначе, какъ идеализированнымъ, въ блескѣ неземнаго величія, а при такомъ взглядѣ записки ея не всегда можно признавать за источникъ вполнѣ достовѣрный (*).

VI. Разсказы лицъ, имѣвшихъ какое либо соотношеніе съ Сперанскимъ въ разные періоды его жизни. На сколько вообще скудны печатныя о немъ свѣдѣнія, на столько, напротивъ, огромна масса сохраняющихся о немъ преданій, въ которыхъ только, къ сожалѣнію, не всегда легко отличить правду отъ лжи. Съ одной стороны, происхожденіе бѣднаго семинариста, почти баснословная карьера его, потомъ внезапное паденіе, таинственныя причи-

(*) Теперь эти записки также составляютъ собственность императорской публичной библіотеки. По разнымъ подробностямъ можно догадываться, что нѣчто подобное было передано г-жею Фроловою-Багрѣевою и Тальандье, который, безусловно положась на ея сообщенія, вмѣстилъ ихъ въ свою статью, не подвергнувъ предварительной повѣркѣ и украсивъ еще плодами собственной фантазіи.

ны, вызвавшія такую мѣру, и вообще романическіе перевороты его судьбы давали обильный источникъ для всѣхъ возможныхъ изобрѣтеній и прикрасъ. Съ другой стороны, у Сперанскаго, въ свое время, было множество завистниковъ, порицателей и враговъ, но были также и восторженные поклонники. Въ разсказахъ своихъ о немъ тѣ и другіе руководствовались не стремленіемъ къ историческому безпристрастію, а единственно личными своими взглядами и цѣлями. Оттого личность и дѣйствія Сперанскаго, не смотря на близость еще его эпохи къ нашей, уже и теперь являются покрытыя миѳическимъ туманомъ, и легко понять, какую строгую разборчивость и осторожность должно намъ было наблюдать при повѣркѣ и передачѣ тѣхъ разнообразныхъ сказаній и мнѣній, которыя постепенно о немъ сложились.

VII. Изысканія о дѣтствѣ и начальномъ воспитаніи Сперанскаго и о пребываніи его въ заточеніи. Собраніе этихъ свѣдѣній, сперва на мѣстѣ его родины, потомъ на тѣхъ разрозненныхъ и отдаленныхъ пунктахъ, гдѣ протекло мрачное четырехлѣтіе его жизни, стоило намъ, сравнительно, едва ли не болѣе всего трудовъ. Но если многія изъ

предпринятыхъ нами сношеній и розысканій остались совершенно безплодными, то, въ замѣнъ, другія привели къ открытіямъ, совершенно для насъ самихъ неожиданнымъ.

VIII. Личныя наши воспоминанія, восходящія къ началу двадцатыхъ годовъ. Бывъ свидѣтелемъ и нерѣдко участникомъ событій этого времени, собиратель и редакторъ настоящихъ матеріаловъ нѣкогда служилъ подъ начальствомъ Сперанскаго, многіе годы ежедневно работалъ подъ его руководствомъ, потомъ оставался частымъ его собесѣдникомъ и, до самой его смерти, къ нему близкимъ. Эти благопріятныя условія дали возможность узнать разныя драгоцѣнныя подробности, которыя, при другихъ обстоятельствахъ, могли бы остаться неизвѣстными.

Для правильной оцѣнки содержанія нашей книги, мы должны просить читателя припомнить сказанное выше о поводѣ къ ней и о томъ, какъ она составилась. Главною ея задачею было: представить систематическій и, по возможности, полный сводъ матеріаловъ, съ помощью которыхъ объяснялись бы всѣ темныя мѣста въ письмахъ Сперанскаго, а для этого—изложить событія его жизни, въ истинномъ ихъ свѣтѣ, безъ всякихъ

предвзятыхъ взглядовъ, безъ всякаго притязанія на критико-философическую оцѣнку фактовъ. Такой характеръ простаго повѣствователя мы старались сохранить въ продолженіе всего нашего труда, и если, за всѣмъ тѣмъ, въ немъ высказались, невольно, нѣкоторыя наши личныя впечатлѣнія и мнѣнія (въ особенности тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о характеристикѣ изображаемаго нами лица), то никогда мы не думали предрѣшать ими будущій судъ исторіи. Ей, а не намъ, — близкимъ современникамъ, слѣдовательно судьямъ не безстрастнымъ, — принадлежать будетъ опредѣленіе истиннаго мѣста, которое долженъ занять Сперанскій въ лѣтописяхъ Русской государственной жизни, его вліянія на нашъ общественный организмъ и степени его участія въ развитіи нашихъ политическихъ идей.

Окончимъ одною общею оговоркою: при всей тщательности нашихъ изысканій, мы далеки отъ мысли, чтобы не только біографію Сперанскаго, въ томъ объемѣ и значеніи какъ мы ее понимаемъ, но даже и сводъ матеріаловъ къ ней считать вполнѣ завершенными посредствомъ нашей книги. Сперанскій находился въ соприкосновеніи со столькими людьми, дѣйствовалъ на столькихъ поприщахъ

и такъ недавно сошелъ съ общественной сцены, что отыщутся, вѣрно, еще многіе факты, которыми можно будетъ дополнить собранныя нами свѣдѣнія, исправить наши указанія и пролить на нихъ болѣе свѣта. Пусть настоящая попытка проложитъ путь къ дальнѣйшимъ работамъ на этомъ широкомъ полѣ.

Мы прилагаемъ къ нашей книгѣ три портрета Сперанскаго, изъ трехъ разныхъ эпохъ его жизни.

Первый былъ написанъ миніатюрнымъ живописцемъ Ивановымъ, въ концѣ 1806-го года. Подлинный находится у Константина Петровича Масальскаго (*). Гравюра съ этого портрета, на деревѣ, работы Дунина, была разослана при «Сынѣ Отечества» 1844-го года.

Исторія *втораго* портрета нѣсколько сложнѣе. Оригиналъ, колѣнный, былъ исполненъ, по собственному заказу Сперанскаго, въ 1823-мъ году (или, можетъ быть, еще въ 1822-мъ), для его до-

(*) Отношенія, въ которыхъ состояли къ Сперанскому отецъ г. Масальскаго и другія лица, ниже здѣсь называемыя, будутъ подробно указаны въ текстѣ нашей книги.

чери, славившимся въ то время въ Петербургѣ Англійскимъ живописцемъ До (Dawe); но этотъ оригиналъ погибъ, въ 1845-мъ году, отъ небрежной укладки при перевозкѣ его въ имѣніе г-жи Фроловой-Багрѣевой. Сохранились, однако, три съ него копіи: одна въ Иркутскѣ, въ семействѣ купца Константина Трапезникова, снятая съ подлиннаго, по грудь, въ 1824-мъ году, подъ наблюденіемъ самого До; другая—въ Петербургѣ, у Косьмы Григорьевича Рѣпинскаго, исполненная въ 1841-мъ году; третья—въ Александровскомъ Гельсингфорскомъ университетѣ, написанная, по заказу университетскаго начальства, съ копіи, находящейся у г. Рѣпинскаго, впрочемъ съ нѣкоторыми перемѣнами въ обстановкѣ. По заказу дочери, съ подлиннаго портрета была сдѣлана гравюра, въ Лондонѣ, Райтомъ (Wright), въ уменьшенномъ видѣ, въ 4-ю д. л., и 2.000 оттисковъ, не смотря на высокую, по тогдашнему времени, цѣну ихъ (25 руб. ассигн.), быстро разошлись въ Россіи. Эта гравюра, съ которой исполнена еще другая, на деревѣ, Неттельгорстомъ, разосланная также при «Сынѣ Отечества» 1844-го года, служила оригиналомъ и для нашей литографіи.

Наконецъ *третій* портретъ налитографированъ теперь въ первый разъ, съ акварельнаго, писаннаго художникомъ Реймерсомъ, въ 1838-мъ году, и находящагося въ альбомѣ Государя Императора Александра Николаевича. На немъ Сперанскій изображенъ въ прическѣ «à la moujik», которую онъ, въ это время, началъ носить въ подражаніе графу Николаю Семеновичу Мордвинову и которую, впрочемъ, вскорѣ оставилъ, такъ какъ дочь успѣла увѣрить его (и справедливо), что эта прическа ему вовсе не къ лицу.

Подъ всѣми тремя портретами помѣщены fac-simile съ современной каждому подписи Сперанскаго. Они доказываютъ, что почеркъ его въ теченіе времени почти не измѣнялся. Росчерка (парàфа) онъ никогда не употреблялъ никакого.

Сверхъ этихъ трехъ, намъ извѣстны еще слѣдующіе портреты Сперанскаго (*):

1) Два, написанные въ 1811-мъ году: одинъ для его матери, другой для Франца Ивановича Цей-

(*) Кромѣ портретовъ, съ него дѣланы были и бюсты, при пособіи снятыхъ, послѣ смерти, масокъ. Одинъ былъ исполненъ, въ февралѣ 1839-го года, по заказу дочери, Лемольтомъ (Lemolt), другой, въ 1847-мъ году, по заказу г. Рѣпинскаго, Дамбрёномъ (Dambrun). Ихъ, впрочемъ, нельзя назвать удачными, особенно первый. Сверхъ того для г-жи Фро-

ера. Первый донынѣ находится на мѣстѣ родины Сперанскаго, въ потомствѣ одной изъ его сестеръ; второй принадлежитъ г. Рѣпинскому, купившему его, въ 1838-мъ году, у семьи одного изъ слугъ Цейера.

2) Писанный, въ январѣ 1821-го года, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, художникомъ изъ ссыльныхъ, въ Тобольскѣ, по заказу разныхъ тамошнихъ почитателей Сперанскаго. Одинъ экземпляръ находится теперь въ Петербургѣ, у старшаго чиновника II-го отдѣленія собственной Государя Императора канцеляріи, тайнаго совѣтника Франциска Семеновича Малевскаго.

3) Акварельный, исполненный академикомъ Соколовымъ въ тридцатыхъ годахъ и потомъ налитографированный Василевскимъ.

Изъ всѣхъ этихъ портретовъ первенство, въ отношеніи сходства, принадлежитъ, безусловно, написанному художникомъ До.

Баронъ М. Корфъ.

Въ августѣ 1861.

ловой-Багрѣевой было исполнено нѣсколько бюстовъ ея отца въ Италіи, въ 1844-мъ году; но намъ неизвѣстно, удались ли они въ отношеніи сходства и гдѣ теперь находятся.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СПЕРАНСКІЙ ДО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го.

1772—1801.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Рожденіе, дѣтство и первые годы молодости Сперанскаго. Семинаріи Владимірская и Суздальская.

I.

Въ сорока верстахъ отъ губернскаго города Владиміра и въ его уѣздѣ (прежней Покровской округѣ) лежитъ старинное село *Черкутино*, болѣе извѣстное въ народѣ подъ именемъ *Черкватино*. Есть преданіе, что при трехъ церквахъ этого села, давней вотчины рода Салтыковыхъ (*), священствовалъ, преемственно, около двухъ сотъ лѣтъ одинъ и тотъ же родъ; по актамъ, первымъ изъ него лицомъ упоминается, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, Василій Михайловъ, священникъ у Рождества Богородицы. Старшій изъ двухъ его сыновей, Михаилъ, женился на Прасковьѣ Өедоровнѣ Никитиной, дочери діакона Покровской округи села Скоморолова, и былъ опредѣленъ діакономъ, а съ 1771 года священникомъ при Николаевской церкви. У него, послѣ сына Андрея, умершаго въ малолѣтствѣ, и двухъ дочерей, Марьи и Екатерины (вскорѣ

(*) Теперь Черкутино принадлежитъ князьямъ Николаю Ивановичу и Петру Дмитріевичу Салтыковымъ.

тоже умершей), родился тотъ славный *Михаилъ*, котораго имя такъ тѣсно должно было слиться съ исторіею нашего законодательства и нашей администраціи и который умеръ—*Графомъ Сперанскимъ*.

Годъ рожденія младенца Михаила долго оставался подъ сомнѣніемъ. Самъ Сперанскій, по семейнымъ разсказамъ, зналъ только одно: что онъ родился въ ночь на Новый годъ, но *на который именно*, въ этомъ онъ разнорѣчилъ. 6 января 1815 года, благодаря одного изъ самыхъ [illegible]шныхъ своихъ пріятелей, Петра Григорьевича Масальскаго, за поздравленіе съ днемъ рожденія, онъ писалъ: «цѣлымъ годомъ вы сдѣлали меня моложе, назначивъ мнѣ 44-й годъ, тогда какъ я полагалъ себѣ уже 45-й». Въ другомъ письмѣ, отъ 1 января 1817 года, къ своей дочери, онъ говорилъ: «сегодня мнѣ исполнилось 45 или 46 лѣтъ». Въ собственноручной его запискѣ, подъ заглавіемъ: *Эпохи М. Сперанскаго*, писанной, какъ имъ отмѣчено, 1 мая 1823 г., сказано, напротивъ, совершенно опредѣлительно: «родился 1 января 1771, почти въ полночь», и тотъ же годъ повторенъ въ напечатанной, въ 1824 году, автобіографіи его. Такъ выходитъ и по двумъ оффиціальнымъ актамъ: по ревизской сказкѣ 14 іюля 1782 и по вѣдомости объ учителяхъ Александроневской семинаріи за 1795 годъ; въ первой Сперанскій значится 11, а во второй—24 лѣтъ. И, при всемъ томъ, 1771 годъ не былъ годомъ его рожденія. Всякое сомнѣніе о томъ изчезло для насъ послѣ справки съ дѣлами Владимірской консисторіи. Метрическихъ книгъ за это время въ ней не найдено, но сохранились исповѣдныя росписи, въ которыхъ, за 1771 годъ, у священника Михаила Васильева и жены его Прасковьи Ѳедоровой сына Михаила *еще не показано*, а за 1772 (роспись подана 6 іюля) онъ записанъ *полугодовымъ:* слѣдственно этотъ младенецъ родился 1 января 1772 года.

Не менѣе разнообразно былъ рѣшаемъ и другой вопросъ: о *первоначальной* фамиліи, или прозваніи того, который, послѣ, назывался Сперанскимъ. По словамъ однихъ, эта фамилія была *Уткинъ*, по показанію другихъ—*Надеждинъ*. Послѣдняя перешла даже въ книгу Шнитцлера (который, впрочемъ, рядомъ съ этимъ и вовсе не шутя, разсказываетъ о дошедшемъ до него слухѣ, будто бы Сперанскій былъ—происхожденія Китайскаго!). Напротивъ, по нѣкоторымъ другимъ свидѣтельствамъ, носящимъ на себѣ, съ перваго взгляда, всѣ признаки достовѣрности, родовое его прозваніе было—*Грамотинъ*. Такъ сказано въ напечатанныхъ, на Русскомъ языкѣ, его жизнеописаніяхъ; такъ говоритъ въ своихъ (рукописныхъ) запискахъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, съ которымъ Сперанскій служилъ нѣкогда въ министерствѣ юстиціи (*); такъ, наконецъ, и самъ онъ будто бы разсказывалъ когда-то своей дочери. Не смотря на то, и эту и всѣ прочія фамиліи должно прямо признать вымысломъ позднѣйшаго времени, когда тотъ, которому онѣ присвоивались, началъ занимать собою умы,—вымысломъ, которому, въ отношеніи къ прозванію Грамотина, можетъ быть и самъ онъ, безъ дальнѣйшихъ справокъ, повѣрилъ, или хотѣлъ, чтобы вѣрили другіе. Ревизскія сказки, исповѣдныя росписи и другіе мѣстные документы постоянно означаютъ священниковъ Василія (дѣда) и Михаила (отца) только *по отчеству*, не присоединяя никакой фамиліи;

(*) Дмитріевъ прибавляетъ еще, въ видѣ слышаннаго имъ отъ самого Сперанскаго, что дѣдъ послѣдняго былъ — хорунжимъ въ Малороссійскомъ казачьемъ войскѣ. Всѣ мѣстные акты и свидѣтельства неопровержимо доказываютъ противное. Должно, впрочемъ, замѣтить, что эта часть записокъ Дмитріева помѣчена 9-мъ апрѣля 1825-го года, а въ такое продолжительное время мимоходный разсказъ бывшаго сослуживца легко могъ измѣниться въ его памяти. Сперанскій никогда не таилъ, да и не имѣлъ бы возможности утаить свое происхожденіе.

сверхъ того въ семействѣ и вообще на мѣстѣ родины Сперанскаго, гдѣ еще недавно находились, а быть можетъ и теперь находятся въ живыхъ современники его отца и, тѣмъ болѣе, матери (умершей только въ 1824 году), всѣ положительно утверждаютъ, что эта семья никогда не имѣла *никакого* родоваго прозвища. Спрашивавшій ихъ для насъ, въ 1846 году, тогдашній архіепископъ Владимірскій Парѳеній (онъ занималъ эту каѳедру съ 1821 года) писалъ намъ: «съ чего взяли, что Михайло Михайловичъ родовую фамилію имѣлъ и назывался Грамотинъ? Еще страннѣе придумалась фамилія Уткина. Родитель его и дѣдъ никогда въ школахъ не учились и родоваго прозвища не имѣли. И въ документахъ подобнаго не значится. Сверхъ того я нарочно посылалъ спрашивать соучениковъ Михайла Михайловича: знать не знаютъ». Мужъ двоюродной сестры Сперанскаго, нынѣ ключарь Владимірскаго собора, семидесятилѣтній старецъ Чижевъ, на недавній нашъ вопросъ о томъ же, отвѣчалъ: «фамилію Грамотиныхъ въ очеркахъ біографіи Михайла Михайловича припоминаютъ, быть можетъ, потому, что нѣкто изъ дальнихъ его родственниковъ, ученикъ Владимірской же семинаріи въ десятыхъ годахъ текущаго столѣтія, Петръ Грамотинъ, носилъ эту фамилію до конца семинарскаго курса и съ нею же потомъ служилъ, въ С.-Петербургѣ, въ небольшихъ чинахъ гражданскихъ. Онъ былъ человѣкъ смѣлый, искательный. Быть можетъ нѣкогда на вопросъ: почему-де ты, родственникъ Сперанскаго, не Сперанскій, а Грамотинъ, спустилъ съ языка, въ похвальбу себѣ, что всѣхъ-де нашихъ съ Сперанскимъ предковъ родовая фамилія—Грамотины, и Михайлу Михайловичу перемѣнено-де на Сперанскій въ продолженіе уже курса семинарскаго, когда онъ сталъ подавать надежду на отмѣнные успѣхи въ наукахъ».

Что касается фамиліи: *Сперанскій*, то письменныхъ доку-

ментовъ о времени ея присвоенія мнимому Грамотину въ дѣлахъ не сохранилось; но изъ разсказовъ родственниковъ и другихъ лицъ извѣстно, что та́къ назвалъ своего безфамильнаго племянника, при отдачѣ во Владимірскую семинарію, дядя его Богословскій (*), о которомъ скажется ниже. По крайней мѣрѣ достовѣрно то́, что эту фамилію нашъ мальчикъ носилъ въ семинаріи съ самыхъ первыхъ классовъ, и еще въ 1782 году, когда ему, слѣдственно, шелъ только 11-й годъ, въ ревизской сказкѣ, между учениками *инфимы* (т. е. низшаго отдѣленія семинаріи), уже показанъ: «Покровской округи, села Черкутина, поповъ сынъ *Михайло Сперанскій*».

О дѣтствѣ Сперанскаго мы успѣли собрать лишь нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія; но они не совсѣмъ маловажны, какъ свидѣтельство ранняго проявленія въ немъ той любви къ умственному труду и вообще тѣхъ своеобразныхъ качествъ, которыя, впослѣдствіи, бывъ развиты уроками науки и жизни, отличали его отъ другихъ людей. Въ этомъ отношеніи любопытно взглянуть на ту среду, въ которой онъ росъ, и познакомиться съ тѣми лицами, между которыми прошли первые его годы.

Отецъ Сперанскаго, прозванный крестьянами, за его тучность и огромный ростъ, *Ометомъ* (**), изображается въ разсказахъ Черкутинскаго протоіерея Михаила Ѳедоровича Третьякова, женатаго на его дочери, младшей сестрѣ

(*) А не мѣстный епископъ (Іеронимъ), какъ прежде ошибочно показывалось въ нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ.

(**) Такъ разсказывалъ М. П. Погодину извѣстный нашъ ученый и литераторъ Г. И. Спасскій, со словъ одного стариннаго пріятеля Сперанскаго, нѣкоего Скабовскаго (Москвитянинъ 1848 г., № 8, критика, стр. 36). Едва ли нужно прибавлять что «ометъ» значитъ большой скирдъ, сложенный изъ сноповъ, или сѣна. Дѣда г. Спасскаго, священника въ смежномъ Егорьевскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи, тоже толстаго, но ростомъ низкаго, крестьяне прозвали *Ча́номъ*.

Сперанскаго, Маѳѣ (*): «саповитымъ, благовиднымъ, благоговѣйнымъ, по тому времени рѣдкимъ священникомъ, настоящею красою церкви»; но въ сущности онъ былъ, кажется, только добродушнымъ человѣкомъ, очень обыкновеннаго, почти ограниченнаго ума и безъ всякаго образованія. Исправлявъ, многіе годы, должность благочиннаго, Михаилъ Васильевъ въ 1797 году, по болѣзни и старости, передалъ свое мѣсто названному нами сейчасъ зятю: остатокъ дней своихъ онъ проводилъ въ томъ, что ходилъ въ церковь, не пропуская ни одной службы, и пѣлъ тамъ на клиросѣ. Онъ умеръ 28 мая 1801 г., на 62-мъ году (**).

Жена Михаила Васильева, хотя также безъ всякаго образованія, представляла, во многомъ, совершенную противуположность своему мужу. При маленькомъ ростѣ, проворная, живая, она отличалась особенною дѣятельностію и остротою ума; кромѣ того, всѣ въ околодкѣ уважали ее за набожность и благочестивую жизнь. Зять ея, тотъ же протоіерей Третьяковъ, у котораго теща осталась на попеченіи послѣ смерти ея мужа, пишетъ: «въ теченіе двадцати семи лѣтъ, что мы жили вмѣстѣ, не видалъ я въ ней ничего, кромѣ благословенныхъ трудовъ и неутомимаго занятія въ хозяйствѣ, а паче всего хожденія въ церковь Божію, не пропуская ни одного дня, какая бы ни была погода. Изъ рѣдкихъ рѣдкая мать дѣтямъ, бабка внучатамъ, хозяйка дому, страннопріимная, гостелюбивая, она обращалась со всѣми съ чистою любовію, не зная лести, ни коварства». При рожденіи сына Михаила, Прасковья Ѳедоровна дала обѣщаніе сходить въ Ростовъ, на поклоненіе мощамъ св. Дими-

(*) Старшая сестра, Марья, была въ замужствѣ за дьячкомъ села Абакумова, Петровымъ.

(**) Младшій братъ его, т. е. дядя Сперанскаго, Косьма Васильевъ, священникъ въ томъ же селѣ при Богородицкой церкви, умеръ еще прежде.

трія, и выполнила этотъ обѣтъ, какъ только отняла ребенка отъ груди, со всею суровою строгостію, налагаемою на себя въ такихъ случаяхъ нашими «странницами» (*). И позже, пока позволяли ей силы, она рѣдкую весну не ходила на богомолье къ какой нибудь отдаленной святынѣ. Наконецъ утромъ 24 апрѣля 1824 года старушка попросила зятя отслужить обѣдню по-ранѣе, чтобы причаститься Св. Таинъ, «можетъ быть въ послѣдній разъ». Предчувствіе ея сбылось. Спустя нѣсколько часовъ, она тихо разсталась съ жизнію, 83-хъ лѣтъ отъ роду.

Сколько можно судить по этимъ очеркамъ и по всѣмъ мѣстнымъ свидѣтельствамъ, участіе родителей въ дѣлѣ перваго воспитанія ихъ сына было самое незначительное. Болѣе вліянія на духовную сторону маленькаго Михаила имѣли дѣдъ его Василій Михайловъ, потерявшій зрѣніе не задолго до рожденія внука, и бабка мальчика, жена этого Михайлова.

По преданіямъ, сохранившимся въ семьѣ, шестилѣтній ребенокъ постоянно водилъ слѣпаго своего дѣда въ церковь и тамъ, за обѣднею, читалъ *часы* и *апостолъ*; но какъ онъ еще не могъ держать въ рукахъ большія церковныя книги, то апостолъ клали на налой, а чтецу подъ ноги ставили скамейку. «Жаль—говаривалъ Сперанскій, многіе годы спустя, Третьякову—жаль, что вы не знали дѣдушки: онъ былъ человѣкъ очень почтенный, хотя и очень строгій. Когда я, бывало, читая въ церкви, въ чемъ нибудь ошибусь, или не противъ «силы» выговорю, не утерпитъ и въ ту же минуту изъ алтаря, или съ клироса, громко меня поправитъ; спасибо ему за это и за многое другое: не одно

(*) На время этого странствованія младенецъ былъ оставленъ на рукахъ няньки, которую тоже еще помнятъ въ семьѣ: она называлась Елена Петровна Синицына.

изъ его наставленій удержалось у меня въ памяти и строгость его пошла мнѣ въ прокъ!»

Жена Василія Михайлова была, въ простомъ и прозаическомъ быту Черкутинскаго семейства, какимъ-то исключительнымъ существомъ. Въ домѣ, гдѣ бѣдность не позволяла никому проводить время въ праздности, одна она жила безъ всякаго дѣла, единственно для созерцательной молитвы. Высокая, изсохшая почти до остова, всегда суровая и всегда безмолвная, эта странная старуха особенно поражала дѣтское воображеніе своего внука. «Другіе—разсказывалъ онъ своей дочери—бывало играютъ на дворѣ, а я не насмотрюсь, какъ бабушка стоитъ въ углу передъ образами, точно окаменѣлая, въ такомъ глубокомъ созерцаніи, что ничто внѣшнее, никакой призывъ родныхъ ее не развлекали. Вечеромъ, когда я ложился спать, она, неподвижная, стояла опять передъ образами. Утромъ, хотя-бы ставъ до-свѣта, я находилъ ее снова тутъ же. Вообще ни разу, даже просыпаясь ночью, мнѣ не случалось заставать ее иначе, какъ на ногахъ, совершенно углубленною въ молитву. Пищу ея уже многіе годы составляла одна просфора, размоченная въ водѣ. Этотъ призракъ моего дѣтства изчезъ у насъ изъ дому спустя годъ послѣ того какъ меня отдали въ семинарію; но я какъ будто бы еще теперь его вижу!»

Между тѣмъ самъ мальчикъ, съ первыхъ своихъ лѣтъ росъ, и физически и нравственно, иначе нежели другіе. Сложеніе его было сперва очень слабое; только съ 16-ти лѣтняго возраста онъ вдругъ пошелъ въ ростъ и окрѣпъ, хотя необыкновенная бѣлизна лица, почти молочнаго цвѣта, долго напоминала о прежнемъ его слабосиліи. Постоянно задумчивый, онъ не дружился съ прочими дѣтьми, бѣгалъ ихъ забавъ, весь, какъ только выучился грамотѣ, отдался книгамъ и, съ несвойственною его лѣтамъ усидчивостію,

читалъ безъ устали все, что попадалось ему подъ руки, и печатное и писанное. Въ праздники онъ большею частію ходилъ къ старушкамъ, жившимъ въ Черкутинѣ по кельямъ, и прочитывалъ имъ житія святыхъ, за что онѣ надѣляли его пряниками и орѣхами; или, если оставался дома, то занимался чѣмъ нибудь про себя. «Миша—говорила его мать—не выйдетъ на улицу: сидитъ себѣ на чердакѣ, да все что-то читаетъ, или пишетъ.»

Во время этого младенческаго возраста нашего Миши посѣтилъ его родину, вмѣстѣ съ Черкутинскимъ владѣльцемъ, Андрей Аѳанасьевичъ Самборскій, духовникъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей, человѣкъ весьма замѣчательный по высокимъ достоинствамъ и особенно по специальнымъ познаніямъ въ сельскомъ хозяйствѣ (*). Онъ познакомился съ родителями мальчика, нѣсколько разъ бывалъ у нихъ, любовался бѣленькимъ малюткой, бѣгавшимъ, запросто, босикомъ, бралъ его на руки, говорилъ съ нимъ, звалъ, въ шутку, къ себѣ въ Петербургъ... Это было первое знакомство Сперанскаго съ лицомъ важнымъ, знакомство, впослѣдствіи возобновленное и постоянно поддерживавшееся съ обѣихъ сторонъ даже тогда, когда роли прежнихъ знакомцевъ уже перемѣнились.

(*) Самборскій сначала находился священникомъ при нашей миссіи въ Лондонѣ; въ 1781 году онъ былъ избранъ Императрицею Екатериною II въ спутники великому князю Павлу Петровичу и его супругѣ, при поѣздкѣ ихъ за границу, а въ 1784-мъ назначенъ законоучителемъ, наставникомъ въ Англійскомъ языкѣ и духовникомъ къ великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ. Позже описываемой нами эпохи, именно въ 1799 году, Самборскій поступилъ духовникомъ къ великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, супругѣ эрцгерцога палатина Венгерскаго, при которой и оставался за границею до ея кончины въ 1801 году. Упоминаемый нами владѣлецъ села Черкутина, князь Николай Ивановичъ Салтыковъ, воспитатель тѣхъ же великихъ князей, при которыхъ Самборскій состоялъ учителемъ и духовникомъ, по этому именно и былъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ.

Когда Мишѣ минуло семь лѣтъ, отецъ отвезъ его во Владиміръ, для опредѣленія въ семинарію.

II.

Не вдалекѣ отъ Черкутина есть другое село, Боголюбово. Сынъ тамошняго священника, Матвѣй Богословскій, по окончаніи курса во Владимірской семинаріи, гдѣ онъ былъ въ ряду первыхъ и даровитѣйшихъ студентовъ, женился на теткѣ Сперанскаго (сестрѣ Михаила Васильева), былъ посвященъ въ діаконы и, послѣ разныхъ переходовъ по службѣ, наконецъ получилъ мѣсто протодіакона при Владимірскихъ преосвященныхъ. Не имѣвъ тогда во Владимірѣ другаго ближайшаго родственника, Михайло Васильевъ сдалъ своего сына на руки этому Богословскому, который записалъ его, для ученья, въ мѣстную семинарію, а на житье взялъ къ себѣ въ домъ. Здѣсь Миша жилъ съ двоюродными своими: братомъ Петромъ, въ одно время съ нимъ записаннымъ въ семинарію (*), и сестрою Татьяною, женою священника Владимірской Зачатейской церкви, Ивана Тимоѳеевича Смирнова (**). Матвѣй Богословскій, посвященный потомъ въ священники, и его дочь Смирнова болѣе всѣхъ, кажется, способствовали первому нравственному и умственному развитію нашего мальчика. Старикъ часто заставлялъ племянника вмѣстѣ съ сыномъ по-

---

(*) Богословскій записалъ своего сына въ семинарію подъ фамиліею Дилекторскаго. Бывъ, въ послѣдствіи, ключаремъ Владимірскаго каѳедральнаго собора, Петръ Дилекторскій умеръ въ 1825 году.

(**) Смирновъ былъ не изъ ученыхъ, но, какъ говорили тогда, *зналъ политику*, отъ чего попалъ въ келейники къ архіерею Іерониму и пользовался добрымъ расположеніемъ его и его преемника, Виктора, а наконецъ добылъ себѣ доходное мѣсто при Зачатейской церкви, имѣвшей хорошіе луга и мельницу.

вторять дома классные уроки и объяснялъ имъ то́, что было выше ихъ понятій, а Смирнова, женщина также умная и владѣвшая, какъ говорятъ всѣ ее помнящіе, замѣчательнымъ даромъ слова, надсматривала за ними. Родной братъ, подъ разными предлогами, не рѣдко уклонялся отъ разговоровъ съ нею; но двоюродный, въ свободные свои часы, всегда старался быть при ней; любилъ ее больше всѣхъ другихъ родныхъ; съ нею ходилъ и въ церковь и прогуливаться; въ любознательности своей безпрестанно распрашивалъ ее о томъ и о другомъ, и покорно во всемъ ее слушался. Впрочемъ семинаристъ нашъ недолго оставался у своего дяди, который, при большой семьѣ, существовалъ всего 30-ю рублями годоваго жалованья, долею отъ церковныхъ требъ и незначительною платою по званію экзаменатора готовившихся къ посвященію въ духовный санъ. При перестройкѣ города Владиміра по плану, собственный домъ, въ которомъ жилъ Богословскій, сломали и старикъ былъ вынужденъ перебраться въ наемную квартиру; тогда Смирновы выстроили себѣ собственный домикъ и, отдѣлясь отъ общаго хозяйства, взяли къ себѣ двоюроднаго брата. Хотя люди также не богатые, они были все таки гораздо зажиточнѣе своихъ родителей, а еще болѣе родителей Сперанскаго, отличаясь отъ послѣднихъ притомъ степенью образованности и, какъ горожане, самымъ родомъ жизни. Все это не могло не обратиться въ пользу мальчику, начинавшему приходить въ возрастъ. Впослѣдствіи, когда, при блистательныхъ успѣхахъ по службѣ, Сперанскій уже сталъ общимъ предметомъ разговоровъ, Смирнова любила разсказывать какъ онъ жилъ у нея въ первые годы своей молодости. Кое-что изъ подобныхъ воспоминаній было записано родными съ собственныхъ ея словъ, и содержаніе этихъ замѣтокъ такъ простосердечно-трогательно и такъ любопытно, если подумать при томъ

о позднѣйшихъ судьбахъ двоюроднаго ея брата, что мы рѣшаемся помѣстить здѣсь сообщенную намъ записку въ подлинникѣ:

«Бывало—разсказывала Смирнова—станешь заставлять брата Петра (Дилекторскаго) сдѣлать что нибудь, или куда сходить: онъ начнетъ отговариваться, а мой Миша, услышавши это, тотчасъ броситъ свое дѣло и говоритъ: угодно ли, сестрица, я сдѣлаю, или схожу; пусть Петя учитъ урокъ, а я свой ужъ знаю.»

«Въ зимніе вечера иногда за работою долго засидишься. Мой Миша, выучивши свой урокъ, не идетъ отъ меня. Заставляю спать, не ложится. Тебѣ, говоритъ, одной скучно будетъ сидѣть; я еще немножко посижу съ тобой и поговоримъ что нибудь.»

«Бывало, о чемъ нибудь разгрустишься и начнешь унывать. Миша прибѣжитъ отъ ректора (*), сядетъ возлѣ меня, станетъ уговаривать и дѣлать разныя утѣшенія. Сперва подосадуешь на его неотвязчивость, потомъ невольно увлечешься съ нимъ въ разговоръ и—забудешь про свое горе..»

«Поступивъ въ *богословіе*, могъ онъ, умникъ мой, подавать уже благоразумные совѣты моему Ивану Тимоѳеевичу (т. е. мужу ея), терпѣвшему иногда большія непріятности по службѣ. . . . . .»

И самъ Сперанскій, уже на верху почестей, съ умиленіемъ припоминалъ отроческую свою жизнь въ домѣ Смирновой и ей именно приписывалъ основы нравственнаго своего образованія. «Не та только мать—повторялъ онъ часто—которая родила меня, но и та, которая воспитала!» Признательность свою къ этой воспитательницѣ онъ

(*) Ниже видно будетъ въ какихъ отношеніяхъ онъ состоялъ къ ректору семинаріи.

сохранялъ до самой ея смерти (*) и благодѣтельствовалъ ей и ея дѣтямъ не менѣе, чѣмъ роднымъ своимъ сестрамъ и племянникамъ. Письма его къ Татьянѣ Матвѣевнѣ Смирновой (разныхъ эпохъ, до 1825 года) свидѣтельствуютъ, что неизмѣримое разстояніе, раздѣлившее ихъ вслѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ, осталось безъ всякаго вліянія на ихъ родственныя и дружественныя сношенія. При каждомъ почти письмѣ Сперанскаго были или денежное пособіе, или подарокъ; въ каждомъ было и нѣсколько сердечныхъ словъ, напоминавшихъ прошлое.

Въ семинаріи отрокъ и потомъ юноша Михаилъ обучался языкамъ: Русскому, Латинскому и Греческому; реторикѣ, математикѣ, физикѣ, философіи и богословію. Все это преподавалось по устарѣлымъ схоластическимъ учебникамъ, холодно, безжизненно, и только при ревностномъ желаніи научиться, могло, съ помощью собственныхъ усердныхъ занятій, идти въ какой нибудь прокъ. По отличному голосу, Сперанскаго назначили въ архіерейскій пѣвческій хоръ; но современники разсказываютъ какъ о чертѣ, имѣвшей свое значеніе въ мальчикѣ почти безъ насущнаго хлѣба, что когда, въ праздники Рождества и Пасхи, пѣвчіе ходили пѣть канты по частнымъ домамъ, то онъ всегда останавливался у дверей, не входя въ комнаты, и отказывался отъ доли въ общей выручкѣ. Еще замѣчаютъ, что въ классахъ грамматическихъ, гдѣ все основывалось болѣе на механизмѣ и памяти, Сперанскій отставалъ отъ нѣкоторыхъ учениковъ, старшихъ его лѣтами; но съ реторическаго класса, гдѣ уже требовалось собственное размышленіе, онъ тотчасъ взялъ верхъ надъ всѣми и до конца семинарскаго курса постоянно удерживалъ за собою первое мѣсто. Въ пріѣзды

(*) Она умерла въ ноябрѣ 1837 года, почти полтора года ранѣе кончины бывшаго своего воспитанника.

свои, на вакаціонное время, въ родительскій домъ, онъ проводилъ время также большею частію надъ привезенными съ собою, или добытыми въ селѣ книгами, читая которыя записывалъ все что казалось ему въ нихъ любопытнымъ и полезнымъ, или что самому ему приходило на мысль. Въ Черкутинѣ свято сохранялись разныя записки и сочиненія его изъ этого періода времени, пока не истребилъ ихъ бывшій тамъ въ 1834 году пожаръ. Остался только обрывокъ календаря 1786 года, весь испещренный отмѣтками «студента философіи», за три года его пребыванія въ семинаріи. Изъ нихъ видны, отчасти, маленькое, скудное хозяйство почти нищаго семинариста, его занятія, нѣкоторыя размышленія, поѣздка его въ Москву и, какъ кажется, слѣды какой-то полудѣтской любовной вспышки; видна, также, радость его, когда миновали каникулы и опять пришла классная пора (*). Онъ самъ, уже будучи старикомъ, разсказывалъ намъ, какъ, при своей охотѣ къ занятіямъ, всегда былъ въ восторгѣ когда наступало время возвращаться въ семинарію, и какъ, къ стыду своему и къ большому соблазну родителей, онъ не могъ проронить ни одной слезы при прощаньи съ ними. Отъ этой же эпохи сохранилась еще, во Владимірскомъ Боголюбовскомъ монастырѣ, тетрадочка, гдѣ тотъ, которому судьба предназначала имѣть нѣкогда такое вліяніе на финансовое управленіе огромной имперіи, записывалъ копѣечное хозяйство по кельѣ настоятеля.

Въ школьныхъ стѣнахъ явственнѣе обрисовался характеръ Сперанскаго. Разсказываютъ, со словъ людей,

---

(*) Этотъ обрывокъ календаря принадлежитъ теперь Императорской Публичной Библіотекѣ. Отмѣтки въ немъ, писанныя чернилами, частію поблѣднѣвшими отъ времени, представляютъ родъ дневника, дополняющаго, въ нѣкоторомъ отношеніи, свѣдѣнія, собранныя нами объ этомъ періодѣ жизни Сперанскаго. Мы прилагаемъ къ настоящей главѣ копію со всего, что можно еще разобрать въ этихъ отмѣткахъ.

знавшихъ его въ то время, что онъ въ семинаріи былъ добръ, ласковъ, смѣтливъ, словоохотливъ и, какъ двоюродная его сестра Смирнова,—можетъ быть даже вслѣдствіе ея вліянія на природныя его дарованія,—мастеръ говорить красно и увлекательно. Товарищи любили его и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, даже почитали. По свидѣтельству одного изъ нихъ, А. Г. Вигилянскаго (послѣ и напечатанному), Сперанскій во Владимірской семинаріи былъ очень рѣзовъ и быстръ, что̀ они приписывали его рыжеватости, притомъ силенъ и задоренъ. «Бывало поддастся, а потомъ всѣхъ и положитъ!» Но въ трудолюбивомъ и даровитомъ юношѣ уже являлся и зародышъ той ловкой вкрадчивости, того умѣнья выказать себя, отчасти и той тонкости, которыя, послѣ, остались при немъ на всю жизнь. Въ школѣ, любимый товарищами отнюдь не всегда пользуется расположеніемъ начальства, и на оборотъ: нашъ семинаристъ умѣлъ полюбиться *обѣимъ* сторонамъ. Владимірскій преосвященный Викторъ поставилъ его въ стихарь и далъ ему носить, въ архіерейскомъ служеніи, свой посохъ, а ректоръ Владимірской семинаріи, настоятель Боголюбовскаго монастыря, игуменъ Евгеній (впослѣдствіи ректоръ другихъ семинарій, а наконецъ епископъ Костромскій и Галицкій) взялъ его къ себѣ въ *келейники* (*), что̀ и положило

(*) Обязанность келейника состояла въ прислуживаніи ректору какъ дома, такъ и при церковномъ священнодѣйствіи. Сохранились подлинныя письма Сперанскаго, писанныя къ Евгенію уже послѣ переселенія перваго въ Петербургъ, съ января 1795 по іюнь 1805 года. Всѣ они наполнены изъявленіями благодарности и преданности и не только намеками, но и прямыми указаніями на прежнія ихъ отношенія. Бывшій келейникъ называетъ въ нихъ Евгенія «почтеннымъ и любезнымъ своимъ благодѣтелемъ», говоритъ объ «отеческомъ его расположеніи», о своемъ сердцѣ, «котораго лучшую часть онъ образовалъ», о любви Евгенія къ нему «какъ къ воспитаннику, коего счастіе онъ началъ и коего успѣхами привыкъ заниматься», и пр. Въ январѣ 1800 г., когда Евгенія воз-

конецъ его пребыванію въ домѣ Смирновыхъ. Въ новомъ, немалозначущемъ для убогаго семинариста званіи, открылась и новая пища его любознательности, потому что у келейника всегда была подъ руками библіотека ректора, по времени и средствамъ довольно богатая. Какъ впрочемъ, не смотря на все покровительство начальства, никто еще, въ то время, не могъ предполагать для Сперанскаго другой карьеры, кромѣ духовной, то открывшуюся, въ бытность его въ семинаріи, діаконскую вакансію въ Черкутинѣ архіерей велѣлъ оставить за нимъ и она такъ и числилась нѣсколько лѣтъ.

Въ 1788 году Владимірскому генералъ-губернатору Ивану Петровичу Салтыкову предоставлено было, по ветхости генералъ-губернаторскаго помѣщенія, занять архіерейскій домъ, находившійся въ Рождественскомъ монастырѣ, а мѣстнаго архіерея перевели въ Суздаль, съ наименованіемъ его Суздальскимъ и Владимірскимъ. Послѣдствіемъ этого было перемѣщеніе туда же семинаріи Владимірской и Переславской, которыя, вмѣстѣ съ Суздальскою, соединились, съ тѣхъ поръ, въ одно нераздѣльное цѣлое. Сперанскій, однакоже, и послѣ того продолжалъ жить при Евгеніѣ, оставшемся ректоромъ этой сводной семинаріи; но уже не долго. Въ томъ же 1788 году состоялись два высочайшія повелѣнія: *одно,* чтобы сливъ суммы, которыя отпускались прежде на содержаніе семинаріи Петербургской и Новгородской, учредить, въ Александроневскомъ монастырѣ, для обѣихъ епархій, одну *Главную семинарію*, съ кругомъ ученія болѣе обширнымъ, нежели въ епархіальныхъ; *другое* — о томъ, чтобы въ эту Главную семи-

---

вели въ епископскій санъ, а Сперанскій уже былъ статскимъ совѣтникомъ, послѣдній писалъ: «позвольте мнѣ быть твердо удостовѣреннымъ, что никакая перемѣна не прикоснется къ тому благорасположенію, какое съ младенчества вы ко мнѣ имѣли».

нарію присылать учениковъ и изъ другихъ семинарій: «надежнѣйшихъ въ благонравіи, поведеніи и ученіи, и лучшаго передъ другими понятія, для образованія ихъ къ учительской въ высшихъ классахъ должности». Въ Суздалѣ выборъ для этой цѣли не могъ быть сомнителенъ. Сперанскій, ко всѣмъ предписаннымъ въ повелѣніи условіямъ, присоединялъ еще и расположеніе къ себѣ начальства. Въ январѣ 1790 года, слѣдственно 18-ти лѣтъ отъ роду, онъ, съ двумя товарищами (Вышеславскимъ и Шиповскимъ) (*), былъ отправленъ въ Петербургъ. По прибытіи туда, всѣ трое поступили въ новую семинарію на казенное содержаніе.

(*) О Вышеславскомъ извѣстно, что, по окончаніи курса, онъ былъ назначенъ учителемъ реторики и физики въ Суздальскую семинарію и оттуда рукоположенъ въ священники, къ Сергіевскому собору, въ Юрьевъ-Польскій. Шиповскій вышелъ въ свѣтское званіе, былъ учителемъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ и перевелъ на Русскій языкъ, знаменитаго въ свое время, Флоріанова Нуму Помпилія.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ ПЕРВОЙ.

Отмѣтки семинариста Сперанскаго въ календарѣ 1786 года.

Апрѣль.

Апрѣля 24-го 1788 взято у Воронова 6 аршинъ сукна, каждый по 125 коп., итого на . . . . 750 к.

NB. Воронову отдано 800 к.

Тафты голубой поларшина . . . . 60 —

Дано Горбушину . . . . 120 —

За башмаки апрѣля 7-го Трифону . . . . 70 —

Апрѣля къ 16-му прислано изъ дому денегъ на кафтанъ пять рублей.

Еще три рубля къ тѣмъ же изъ дому.

Начали слушать физику.

21-го Руберовскій женился. Багрянской въ соборѣ проповѣдь сказывалъ.

Отецъ игуменъ подарилъ мнѣ . . . . . . камзоломъ.

Денегъ въ остаткѣ 250 коп.

Апрѣля 30-го Трифону за сапоги 150 к.

Май.

8-го тезоименитство архимандрита Арсенія.

Мая. Руберовскому въ долгъ 20 к.

всего 35 —

Іюнь.

1787 годъ.

5-го окончилась бочка первая полпива, 9-ть недѣль продолжавшаяся.

14-го іюня начата вторая бочка полпива.

16-го посланъ боченокъ полпива въ 3 ведра въ Боголюбовъ.

3-го числа отдано за вязеніе пары чулокъ 30 коп.; у сестры Татьяны (¹) остался большой клубокъ нитокъ.

(¹) Т. е. у двоюродной сестры, Татьяны Матвѣевны Смирновой, той, о которой упоминается въ текстѣ нашего разсказа.

2-го, по резолюціи преосвященнаго, опредѣлена сестрица Марья просвирнею въ Черкутино (1).

Отмѣненъ Кириллъ Аѳан. отъ учит. должности по резолюціи архіерея.

Посланы письма домой.

Семинаристы за цвѣтами пошли. Ясная погода съ вѣтрами.

6-го говорилъ проповѣдь въ церкви Иліи Пророка, въ присутствіи его преосвященства (2).

Пресильные вѣтры съ холодною погодою продолжаются.

7-го взято жалованья 60 коп. (3).

Того же взятъ аршинъ черной тафты.

8-го пожаръ былъ у Троицы, на которомъ крышка Троицкой церкви и дворъ поповъ сгорѣли, по утру въ началѣ 4-го, продолжался до половины 6-го.

14-го и 15-го былъ пресильный дождь.

16-го Рожественской монастырь удостоенъ былъ посѣщенія Боголюбовой Богоматери.

Взято жалованья 60 коп. От. игум. въ Моск. 3.

23-го числа пріѣхалъ я въ село Черкутино, взявъ паспортъ въ Москву на мѣсяцъ, т. е. отъ 22-го іюня до 22-го іюля.

24-го отправились на ночь въ Москву, т. е. съ 23-го на 24-е.

Прибыли въ Москву 25-го числа, по утру въ 11 часовъ.

Ѣздили ко двору и были у отца протоіерея Андрея Аѳанасьевича (4).

26-го еще были у отца протоп. и Ник. Иванов. въ Коломенскомъ.

29-го пріѣхали домой въ Черкутино.

Въ Москвѣ истрачено всего денегъ съ покупками 250 коп.

Въ Черкутинѣ истрачено 1 р.

NB. Противъ первыхъ чиселъ іюня написано:

Студентъ философіи Михаилъ Сперанскій.

---

(1) Она была въ то время вдовою и послѣ вышла за мужъ за дьячка Илью Петрова.

(2) Слѣдовательно на 16-мъ году отъ роду; но, вѣроятно, это была уже не *первая* проповѣдь: иначе онъ бы о томъ упомянулъ.

(3) Конечно отъ игумена, у котораго онъ находился келейникомъ. Откуда иначе было ему получать жалованье?

(4) Безъ сомнѣнія—Самборскаго, который, принадлежа къ придворному духовенству, могъ, въ пріѣзды свои въ Москву, останавливаться во дворцѣ.

Іюль.

2-го письмо отъ Петруши (1).

5-го къ нему.

9-го числа полученъ указъ о выздоровленіи Ихъ Высочествъ (2).

11-го торжествовали въ Черкутинѣ.

Quem diem mihi festissimum notandumque adeo candidissimo calculo in corde meo!

17-го пріѣхалъ изъ дому во Владиміръ.

18-го писано домой. У Пимена родилась дочь Анна 14 или 15 іюля.

20-го преосвященный служилъ у Иліи Пророка и говорилъ проповѣдь по книгѣ. Я же былъ у сестрицы Татьяны.

21-го у отца игумена былъ префектъ Суждальскій.

22-го преосвященный литургисовалъ въ соборѣ.

13-го Палеховскій говорилъ проповѣдь о вѣрѣ.

26-го принято отъ консисторскаго разсыльщика для отдачи отцу казначею 150 к.; отданы ему 1-го августа.

25-го отецъ п. Яковъ изъ Москвы прибылъ.

29-го преосвященный служилъ въ соборѣ. Говорилъ проповѣдь отецъ протопопъ Кириллъ о томъ: *для чего человѣкъ раждается въ міръ? чтобъ воздать Божія Богови и Кесарева Кесареви.*

Отецъ игуменъ боленъ еще былъ глазомъ.

Изъ дому денегъ привезъ 35 коп.

Издержано:

манныхъ крупъ 2 фунта	10 коп.
ленточка	12 —
поясъ	11 —
ленточка	7 —
въ Ставровѣ.	4 —
на мыло	1 —
на щетку.	10 —

Реестръ находящихся здѣсь въ Черкутинѣ вещей, кои должно взять во г. Владиміръ:

кафтановъ 3.

халатъ 1.

---

(1) Должно быть отъ двоюроднаго брата его Петра Дилекторскаго, остававшагося на вакаціонное время, во Владимірѣ, при отцѣ.

(2) Послѣ привитія имъ натуральной оспы, получившаго въ то время, какъ извѣстно, особенную гласность и торжественность.

камзоловъ 2.
штаны 1.
кушаковъ 2.
платковъ 7.
книгъ 8.
мо.... 2.
рубашекъ 4.
перчатки 1.
шляпа 1.
чулки 2.
нитки.
кулечикъ 1.
утиральникъ 1.
цвѣтовъ.
о гусляхъ.
пряжки 3.

Августъ.

1-го слава Богу, вотъ уже и августъ (1).

6-го праздновали мы въ Боголюбовѣ день рожденія о. игумена.

4-го во всю ночь и утро до 9-ти часовъ лилъ дождь съ громомъ и молніею. Ненастливый дождь, при сильномъ вѣтрѣ, продолжался даже до 7-го числа, начиная отъ 4-го.

8-го отецъ игуменъ симъ именемъ назывался прежде постриженія въ монахи (2).

6-го отдано за шитье башмаковъ Максиму Рачку 65 коп., кои и обновлены въ сей день.

Огурцовъ кадочка кончилась.

9-го привезли огурцовъ изъ Боголюбова.

15-го праздновали день Успенія. Собора Успенскаго протопопъ говорилъ проповѣдь.

22-го сказывалъ проповѣдь о томъ, что для чего смерть еще въ мірѣ владычествуетъ, когда Христосъ ее уже побѣдилъ? Для того, чтобъ мы, боясь смерти, удалялися бы грѣха; что было . . . . , то нынѣ стало избавленіемъ отъ грѣховныя казни.

---

(1) Конецъ вакаціоннаго времени.
(2) 8-го августа празднуется исповѣднику Емиліану.

16-го кончилась вторая бочка полпива, коя продолжалась 8-мь недѣль и 3 дня; то есть отъ 14-го iюня до 16-го дня.

16-го начата третья бочка полпива. Отпущено изъ оной о. архимандриту три кувшина.

16-го архимандритъ уѣхалъ въ Коломну, въ 5-мъ часу по полудни.

16-го взяты у сестры Татьяны чулки; должно отдать 25 коп.

17-го перешли къ отцу архимандриту въ покои.

18-го, въ началѣ 8-го часа по полуночи, былъ пресильный дождь съ громомъ и молнiею. Туча взошла отъ запада и на концѣ оной къ востоку видима была бѣлая полоса на нарочитое пространство, которая наконецъ съ тучею удалилась.

11-го привезено муки изъ Боголюбова 4 четверика; всего 11½.

25-го послано письмо домой.

Сентябрь.

1-го прибылъ отецъ мой съ сестрою.

По полудни въ 11 часу прибылъ во градъ Владимiръ генералъ-губернаторъ Заборовской (1); былъ въ соборѣ.

2-го ненастливый дождь, при сырой погодѣ, продолжается даже до 7-го числа сего мѣсяца.

7-го по вечеру прiѣхалъ изъ Черкутина отецъ Косма (2) съ кр. и . . . .

Въ тотъ же день, по утру, отбылъ преосвященный въ Суждаль.

10-го, ввечеру въ 9 часовъ, владыко прибылъ изъ Суждаля.

12-го отецъ архимандритъ изъ Коломны прибылъ ввечеру около осьми часовъ.

20-го присланъ указъ и манифестъ. Первымъ повелѣваемо было, по случаю начинающейся съ Портою войны, молебствовать въ церквахъ о дарованiи надъ нею побѣды, а вторымъ объявлялись причины, для коихъ война необходима для Россiи, а именно: требованiе отъ Порты нѣкоторыхъ земель, коихъ возвращенiе не иначе можетъ послѣдовать, какъ съ крайнимъ нашимъ вредомъ, обиды Порты, бунты, и наконецъ съ ея стороны нарушенiе мира. По объявленiи сихъ причинъ, написано было, что отъ 7-го сентября пове-

---

(1) Первоначально молодой семинаристъ написалъ: Запорожской, но потомъ исправилъ. Заборовскiй былъ участникомъ въ Чесменской битвѣ.

(2) Младшiй братъ отца Сперанскаго.

лѣно Румянцову и Потемкину ввѣренными имъ войсками дѣйствовать противъ непріятеля. Данъ въ С.-Петербургѣ 10-го сентября (1).

22-го отецъ архимандритъ сказывалъ проповѣдь въ Успенскомъ соборѣ о союзѣ членовъ, изъ темы: *вы есте тѣло Христово и уди отъ* и пр.

26-го говорилъ я проповѣдь въ Рожественскомъ монастырѣ, въ присутствіи его преосвященства, о богословіи.

22-го получены письма отъ Ефебовскаго.

Октябрь.

1-го перешитъ китайчатый тулупъ.

Къ перешивкѣ онаго потребности были слѣдующія:

китайки черной аршинъ	30 к.
опушки котковой 6 арш., по 6 коп. каждый, и того .	36 —
шелку зеленаго для ворота на	10 к.
крашенины подъ воротъ на	4 —
за работу Горбушину	70 —
Всего . .	150 к.

Около этого времени Д. Ром. прибылъ.

8-го Суждальская реторика (2) къ намъ пришла.

9-го опять ушла.

8-го отецъ архимандритъ на ночь уѣхалъ въ монастырь С. . .

10-го пріѣхалъ назадъ.

12-го привезено муки изъ монастыря 4 четвер.

И потому всего оттуда взято 15½ —

12-го сдѣлалъ Максимъ Рачекъ къ сапогамъ головы за 65 коп. отдано 30 коп.

Обновлены тогда жъ.

20-го выпалъ снѣгъ не великій.

Отецъ пріѣхалъ.

Взято у тетушки рубль.

Изъ нихъ Рачку 35 к.
Горбушину 30 —
65 —

28-го отецъ экономъ сдѣланъ присутствующимъ.

---

(1) Война Турціи была объявлена въ 1787-мъ году.

(2) Т. е. реторическій классъ Суздальской семинаріи, существовавшей тогда еще отдѣльно.

Ноябрь.

4-го выпалъ снѣгъ по вечеру.

5-го былъ изрядный по утру морозъ.

8-го Псальтовъ имянинникъ былъ.

Зима видно уже намѣреніе приняла отъ насъ не отлучаться.

11-го тезоименитство Виктора епископа.

10-го былъ дождь, который едва не уничтожилъ зиму, да и то что морозъ позахватилъ къ вечеру, а то бъ . . .

Изъ монастыря 16 кочней капусты.

27-го говорить мнѣ *dissertationem.*

Около 15-го дня сего мѣсяца перешелъ я къ отцу игумену ([1]).

Около сихъ же дней Иванъ Ефебовскій отправленъ въ Петербургъ, 1786 года.

26-го старухѣ отданы хлѣбу.

Съ Андр. Кондр. получено денегъ рубль, 30-го.

Нѣчто о Пѣвницкомъ протопопѣ ([2]).

Боже мой, научи меня любить Тебя, моего Творца! Сердце мое Тебѣ открыто. Я самъ себя едва ли понимаю.

О ты, что мыслями, сердцемъ и душою моею владѣешь, доколѣ не осмѣлюсь. . . . . . . еще.

Декабрь.

12-го говорилъ вмѣсто Баг. пр. ([3]) въ Рожественскомъ монастырѣ.

Муки изъ Боголюбова мѣшокъ, 4 четвер.

Въ концѣ календаря.

Бѣжи во Египетъ.

Богъ всемогущъ, и повелѣваетъ убѣгать. Онъ бы могъ избавить; но мы не должны надѣяться непосредственно на Бога, зная, что Богъ чудесъ безъ причины не дѣлаетъ. Человѣкъ имѣетъ разумъ.

Если бы Богъ непосредственно промышлялъ о человѣкѣ, то чрезъ сіе человѣкъ повергнулся бы въ праздность, и будучи въ праздности и удовольствіи позабылъ бы Бога.

([1]) Т. е. къ префекту семинаріи Евгенію.

([2]) Протоіерей Пѣвницкій, исправлявшій прежде, временно, должность префекта семинаріи.

([3]) Т. е. вмѣсто Багрянскаго проповѣдь.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Александроневская семинарія. Педагогическая карьера Сперанскаго и первые его литературные труды.

I.

Курсъ въ Александроневской семинаріи (*)—продолженіе и дополненіе курса, прослушаннаго нашимъ студентомъ во Владимірѣ и Суздалѣ—обнималъ краснорѣчіе, философію, богословіе, чистую математику, физику и Французскій языкъ. Сперанскій, по успѣхамъ, стоялъ и здѣсь выше своихъ соучениковъ, но изъ преподаваемыхъ предметовъ болѣе всего, и даже съ нѣкоторою страстію, любилъ математику. «Въ прочихъ наукахъ—говаривалъ онъ—особенно въ словесныхъ и философскихъ, всегда есть что нибудь сомнительное, спорное, а математика занимается только достовѣрными, безспорными выкладками.» Нѣтъ сомнѣнія, что ревностнымъ занятіямъ именно этою наукою онъ преимущественно былъ обязанъ тѣмъ пытливымъ духомъ анализа, который господствуетъ во всѣхъ трудахъ его послѣдующей дѣятельности; по крайней мѣрѣ вспоминая о времени, проведенномъ на школьной скамьѣ, онъ

(*) А не въ *академіи*, какъ напечатано въ разныхъ біографіяхъ, въ томъ числѣ и въ извѣстномъ сочиненіи Магницкаго: «Дума при гробѣ Графа Сперанскаго». Александроневская семинарія была преобразована въ академію гораздо позже, по указу 18-го декабря 1797 г. (Полн. Собр. Зак. № 18273). Вообще «Дума» Магницкаго, сначала долго ходившая по рукамъ въ рукописи и напечатанная впервые (впрочемъ съ перемѣнами) только въ 1843 году (Москвитянинъ № 4-й, стр. 480), наполнена многими погрѣшностями. Авторъ писалъ ее, очевидно, съ памяти и гонялся болѣе за красными словами, нежели за точностію передаваемыхъ имъ свѣдѣній.

самъ всегда утверждалъ это, хотя, подъ часъ, подымалъ на-смѣхъ прежнюю любимую свою науку, вѣроятно въ томъ же смыслѣ какъ врачи иногда посмѣиваются надъ медициною. Что касается другихъ предметовъ курса, то Сперанскій нисколько не хвалился лекціями, прослушанными имъ въ Петербургѣ. «Въ Главной семинаріи—разсказывалъ онъ, слишкомъ двадцать лѣтъ спустя, въ Перми—мы попали къ одному такому учителю, который или былъ пьянъ, или, трезвый, проповѣдывалъ намъ Вольтера и Дидерота (*). Этого учителя мнѣ безпрестанно приходилось замѣнять на его урокахъ въ частныхъ домахъ, а какъ своего порядочнаго сюртука не было, то я являлся туда въ чужомъ, которымъ одолжалъ меня другой семинаристъ, Шестаковъ (**), всѣхъ насъ богаче и кое-когда лакомившій товарищей ягодами, бѣлымъ хлѣбомъ, молокомъ и т. п. Впрочемъ, между семинаристами въ то время гораздо больше думали о кутежѣ и пьянствѣ, нежели о наукѣ. Въ девять часовъ вечера начальники, бывало, уже спятъ, а у насъ тогда-то и начинается жизнь, и самая разгульная . . . . . Вообще, если было для меня тутъ какое образованіе, то развѣ отъ сочиненія спорныхъ диссертацій, которыя двое или трое изъ насъ сами задавали другъ другу и потомъ вмѣстѣ просматривали.» Эти оргіи не имѣли, однако, вліянія

(*) Нѣкоторыя, схожія съ этимъ подробности о тогдашнихъ преподавателяхъ Александроневской семинаріи мы встрѣчаемъ также въ прекрасной статьѣ г. Колбасина: «Иванъ Ивановичъ Мартыновъ» (Современникъ 1856 года), въ которой не разъ упоминается и о Сперанскомъ, какъ соученикѣ Мартынова. «Первое въ семинаріи мѣсто — писалъ послѣдній въ своихъ запискахъ—по всѣмъ отношеніямъ занимаетъ Сперанскій, присланный изъ Владимірской семинаріи. Если бы нашъ курсъ и никого, кромѣ его, не образовалъ, то не нужно бы было другихъ доказательствъ въ полезности онаго».

(**) Андрей Ивановичъ, бывшій послѣ совѣтникомъ Вятскаго губернскаго правленія.

на Сперанскаго, котораго нравственный инстинктъ охранялъ отъ порока. По лѣтамъ одинъ изъ младшихъ въ Главной семинаріи и еще болѣе моложавый нежели молодой, онъ, чтобъ придать себѣ видъ взрослаго, вздумалъ нюхать табакъ (*); этимъ однимъ, кажется, ограничивались всѣ его шалости. Люди, знавшіе его въ ту эпоху, говорятъ, что, въ минуты отдыха и забавъ, онъ, какъ и прежде во Владимірѣ, былъ полонъ огня и живости; но веселость его никогда не переходила за предѣлы приличія. Словцовъ (**), ближайшій къ Сперанскому въ семинаріи, такъ описывалъ бывшаго своего товарища, уже послѣ его смерти: «покойный отличался въ Невской нашей семинаріи особеннымъ цѣломудріемъ въ мысляхъ, словахъ и чувствахъ. Сердце его тогда уже благоухало какимъ то чистымъ, свѣжимъ запахомъ». Одна только страсть едва не овладѣла имъ въ то время, именно страсть—къ карточной игрѣ. Семинаристы проводили за нею половину ночей и, что́ очень замѣчательно, изъ одного лишь разгула воображенія, потому что играли совсѣмъ не на деньги, которыхъ ни у кого изъ нихъ почти не было, а на простыя бумажки, выкрашенныя, по цвѣту тогдашнихъ ассигнацій, въ красный и синій цвѣтъ. Сперанскій сначала тоже было завлекся въ такую игру, но какъ только замѣтилъ, что это мнимое ребячество начи-

---

(*) Объ этомъ оригинальномъ способѣ «казаться старѣе» Сперанскій самъ не разъ разсказывалъ потомъ, крѣпко горюя, что такимъ образомъ былъ вовлеченъ въ привычку, отъ которой послѣ уже никакъ не могъ отстать.

(**) Петръ Андреевичъ Словцовъ, самъ по себѣ человѣкъ примѣчательный, близко сошелся съ Сперанскимъ съ самаго перваго года ученія его въ Главной семинаріи. Бывъ возвращенъ, по выпускѣ, на мѣсто своей родины, въ Тобольскъ, преподавателемъ философіи, онъ, спустя нѣкоторое время, перешелъ въ гражданскую службу, состоялъ наконецъ визитаторомъ учебныхъ заведеній въ Сибири и умеръ въ 1843 году. Сперанскій сохранялъ къ нему дружбу до своей смерти.

пасть неодолимо брать надъ нимъ верхъ, то умѣлъ побѣдить себя силою воли и уже никакія просьбы и насмѣшки не могли склонить его взять опять карты въ руки (*). При всемъ томъ, или именно потому что нашъ молодой человѣкъ не раздѣлялъ многихъ изъ вкусовъ своихъ соучениковъ въ Александроневской семинаріи, онъ пользовался общимъ ихъ уваженіемъ. Чрезвычайная его скромность, снисходительность къ чужимъ слабостямъ, услужливость и всегдашняя готовность помогать каждому своимъ умомъ и своими знаніями, заставляли товарищей переносить и прощать его превосходство.

По праздникамъ и воскресеньямъ, лучшіе семинаристы Главной семинаріи говорили тогда, въ Александроневскомъ монастырѣ, проповѣди, или слова̀. Разумѣется, что Сперанскій былъ въ главѣ тѣхъ избранныхъ, которые удостоивались этой чести. Та́къ мы знаемъ отъ Словцова, что въ мясопустную недѣлю 1791 года, не задолго до окончанія своего курса, нашъ семинаристъ сказалъ проповѣдь *о страшномъ судѣ*. «Проповѣдь эта—пишетъ Словцовъ—была такъ увлекательна, что убѣжденіе видимымъ образомъ выражалось на лицахъ слушателей, чему, безъ сомнѣнія, содѣйствовали одушевленныя черты юноши-проповѣдника, мелодическій его голосъ и изливавшееся въ его словахъ собственное сердечное умиленіе.» Къ сожалѣнію, въ архивахъ духовнаго вѣдомства не сохранилось этихъ проповѣдей и только одна изъ нихъ недавно найдена въ бумагахъ Самборскаго. Она была произнесена (какъ видно по надписи) тоже въ 1791 году, 8 октября, въ недѣлю

(*) Позже, уже тридцати лѣтъ отъ роду, онъ точно также навсегда отказался отъ одной изъ любимыхъ забавъ своихъ въ часы отдохновенія—именно отъ шахматной игры, находя, что пораженіе возбуждаетъ въ немъ слишкомъ большое неудовольствіе противъ соперника.

осьмуюнадесять, на текстъ: *«Не бойся, отселѣ будеши человѣки ловя»*, которымъ авторъ какъ бы предсказывалъ собственныя свои судьбы. Есть свѣдѣніе еще и о другой проповѣди въ письмѣ отъ 18 марта 1817 года къ Сперанскому — тогда Пензенскому губернатору — чиновника Растовецкаго, который подалъ ему какой-то доносъ по таможенной части и, какъ бы *задобривая* къ себѣ, писалъ: «позвольте доложить и сіе, что я ученикъ старшаго вашего знакомца, нынѣшняго Томскаго губернатора, Илличевскаго. По возвращеніи его изъ Александроневской академіи въ Полтаву, я слушалъ у него поэзію и реторику и пользовался милостями его до того, что съ собственноручно писаннаго вами, еще въ той академіи, слова о воспитаніи дѣтей, безъ перемарки вами написаннаго, я себѣ переписалъ оное и теперь храню для сына моего, какъ священный памятникъ отличныхъ дарованій». Но самое это слово не отыскалось.

II.

Сперанскій говорилъ свои проповѣди въ присутствіи митрополита С.-Петербургскаго и Новгородскаго Гавріила, который та́къ былъ доволенъ и ими и сочинителемъ, что пожелалъ удержать его при себѣ. Представя синоду, что изъ обучавшихся въ Невской семинаріи студентовъ и его и другихъ семинарій *«больше всѣхъ* успѣлъ какъ въ мате-«матическомъ, такъ и въ философскомъ классѣ, Владимір-«ской семинаріи семинаристъ Михайла Сперанскій, ко-«торый для математическаго класса въ Невской семинаріи «весьма нуженъ и къ пользѣ семинаристовъ Владимір-«скихъ (*) послужитъ,» онъ просилъ, вмѣсто отсылки Спе-

(*) Т. е. присылаемыхъ изъ Владиміра въ Петербургъ.

ранскаго учителемъ—какъ бы слѣдовало по предназначенію Главной семинаріи—обратно въ Суздаль, оставить его въ Петербургѣ. Синодъ не затруднился удовлетворить желанію первенствовавшаго своего члена, и 9 января 1792 года рѣшено было—Сперанскому оставаться при Александроневской семинаріи.

Митрополиту, однако же, недостаточно было удержать даровитаго семинариста только при своемъ училищѣ. Онъ хотѣлъ еще навсегда упрочить эти дарованія для Церкви и украсить ими нашу іерархію. Молодому человѣку дѣлаемы были, и прямо и черезъ другихъ, сильныя внушенія принять монашество; но онъ не чувствовалъ въ себѣ къ нему призванія и настойчиво отклонилъ всѣ предложенія. 20-го мая 1792 Гавріилъ опредѣлилъ его при Главной семинаріи учителемъ математики (*), а 19 августа поручилъ ему преподавать въ ней также физику и краснорѣчіе. «Преосвященный Гавріилъ — разсказывалъ Сперанскій «послѣ—особенно меня любилъ и потому велѣлъ учить «другихъ, когда мнѣ самому еще надобно было доучиваться». По первой каѳедрѣ ему положили жалованья 150 рублей (ассигнаціями) въ годъ, а съ присоединеніемъ второй прибавили 50 р.; начало его самобытнаго существованія было, слѣдственно, не роскошное, даже и по тому времени. Наконецъ, три года спустя, Сперанскій достигъ высшаго званія, до котораго могъ дойти по этой карьерѣ: 8 апрѣля 1795 года его назначили учителемъ философіи и, вмѣстѣ, префектомъ той же Александроневской семинаріи; послѣдняя должность, при тогдашнемъ устройствѣ духовно-учебной части, считалась чрезвычайно важною, потому что въ рукахъ префекта было сосредоточено все

(*) А не *профессоромъ*, какъ сказано въ біографіяхъ; этого званія при Невской семинаріи совсѣмъ не существовало.

нравственное управленіе училища (*). Съ этимъ назначеніемъ и оклады его увеличились до 275 руб. въ годъ.

О лекціяхъ и образѣ жизни Сперанскаго, какъ семинарскаго преподавателя, намъ извѣстно очень немногое. Когда мы приступили къ собиранію нашихъ матеріаловъ, изъ его учениковъ оставался въ живыхъ уже одинъ только, двоюродный его братъ, 75-тилѣтній старикъ Ксенофонтъ Дилекторскій, котораго опредѣлили въ Главную семинарію по одобрительному отзыву прежняго начальника Сперанскаго, игумена Евгенія. Онъ прибылъ въ Петербургъ въ 1792 году и, остававшись въ семинаріи слишкомъ годъ, во все это время посѣщалъ лекціи двоюроднаго своего брата, а два мѣсяца жилъ даже въ одной съ нимъ кельѣ. По его словамъ, на лекціи Сперанскаго собиралось слушателей человѣкъ до тридцати и болѣе. Геометрію и тригонометрію молодой наставникъ читалъ по руководству Крафта, а алгебру по Эйлеровой универсальной ариѳметикѣ (**). Теорію церковнаго проповѣдничества онъ изъяснялъ блестящимъ, даже нѣсколько изысканнымъ слогомъ; но увлекая своихъ слушателей къ подражанію, не могъ передать имъ того вкуса, который предохранялъ его отъ надутой высокопарности (***). О предметахъ своего преподаванія Сперанскій нерѣдко и внѣ классовъ разсуждалъ съ при-

---

(*) По Духовному регламенту Петра Великаго требовалось, чтобы префектъ былъ «честнаго житія, не весьма свирѣпый и не меланхоликъ». Въ Александроневской семинаріи всѣ предмѣстники Сперанскаго въ этой должности были іеромонахи.

(**) Такъ была названа *алгебра* Эйлера въ русскомъ переводѣ Иноходцева и Юдина, вышедшемъ вторымъ «тисненіемъ» въ С.-Петербургѣ въ 1787 году.

(***) Послѣднее замѣчаніе заимствовано нами изъ исторіи С.-Петербургской духовной академіи, изданной въ 1857 году профессоромъ ея Чистовичемъ.

ходившими къ нему учениками, изъ числа которыхъ одни поступили потомъ на священническія мѣста въ Петербургѣ, а другіе были размѣщены къ учительскимъ должностямъ по епархіямъ, или перешли въ гражданскую службу. Между ними въ особенности сдѣлался извѣстенъ Ѳеодоръ Петровичъ Ласкинъ, родомъ изъ Коломны, который, по окончаніи курса, поступилъ префектомъ на мѣсто Сперанскаго и, постригшись въ монашество подъ именемъ Флавіана, лѣтъ 20-ти съ небольшимъ былъ уже архимандритомъ и ректоромъ семинаріи. Дилекторскій, вспоминая о келейной жизни своего учителя, рисовалъ ее въ очень скромныхъ краскахъ. Ежедневный обѣдъ составляли: похлебка изъ крошеной свеклы, съ говядиною или снятками, и жаркое на сковородѣ, а иногда кисель; все это готовилъ пьяный церковникъ, присланный откуда-то въ Александроневскій монастырь подъ началъ. Изрѣдка однако Сперанскій позволялъ себѣ бывать въ театрѣ, куда бралъ съ собою и Дилекторскаго, платя за мѣсто для каждаго по 25 коп. мѣдью (*).

III.

Послѣ математики Сперанскій всего усерднѣе занимался философіею, не смотря на тотъ скептицизмъ его въ отношеніи къ этой наукѣ, о которомъ мы упомянули выше. Словцовъ часто заставалъ его за Ньютономъ; послѣ же, занявъ въ семинаріи каѳедру философіи, молодой учитель ревностно трудился надъ критическимъ изученіемъ и раз-

(*) Самъ Дилекторскій изъ Главной семинаріи перешелъ въ Московскій университетъ, гдѣ окончилъ курсъ на иждивеніи Сперанскаго, призрѣвавшаго его въ теченіе всей жизни. Онъ умеръ въ 1850 или 1851 году, въ маленькомъ своемъ имѣніи въ Симбирской губерніи.

боромъ философскихъ системъ, начиная съ Декарта, Локка, Лейбница и др. до славившагося въ то время Кондильяка (*). Результаты своихъ трудовъ и изысканій онъ записывалъ и, по временамъ, прочитывалъ Словцову. Изъ числа этихъ замѣтокъ и вообще изъ философическихъ его сочиненій той эпохи, сохранились только: отрывокъ «О силѣ, основѣ и естествѣ», напечатанный въ «Москвитянинѣ» 1842 года (№ 1), и небольшая тетрадь «Досуговъ за сентябрь 1795 года» (доказательство, что были такія же и за *другіе* мѣсяцы), подаренная имъ, въ послѣдніе годы своей жизни, сыну того Масальскаго, о которомъ намъ далѣе часто придется говорить. Она написана частію по-русски, частію по-французски—единственный новѣйшій иностранный языкъ, который тогда былъ знакомъ Сперанскому—и напечатана въ «Сынѣ Отечества» 1844 года (№ 1-й, стр. 23 и № 2-й, стр. 46). Въ ней находились, между прочимъ, и планъ для романа, подъ заглавіемъ: «Canevas d'un roman à faire: le père de famille», и размышленія въ родѣ слѣдующаго: «облетавъ мыслію всѣ въ свѣтѣ удовольствія, всегда надобно кончить тѣмъ, чтобъ вздохнуть, усмѣхнуться и—быть добродѣтельнымъ.» Но всего любопытнѣе, въ этой тетради, слѣдующая автохарактеристика: «J'ai trois ennemis à combattre: la paresse, la timidité, la vanité . . . . . Mon Dieu, quels ennemis! ils se liguèrent contre moi dès mon enfance. Mon tempérament leur prête des armes toujours nouvelles. Qu'est ce que je

(*) Отъ чего же въ этомъ исчисленіи Словцовъ не называетъ Канта, который, безъ сомнѣнія, былъ первымъ философомъ той эпохи и еще въ 1781 году издалъ свою знаменитую «Kritik der reinen Vernunft»? Отвѣтъ весьма простъ: Сперанскій, въ то время, не зналъ по-нѣмецки; Латинскій же переводъ Кантовыхъ твореній, Борна, былъ напечатанъ только въ 1796 году, а Французовъ впервые ознакомилъ съ его философіею Виллеръ (Villers) еще позже, именно въ 1801-мъ году.

puis faire un contre trois, moi, pauvre et chétif mortel, avec ma brillante imagination et ma pauvre raison?» Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, что въ одномъ изъ этихъ мнимыхъ своихъ пороковъ, лѣности, онъ часто каялся и позже, а въ другомъ—гордости, или тщеславіи—даже на самомъ смертномъ одрѣ (*).

Къ этому же періоду жизни Сперанскаго относится еще одно, довольно обширное, ученое сочиненіе. Недостатокъ руководствъ на Русскомъ языкѣ по теоріи словесности, свойственная молодости охота созидать, вѣроятно и тайное сознаніе своего превосходства надъ товарищами по преподаванію, побудили его изложить часть своихъ лекцій на бумагѣ, изъ чего составилась полная книга, подъ заглавіемъ: «Правила высшаго краснорѣчія». Это, уже цѣлостное, хотя не вполнѣ до насъ дошедшее, твореніе человѣка, призваннаго, впослѣдствіи, къ такимъ высокимъ обязанностямъ, достойно вниманія какъ важный фактъ не только въ его жизнеописаніи, но и въ исторіи нашей литературы. Если теперь оно устарѣло по теоретическимъ началамъ

(*) Г. Чистовичъ въ вышеприведенномъ сочиненіи говоритъ, что Сперанскій, во время служенія при семинаріи, былъ сотрудникомъ литературныхъ журналовъ. Дальнѣйшія о томъ подробности намъ неизвѣстны, а сказанное въ статьяхъ гг. Колбасина и Лонгинова основано на однѣхъ догадкахъ. Недавно, впрочемъ, всѣ эти предположенія объ участіи Сперанскаго въ періодическихъ изданіяхъ г. Кобеко возвелъ въ рядъ положительныхъ фактовъ, и въ своей статьѣ: «Нѣсколько псевдонимовъ въ Русской литературѣ XVIII вѣка» (Библіогр. Зап. 1861 г., № 4, столб. 115) уже прямо говоритъ, что Сперанскій помѣстилъ, подъ псевдонимомъ Ѣ, нѣсколько стихотвореній въ журналѣ «Муза», издававшемся, въ 1796 году, Мартыновымъ. Но благодаря достовѣрнымъ даннымъ, хранящимся въ рукахъ Д. В. Полѣнова и имъ радушно намъ сообщеннымъ, теперь открыто, что стихотворенія, помѣщенныя въ «Музѣ» съ подписью буквы Ѣ, принадлежали отцу его, Василію Алексѣевичу Полѣнову, о поэтической дѣятельности котораго прежде ничего не было извѣстно.

и если съ нѣкоторыми изъ мнѣній автора трудно согласиться при настоящемъ положеніи науки: все же, однако, въ его сочиненіи вездѣ видно присутствіе мысли, согрѣтой сердечною теплотою, встрѣчаются высокіе порывы чувствъ, нерѣдко свѣжесть взгляда, даже такіе неожиданные обороты, которые и нынѣ кажутся какъ бы новыми. Въ реторическихъ лекціяхъ двадцатилѣтняго преподавателя обнаруживались обширная начитанность, близкое знакомство съ классическими писателями древности и частію тотъ крѣпкій, самостоятельный умъ, которому не доставало еще только простора, чтобъ сдѣлаться умомъ государственнымъ. Примѣчателенъ и языкъ. Въ немъ не было и не могло быть подражанія языку Карамзина, только что выступавшаго въ то время съ своею новою Русскою рѣчью, а между тѣмъ онъ все таки, съ перваго взгляда, представляется совсѣмъ инымъ, нежели какимъ тогда писали другіе. Нельзя еще не замѣтить рѣдкой въ такія лѣта скромности, почти даже робости тона, въ которомъ не проявляется никакихъ притязаній, еще менѣе самоувѣренности. Должно, наконецъ, остановиться и на томъ, что въ такое время, когда теорія словесности не представляла у насъ ничего подобнаго; когда она, и въ школахъ и въ руководствахъ, была закована въ устарѣлыя и мертвыя схоластическія формы; когда отъ «Правилъ высшаго краснорѣчія», и по духу ихъ, и по образу изложенія, должно было ожидать, по всей вѣроятности, такого же электрическаго удара, какой произвели почти современныя имъ «Письма Русскаго путешественника»; когда, прибавимъ, подпись имени подъ какою нибудь статейкою въ тогдашнихъ немногихъ и скудныхъ, по содержанію, Русскихъ журналахъ тотчасъ давала этому имени значеніе въ ученомъ мірѣ, и слава литературная пріобрѣталась не съ такими трудностями какъ

теперь,—Сперанскій, не смотря на всю эту благопріятную обстановку, воздержался напечатать свою книгу. Причину тому должно, кажется, искать лишь въ свойственной великимъ талантамъ недовѣрчивости къ своимъ силамъ: иначе, если бъ любимый митрополитомъ Гавріиломъ бѣдный учитель замыслилъ издать въ свѣтъ свой трудъ, то просвѣщенный іерархъ, вѣроятно, не отказалъ бы ему ни въ своемъ содѣйствіи, ни въ матеріальной на то помощи. Сочиненіе Сперанскаго, и тогда и до самой его смерти, оставалось—какъ почти все написанное имъ внѣ служебной сферы—въ рукописи. Многіе списки съ него долго ходили въ замѣнившей семинарію академіи и внѣ ея; но напечатано оно было (впрочемъ по списку со многими пробѣлами) только черезъ пять лѣтъ послѣ кончины автора, въ 1844 году, въ Петербургѣ, однимъ изъ почитателей его памяти (*).

(*) Прод. Я. Вѣтринскимъ, который былъ студентомъ 1-го курса и потомъ профессоромъ С.-Петербургской духовной академіи, а впослѣдствіи директоромъ Могилевской гимназіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Частная служба Сперанскаго у князя Куракина. Увольнение его изъ духовнаго вѣдомства и гражданская служба до вступленія на престолъ Императора Александра I.

I.

Сперанскій, въ бытность учителемъ семинаріи, соединялъ съ занятіями служебными еще и одно частное, которымъ, *въ то время*, увеличивались средства его существованія, а *впослѣдствіи* былъ ему проложенъ первый путь къ новому поприщу.

Князю Алексѣю Борисовичу Куракину, богатому вельможѣ, управлявшему, въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины II, третьею экспедиціею для свидѣтельства государственныхъ счетовъ, понадобился, въ прибавку къ двумъ домашнимъ секретарямъ, или писцамъ, которые уже были у него для иностранной переписки, еще третій, собственно для Русской. Какимъ образомъ выборъ его въ этомъ палъ на Сперанскаго, о томъ сохранилось множество разнорѣчивыхъ преданій. Нѣкоторыя изъ нихъ перешли послѣ и въ печать; но слѣдующее, по видимому самое достовѣрное, осталось неоглашеннымъ. Нѣкто Ивановъ, уроженецъ той же, какъ и Сперанскій, Владимірской губерніи, служившій подъ начальствомъ Куракина и жившій у него въ домѣ (*), былъ коротко знакомъ съ своимъ землякомъ и нерѣдко къ нему хаживалъ. Куракинъ, услышавъ объ этихъ частыхъ

(*) Онъ умеръ въ сороковыхъ годахъ, казначеемъ удѣльнаго департамента, въ чинѣ статскаго совѣтника.

посѣщеніяхъ Ивановымъ Александроневской семинаріи, спросилъ его, въ разговорѣ, не знаетъ ли онъ какого нибудь семинариста, способнаго къ должности домашняго секретаря. Тотъ рекомендовалъ Сперанскаго. Для испытанія, молодому человѣку велѣно было явиться однажды къ осьми часамъ вечера, и Куракинъ поручилъ ему написать одиннадцать писемъ къ разнымъ лицамъ, употребивъ около часа на одно изъясненіе на словахъ того, что̀ слѣдовало сказать въ каждомъ письмѣ. Сперанскій, чтобъ немедленно заняться порученнымъ ему дѣломъ, безъ потери времени въ переходахъ въ отдаленную семинарію, а оттуда опять назадъ (*), остался на ночь у Иванова и тутъ же написалъ всѣ одиннадцать писемъ, такъ что въ 6 часовъ утра они уже лежали на столѣ у Куракина. Князь сперва не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ, что дѣло уже выполнено, а потомъ, прочитавъ письма и видя какъ они мастерски изложены, еще болѣе изумился, расцѣловалъ Иванова за пріисканный ему кладъ и тотчасъ принялъ къ себѣ Сперанскаго. Этому показанію не противурѣчитъ и свидѣтельство сына князя Куракина, Бориса Алексѣевича (**): онъ, въ составленной имъ для насъ запискѣ, разсказываетъ, что его отецъ, имѣвъ надобность въ частномъ Русскомъ секретарѣ, обратился съ просьбою поискать такого между семинаристами къ митрополиту Гавріилу, который, вслѣдствіе того, прислалъ ему Сперанскаго. Ивановъ, какъ домашній у Куракина человѣкъ, могъ подтвердить или предварить рекомендацію митрополита, а молодой князь, которому, при вступленіи Сперанскаго въ ихъ домъ, шелъ только

(*) Куракинъ жилъ тогда у Полицейскаго моста въ собственномъ домѣ, перешедшемъ потомъ къ Косиковскому, а теперь принадлежащемъ Елисееву.

(**) Князь Борисъ Алексѣевичъ Куракинъ, впослѣдствіи сенаторъ, умеръ въ отставкѣ, въ своемъ имѣніи, въ 1850 году.

седьмой годъ и котораго разсказъ основанъ, слѣдственно, на слышанномъ уже впослѣдствіи, могъ или забыть объ этой подробности, или совсѣмъ о ней не знать.

Въ «Думѣ» Магницкаго и въ нѣкоторыхъ другихъ источникахъ утверждается, будто бы Сперанскій былъ не только домашнимъ секретаремъ Куракина, но еще и учителемъ его сына, названнаго нами князя Бориса Алексѣевича. Послѣдній въ своей запискѣ это отвергаетъ, говоря, что Сперанскій далъ ему и двумъ его сестрамъ, во время приготовленія ихъ къ первой исповѣди, только нѣсколько уроковъ въ Законѣ Божіемъ. Напротивъ двоюродный братъ Куракина, вмѣстѣ съ нимъ воспитывавшійся, Сергій Семеновичъ Уваровъ (*), съ своей стороны увѣрялъ насъ, что Сперанскій давалъ и ему и молодому князю уроки въ Русскомъ языкѣ, и это подтвердила также близкая ихъ родственница, статсъ-дама княгиня Екатерина Ѳедоровна Долгорукова, прибавивъ, что мать Уварова, за уроки ея сыну, даривала Сперанскому, къ большимъ праздникамъ, или по бѣлой бумажкѣ (тогдашняя 25-ти рублевая ассигнація), или сукна на платье. Наконецъ, есть еще свидѣтельство, будто бы Сперанскій давалъ уроки и въ домѣ оберъ-гофмейстерины великой княгини Елисаветы Алексѣевны, графини Шуваловой; но дочь графини, находившаяся потомъ въ замужствѣ за Австрійскимъ княземъ Дитрихштейномъ (**), отозвалась намъ, что Сперанскій никогда и никому въ ихъ домѣ уроковъ не давалъ и даже, до женидьбы своей, совсѣмъ не былъ и вхожъ къ нимъ. Вопросъ этотъ, хотя мы вошли о немъ почти въ цѣлое юридическое изслѣдованіе, самъ по себѣ, конечно, очень не важенъ; но разнорѣчіе отвѣтовъ доказываетъ, съ какою осторожностію

(*) Впослѣдствіи графъ и министръ народнаго просвѣщенія.
(**) Она умерла недавно въ Вѣнѣ, въ глубокой старости.

должно, въ біографическихъ розысканіяхъ, полагаться на авторитетъ личныхъ воспоминаній, даже тогда, когда они принадлежатъ современнымъ очевидцамъ и участникамъ событій. Достовѣрно одно, именно: что за нѣсколько лѣтъ до кончины Императрицы Екатерины II митрополитъ Гавріилъ дозволилъ Сперанскому поступить въ частную службу къ князю Куракину и переѣхать къ нему въ домъ, но съ обязанностію исправно продолжать свои лекціи въ семинаріи.

Куракинъ назначилъ Сперанскому 400 р. асс. жалованья, на всемъ готовомъ содержаніи, и его одного изъ всѣхъ домашнихъ своихъ секретарей пригласилъ обѣдать за своимъ столомъ. Сначала онъ даже особенно на томъ настаивалъ, желая пріучить понравившагося ему молодаго человѣка къ хорошему обществу; но Сперанскому было какъ-то неловко въ этомъ чуждомъ для него мірѣ: онъ всячески избѣгалъ приглашеній Куракина и предпочиталъ обѣдать съ старшими изъ прислуги: камердинерами князя, первыми горничными княгини и нянями ихъ дочерей. Наконецъ, хозяинъ, самъ видя, что для бѣднаго секретаря присутствіе за господскимъ столомъ—настоящая пытка, пересталъ его неволить и далъ ему полную свободу обѣдать гдѣ захочетъ. Лѣтніе мѣсяцы Куракинъ жилъ обыкновенно, вмѣстѣ съ княгинею Е. Ѳ. Долгоруковою, Австрійскимъ посломъ графомъ Кобенцелемъ и Дмитріемъ Александровичемъ Гурьевымъ, на дачѣ князя Вяземскаго, Александровкѣ, на Невѣ, гдѣ теперь зданія Александровской мануфактуры. Вокругъ главнаго дома были четыре башенки и въ одной изъ нихъ помѣщался Сперанскій съ товарищами. «Здѣсь—разсказывала княгиня Долгорукова—я три лѣта прожила почти подъ одною съ нимъ крышею, никогда его не видавъ и даже не слыхавъ ни разу его имени, точно также какъ и прочихъ писцовъ или секретарей

Алексѣя Борисовича, которые не допускались ни къ нашему столу, ни вообще въ пріемныя комнаты. Наша жизнь на этой дачѣ разнообразилась частыми праздниками, домашними спектаклями, музыкою и проч. Однажды графъ Кобенцель сочинилъ маленькій фарсъ, въ которомъ самъ долженъ былъ занимать очень комическую роль; но соглашался поставить его на домашнюю сцену и участвовать въ представленіи только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы при представленіи не было никого изъ прислуги Куракина: это исключеніе было распространено и на Сперанскаго. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда послѣдній уже начиналъ занимать важное мѣсто въ обществѣ, княгиня Куракина, пригласивъ меня однажды къ себѣ обѣдать, сказала, что къ ней обѣщалъ быть Сперанскій. Я отвѣчала, что буду очень рада встрѣтиться наконецъ съ человѣкомъ, про котораго столько говорятъ и котораго, между тѣмъ, мнѣ еще не удавалось никогда видѣть. Тутъ княгиня разсказала мнѣ, какъ мы три года сряду жили съ нимъ на одной дачѣ. Я едва вѣрила своимъ ушамъ и долго сомнѣвалась, не мистифируетъ ли она меня».—«Въ Александровкѣ—передавалъ намъ человѣкъ совсѣмъ другаго разряда, вольноотпущенный графа Гурьева, а въ то время главный его берейторъ, Борисъ Тимоѳеевъ—въ Александровкѣ, гдѣ баринъ нашъ живалъ съ княземъ Куракинымъ, Михайло Михайловичъ, бывъ писаремъ у князя, всегда обѣдалъ съ нами въ людской, а послѣ обѣда, или вечеркомъ, мы игрывали съ нимъ въ ламушъ....»—Въ городѣ всѣ три секретаря Куракина жили въ одной комнатѣ; часть ея была занята ихъ кроватями, которыя стояли за простыми бумажными ширмами, а незанятое пространство составляло и общій кабинетъ, и общую гостинную. При молодомъ Борисѣ Алексѣевичѣ гувернеромъ и главнымъ наставникомъ былъ тогда Прусакъ Брюкнеръ, человѣкъ добрый, съ глу-

бокими и многосторонними свѣдѣніями, но пропитанный ученіемъ Вольтера и энциклопедистовъ и вообще либеральнымъ направленіемъ того времени, которое онъ, впрочемъ, тщательно таилъ отъ стараго князя, заклятаго врага всѣхъ подобныхъ идей. Этотъ Брюкнеръ, лицо очень важное въ домѣ по своему званію и по довѣрію къ нему князя и княгини, тотчасъ отличилъ Сперанскаго отъ другихъ секретарей и взялъ его подъ особенное свое покровительство. Они, наконецъ, такъ подружились, что не могли жить одинъ безъ другаго, и, при каждомъ свободномъ часѣ, сходились на длинныя бесѣды въ комнатѣ Брюкнера, находившейся въ сторонѣ отъ другихъ. «Эта дружба—прибавляетъ князь Б. А. Куракинъ—продолжалась нѣсколько лѣтъ, а какъ я между тѣмъ приходилъ въ возрастъ, то они по немногу стали допускать къ своимъ разговорамъ и меня. Наконецъ молодой секретарь такъ меня полюбилъ, что, не смотря на всѣ позднѣйшія перемѣны въ обстоятельствахъ, не смотря также на совершенное охлажденіе и даже на явную ненависть, которая послѣ водворилась между покойнымъ моимъ отцомъ и Сперанскимъ - вельможею (*), онъ никогда не распространялъ этого чувства на мое лицо и до конца дней удостоивалъ меня своею пріязнію, смѣю сказать и уваженіемъ». Кромѣ Брюкнера, Сперанскій, въ тогдашнемъ своемъ положеніи, пріятельски сошелся еще съ двумя камердинерами общаго ихъ барина: Львомъ Михайловымъ и крѣпостнымъ человѣкомъ князя

(*) Что такая ненависть впослѣдствіи точно существовала, это не подлежитъ никакому сомнѣнію; но о причинахъ ея, послѣ благодѣяній Куракина Сперанскому, всегда помнившему добро, мы, при всѣхъ розысканіяхъ, не могли узнать ничего положительнаго. Должно думать, что начало ссоры пошло отъ Куракина, которому, какъ ревностному приверженцу старины, были въ высшей степени противны нововведенія бывшаго его секретаря.

Александра Ивановича Лобанова - Ростовскаго, Иваномъ Марковымъ, тоже, по должности своей, немаловажными лицами въ домѣ. Оба часто имѣли возможность и случай оказывать ему разныя послуги, и онъ никогда не забывалъ ихъ одолженій. Льва Михайлова Сперанскій, уже бывъ государственнымъ секретаремъ и на высшей степени власти, во всякое время охотно къ себѣ допускалъ и осыпалъ ласками. Съ Иваномъ Марковымъ онъ снова встрѣтился уже позже, въ бытность свою Пензенскимъ губернаторомъ. Марковъ, давно оставившій домъ Куракиныхъ, имѣлъ тогда въ Пензѣ какую-то надобность до начальника губерніи и ожидалъ въ передней, въ числѣ другихъ просителей. Сперанскій, выйдя изъ своего кабинета, тотчасъ его узналъ и бросясь къ нему съ словами: «Иванъ Марковичъ, старый знакомый!» сталъ его обнимать и разсказалъ въ общее услышаніе о прежнихъ ихъ отношеніяхъ. Вотъ еще одинъ анекдотъ, въ томъ же родѣ и не болѣе важный въ существѣ, но столько же поясняющій характеръ человѣка. Главная прачка въ домѣ Куракиныхъ, жена одного изъ поваровъ, усердно стирала незатѣйливое бѣлье молодаго секретаря, который, изъ благодарности, былъ воспріемникомъ одного изъ ея сыновей и въ день крестинъ провелъ у нея цѣлый вечеръ. Много лѣтъ спустя, Сперанскій однажды гулялъ съ своею дочерью по набережной на Аптекарскомъ острову. Въ ту пору прачка, выполоскавъ бѣлье въ рѣкѣ, возвращалась, черезъ набережную, въ домъ. Завидѣвъ гуляющихъ и тотчасъ узнавъ стараго знакомаго, она хотѣла, было, отойти въ сторону, чтобъ не сконфузить его, при молодой дамѣ, своимъ знакомствомъ. Но Сперанскій, который тоже тотчасъ припомнилъ и наружность и даже имя ея, закричалъ: «Марѳа Тихоновна, куда жъ ты такъ отъ меня бѣжишь? развѣ не узнаешь стараго пріятеля?» И, подозвавъ ближе къ себѣ, онъ взялъ ее за руку и сказалъ ей

нѣсколько тѣхъ пріятныхъ и ласковыхъ словъ, на которыя былъ такой мастеръ (*).

II.

Кончина Екатерины II измѣнила политическое значеніе патрона Сперанскаго, какъ измѣнила и многое другое. Князь Алексѣй Борисовичъ, считавшійся, вмѣстѣ съ «великолѣпнымъ», какъ называли его современники, братомъ своимъ Александромъ Борисовичемъ, позже нашимъ посломъ при дворѣ Наполеона, за домашняго человѣка при маленькомъ Гатчинскомъ дворѣ, былъ, тотчасъ по воцареніи Императора Павла, пожалованъ въ сенаторы и, не далѣе какъ 4 декабря 1796 года, назначенъ, на мѣсто графа Самойлова, генералъ-прокуроромъ, въ рукахъ котораго сосредоточивались тогда всѣ высшія дѣла государственнаго управленія. 19-го того же декабря Павелъ пожаловалъ ему Александровскую ленту, а менѣе нежели черезъ четыре мѣсяца (5 апрѣля 1797 года) чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, не смотря на то, что въ предъидущемъ чинѣ Куракинъ состоялъ только съ 1 января 1795 года. Наконецъ 4 октября 1797 года онъ далъ ему бриліантовые знаки Александровскаго ордена, а 19 декабря Андреевскую ленту. Словомъ, съ небольшимъ въ годъ, Куракинъ, послѣ прежней незначительной своей должности и одной

(*) Дочь Сперанскаго, отъ которой мы слышали этотъ разсказъ, прибавила къ нему, что когда отецъ ея уже былъ на верху величія и въ размолвкѣ съ княземъ Куракинымъ, самыя убѣдительныя записки княгини побывать у нея на минуту, онъ оставлялъ безъ отвѣта, а между тѣмъ, по малѣйшему призыву этой бѣдной женщины, дѣлившей съ нимъ нѣкогда горе и нужду (она между тѣмъ потеряла мужа, а съ нимъ и всѣ средства къ существованію), тотчасъ спѣшилъ къ ней на помощь и утѣшеніе.

Анненской звѣзды, достигъ перваго *чина*, перваго *званія* и перваго *ордена* въ имперіи.

Перемѣною въ положеніи покровителя немедленно была рѣшена и участь покровительствуемаго. Сперанскій уже успѣлъ заглянуть въ другую сферу жизни, и прежняя тѣсная среда не удовлетворяла болѣе его тайнымъ желаніямъ. 20 декабря 1796 года, т. е. съ небольшимъ черезъ двѣ недѣли послѣ назначенія Куракина генералъ-прокуроромъ, домашній его секретарь подалъ митрополиту Гавріилу просьбу, въ которой, изъясняя, что «находитъ сообразнѣйшимъ съ своими склонностями и счастіемъ вступить въ статскую службу», просилъ уволить его изъ Александроневской семинаріи. Эта просьба—актъ, который въ его жизни былъ важнѣе и многозначительнѣе послѣдней грамоты на графское достоинство—вся собственной его руки, еще и теперь хранится въ архивѣ семинарскаго правленія. «Жажда ученія—разсказывалъ онъ, позже, близкимъ къ нему—побудила меня перейти изъ духовнаго званія въ свѣтское. Я надѣялся ѣхать за границу и усовершенствовать себя въ Нѣмецкихъ университетахъ; но, вмѣсто того, завлекся службою. . . . .»

Митрополитъ, по порядку, не могъ удовлетворить просьбы семинарскаго учителя безъ согласія синодальнаго оберъ-прокурора графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, а послѣдній потребовалъ, въ замѣнъ, чтобы, вмѣстѣ съ увольненіемъ изъ духовнаго вѣдомства Сперанскаго, былъ выпущенъ въ статскую службу еще другой семинаристъ, учитель дѣтей его, графа, Анненскій (*). Дѣло, разумѣется, тотчасъ устроилось (**), и 24 декабря, пака-

(*) Бывшій, впослѣдствіи, юрисконсультомъ въ министерствѣ юстиціи и давно умершій.

(**) Устроилось, впрочемъ,—по сохранившимся въ Черкутинскомъ

нунѣ Рождества, митрополитъ Гавріилъ выдалъ слѣдующій аттестатъ: «Объявитель сего, магистръ Михайло Сперанскій, въ С.-Петербургской Александроневской семинаріи въ продолженіи десяти лѣтъ обучалъ (*) разнымъ наукамъ, какъ-то: математикѣ, краснорѣчію, физикѣ и философіи, былъ семинаріи префектомъ и исполнялъ должность свою со всею возможною ревностію и успѣхомъ, ведя себя наилучшимъ образомъ». Какъ только прошли праздники, бывшій учитель, 2 января 1797 года, поступилъ въ канцелярію генералъ-прокурора, съ чиномъ, по званію магистра, титулярнаго совѣтника и съ жалованьемъ по 750 р. въ годъ (**).

семействѣ преданіямъ, — не безъ неудовольствія со стороны митрополита Гавріила, который долго гнѣвался на своего семинариста за оставленіе имъ духовнаго вѣдомства. Прежде перехода въ гражданскую службу, Сперанскій письменно испрашивалъ согласіе на то своихъ родителей, которые отвѣчали, что предоставляютъ ему поступить по собственной его волѣ.

(*) Здѣсь очевидная ошибка: ибо Сперанскій и привезенъ былъ въ Александроневскую семинарію, какъ по оффиціальнымъ актамъ видно, только за семь лѣтъ передъ тѣмъ (въ январѣ 1790 года), учителемъ же опредѣленъ въ маѣ 1792 года; да и какимъ учителемъ могъ-бы онъ быть въ 1786 году, когда ему самому еще не минуло 16-ти лѣтъ! Вопросъ только въ томъ, вкралась ли эта ошибка въ аттестатъ неумышленно, или же она сдѣлана была съ намѣреніемъ, для какихъ либо особыхъ видовъ? Должно думать послѣднее, потому что въ предложеніи генералъ-прокурора и въ опредѣленіи сената (30 декабря 1796 года) о «возложеніи» на Сперанскаго чина титулярнаго совѣтника, основаніемъ принято именно то̀, что онъ «десять лѣтъ находился въ званіи магистра».

(**) Самъ Сперанскій, въ письмѣ отъ 26 января 1797 года къ архимандриту Евгенію, такимъ образомъ давалъ отчетъ въ перемѣнѣ своего положенія: «вамъ извѣстно, можетъ быть, по слуху, что я имѣлъ удачу быть префектомъ и, что̀ всего больше, избѣгнуть всѣхъ козней и искушеній, съ которыми я, стоя на семъ мѣстѣ, встрѣчался. Какъ бы то ни было, я ускользнулъ, и въ тоже самое время имѣлъ счастіе ознакомиться въ домѣ князя Алексѣя Борисовича и былъ употребленъ къ его

Сперанскій, на службѣ государственной при томъ же лицѣ, при которомъ, еще наканунѣ, состоялъ почти на степени слуги, долженъ былъ представлять явленіе, конечно, странное, но странное болѣе по отношенію къ теперешнимъ нравамъ и обычаямъ; въ тогдашнее время лица, имѣвшія власть, нерѣдко выводили своихъ лакеевъ въ чиновники и обращались съ подчиненными немногимъ лучше чѣмъ съ прислугою. Впрочемъ Куракинъ, и какъ начальникъ, не забылъ прежняго своего секретаря. Удержавъ его на жительствѣ у себя въ домѣ, онъ сдѣлалъ для него все, что только любимецъ государевъ могъ тогда сдѣлать для своего любимца. Едва вѣрится, читая въ формулярѣ Сперанскаго, что 5-го апрѣля 1797 года, т. е. черезъ *три мѣсяца* послѣ вступленія въ службу, онъ былъ произведенъ въ коллежскіе ассессоры, чинъ, приносившій въ то время потомственное дворянство; 1-го января 1798 года—въ надворные совѣтники (*), а 18-го слѣдующаго сентября, т. е. съ небольшимъ черезъ *полтора года* отъ начала новаго его поприща, уже и въ коллежскіе совѣтники. Предположивъ даже, что Сперанскій далеко превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей спо-

---

перепискѣ. Живя въ его домѣ, съ одной стороны я нечувствительно привыкалъ къ свѣту и его необходимой суетѣ, съ другой стороны, имѣя всегда готовое пристанище, я смѣялся вздору и лишнимъ *забобонамъ* Такимъ образомъ, растворяя уединеніе разсѣянностію и однѣ мечты мѣняя на другія, я прожилъ до самой перемѣны въ правленіи. Князь Алексѣй Борисовичъ, сдѣлавшись генералъ-прокуроромъ, милостивѣйшимъ образомъ принялъ меня въ свою канцелярію, титулярнымъ совѣтникомъ и на 750 р. жалованья. Такимъ образомъ вѣсы судьбы моей, столь долго колебавшись, наконецъ, кажется, пріостановились; не знаю, на долго ли; но это и не наше дѣло, а дѣло Промысла, въ путяхъ коего я доселѣ еще не терялся».

(*) Въ формулярѣ производство въ надворные совѣтники показано 1797-го года, безъ означенія числа и мѣсяца; но помѣщаемое здѣсь свѣдѣніе взято изъ подлиннаго дѣла генералъ-прокурорской канцеляріи, въ которомъ находится и черновой указъ.

собностями и, занявъ, почти тотчасъ по опредѣленіи своемъ на службу, немаловажный постъ экспедитора (начальника отдѣленія) (*) генералъ-прокурорской канцеляріи, имѣлъ случай отличиться: все же источникъ такихъ безпримѣрныхъ наградъ слѣдуетъ, конечно, искать болѣе въ личномъ расположеніи къ молодому чиновнику, нежели въ какихъ нибудь особенныхъ, необычайныхъ заслугахъ, для которыхъ и самое поле его дѣятельности еще было не довольно широко.

Вдругъ Куракинъ упалъ, и на его мѣсто, въ томъ же 1798 году, былъ назначенъ князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ.

Сынъ князя Куракина свидѣтельствуетъ, что облагодѣтельствованный, при паденіи своего благодѣтеля, которому было велѣно жить впредь въ своихъ деревняхъ, хотѣлъ непремѣнно все бросить и слѣдовать за нимъ, но что самъ Куракинъ, не желая заграждать пути, столь успѣшно открытаго дарованіямъ молодаго человѣка, воспротивился этому и настоялъ, чтобы онъ продолжалъ службу. Между оставленнымъ генералъ-прокуроромъ и прежнимъ его секретаремъ, остававшимся при средоточіи дѣлъ, съ тѣхъ поръ установилась постоянная, самая живая переписка, которую они вели до восшествія на престолъ Александра I. Нѣтъ сомнѣнія, что въ ней было не мало любопытныхъ и важныхъ данныхъ для исторіи того времени; но онѣ, къ сожалѣнію, навсегда потеряны. Письма Сперанскаго, позже, были истреблены самимъ княземъ, всегда отличавшимся особенною осторожностію.

Милость къ новому генералъ-прокурору продолжалась еще менѣе времени, нежели къ его предмѣстнику. Недоброжелатели князя Лопухина умѣли возбудить противъ него гарде-

(*) Сначала, по вышеупомянутому опредѣленію сената 1796 года, онъ былъ помѣщенъ на вакансію «дѣлопроизводителя».

робмейстера Кутайсова, пожалованнаго впослѣдствіи графомъ, оберъ-шталмейстеромъ и Андреевскимъ кавалеромъ. Хотя сынъ Кутайсова былъ женатъ на дочери Лопухина, однако Государевъ любимецъ не отказался подать свою сильную руку для низложенія генералъ-прокурора. 7 іюля 1799 года Лопухинъ былъ замѣщенъ Александромъ Андреевичемъ Беклешовымъ, человѣкомъ, который славился природнымъ умомъ, знаніемъ дѣла и, въ особенности, правдивостію и безкорыстіемъ. Назначеніе Беклешова на этотъ важный постъ было привѣтствовано всѣми какъ одинъ изъ счастливѣйшихъ выборовъ кратковременнаго, но обильнаго перемѣнами въ людяхъ царствованія. «Зналъ ли ты прежнихъ генералъ-прокуроровъ? спросилъ у него Павелъ при первомъ ихъ свиданіи: какой былъ генералъ-прокуроръ Куракинъ! Какой—Лопухинъ! Ты да я, я да ты: впередъ мы одни будемъ дѣла дѣлать» (*).

Беклешовъ любилъ науку и ученыхъ, и потому тотчасъ понялъ и оцѣнилъ лучшаго изъ своихъ экспедиторовъ. 8 декабря 1799 года Сперанскій былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и еще прежде того, оставаясь при своей должности въ генералъ-прокурорской канцеляріи, назначенъ правителемъ канцеляріи коммиссіи о снабженіи резиденціи припасами, съ прибавочнымъ жалованьемъ по 2.000 р. въ годъ.

Магницкій, въ своей «Думѣ», переименовывая это установленіе въ коммиссію «о снабженіи Петербурга хлѣбомъ» и какъ бы дивясь такому неожиданному ниспаденію Сперанскаго, пишетъ: «неизвѣстна причина сей необычайной выходки въ его службѣ, но полагать надобно, что онъ принялъ сіе мѣсто только для того, чтобъ въ бывшихъ тогда перемѣнахъ осмотрѣться». Ошибка въ *первой* дан-

(*) Собственный разсказъ Беклешова Павлу Ивановичу Аверину, состоявшему въ ближайшихъ къ нему отношеніяхъ.

ной представила автору и все дѣло въ совершенно превратномъ видѣ. Новое мѣсто было, напротивъ, для Сперанскаго и новымъ, немалозначущимъ отличіемъ. Коммиссія, учрежденная подъ упомянутымъ, конечно довольно дикимъ и малосоотвѣтствовавшимъ ей названіемъ (*), была, въ сущности, установленіемъ чрезвычайно важнымъ. Въ кругъ ея вѣдомства, сверхъ «снабженія столицы вещьми «первой необходимости, предохраненія ея и окрестныхъ «мѣстъ отъ монополіи и непомѣрнаго возвышенія цѣнъ, и «распорядка квартиръ для войскъ и чиновъ, получающихъ «оныя отъ города», входило вообще все то̀, «что только «къ благоустройству города и благосостоянію его жителей «относиться можетъ». Слѣдственно она соединяла въ себѣ всѣ тѣ обязанности, которыя теперь лежатъ, раздѣльно, на военномъ генералъ-губернаторѣ и на муниципальномъ или общественномъ управленіи столицы. Важное значеніе коммиссіи явствовало и изъ того, что всѣ доклады ея восходили непосредственно къ Государю, и изъ самаго ея состава. Въ ней были: президентомъ—первый С.-Петербургскій военный губернаторъ и вмѣстѣ начальникъ военнаго департамента, т. е. наслѣдникъ престола цесаревичъ Александръ; членами: генералъ-прокуроръ, второй военный губернаторъ и генералъ-провіантмейстеръ. И такъ постъ начальника канцеляріи въ подобномъ установленіи далекъ былъ отъ того, что̀ разумѣлъ Магницкій подъ «необычайною выходкою» въ службѣ Сперанскаго. Послѣдній имѣлъ даже случай сдѣлаться здѣсь впервые извѣстнымъ будущему Императору, хотя, вѣроятно, болѣе только по имени, такъ какъ, при множествѣ другихъ занятій на-

(*) Она была учреждена еще по рескрипту 6 іюня 1797 года (Полн. Собр. Зак. № 17992), но открыта только 21 октября 1798 года (№ 18739).

слѣдника престола, должность его въ коммиссіи постоянно исправлялъ второй военный губернаторъ, графъ Паленъ. Замѣтимъ, наконецъ, что и окладъ въ 2.000 р., по тогдашнимъ размѣрамъ весьма значительный, не могъ не служить побужденіемъ бѣдному чиновнику принять это мѣсто, или даже искать его.

Достоинства новаго генералъ-прокурора не спасли его отъ участи его предшественниковъ. «Къ чести Беклешова—пишетъ И. И. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ—должно сказать что онъ мало уважалъ требованія случайныхъ при дворѣ, а потому часто бывалъ съ ними въ размолвкѣ и чрезъ то потерялъ свое мѣсто». Спустя съ небольшимъ полгода послѣ своего назначенія (2 февраля 1800 г.), онъ уже былъ уволенъ не только отъ генералъ-прокурорскаго званія, но и совсѣмъ отъ службы, и его мѣсто заступилъ Петръ Хрисанѳовичъ Обольяниновъ, дотолѣ генералъ-провіантмейстеръ—званіе, которое онъ сохранилъ и при новомъ своемъ назначеніи, не смотря на рѣзкую разнородность занятій. По свидѣтельству современниковъ, честный, добросердечный, душою преданный Государю и безусловный исполнитель его воли, Обольяниновъ не имѣлъ, однако жъ, нужныхъ средствъ быть полезнымъ ни Монарху, ни общему дѣлу; человѣкъ безъ всякаго образованія, почти безграмотный, при томъ крайне вспыльчивый, онъ держался именно только своею исполнительностію. Изъ записокъ (рукописныхъ) Николая Степановича Ильинскаго, очень близкаго тогда къ новому генералъ-прокурору, его начальнику въ качествѣ генералъ-провіантмейстера (*), видно и какія изливались на Обольянинова награды, и какое придано ему было значеніе.

(*) Потомъ Ильинскій былъ юрисконсультомъ въ министерствѣ юстиціи и умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Въ одинъ годъ онъ получилъ: чинъ генерала отъ инфантеріи Андреевскую ленту, табакерку съ бриліантами и слишкомъ на 120.000 р. фарфоровыхъ и серебряныхъ сервизовъ и другихъ рѣдкихъ вещей. «Когда Обольяниновъ— пишетъ Ильинскій—пріѣзжалъ изъ Гатчины въ Петербургъ, я часто бывалъ у него: ибо всегда для меня кабинетъ его былъ открытъ. Онъ вошелъ въ такую силу и уваженіе, что не только военный губернаторъ графъ Паленъ, но и всѣ высшіе военные, статскіе и дворцовые чиновники къ нему пріѣзжали, наполняли цѣлую залу и его выхода ожидали. Даже великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи бывали: ибо ему поручена была, сверхъ статской, и военная часть подъ нѣкоторый, хотя не формальный, но сильный надзоръ. Каретъ на площади противъ его дому (*) бывало столько, какъ бываетъ при дворцѣ во время торжественнаго дня. Тутъ-то я грѣшный видѣлъ суету мірскаго величія и, выходя отъ него изъ кабинета, почитался важнымъ человѣкомъ.»

Сперанскій много наслышался о грубомъ и запальчивомъ нравѣ новаго своего начальника. Въ городѣ ходилъ не одинъ анекдотъ о площадныхъ ругательствахъ, которыми онъ осыпалъ своихъ подчиненныхъ, и друзья молодаго чиновника пугали его предстоявшею ему будущностію. Въ позднѣйшіе годы своей жизни Сперанскій любилъ самъ разсказывать (**), что послѣ милостей и особеннаго отличія, которыми онъ пользовался отъ прежнихъ начальниковъ, ему, естественно, не хотѣлось стать въ об-

---

(*) Онъ жилъ на углу Большой Морской и Почтамтской улицъ, въ домѣ, принадлежащемъ теперь В. П. Карамзину.

(**) Нѣчто подобное мы слышали отъ самого Михаила Михайловича; но помѣщенный здѣсь, болѣе обстоятельный, разсказъ взятъ изъ записокъ его дочери, женское перо которой ясно видно и по тону подробностей.

щій рядъ. Но какъ и чѣмъ выказать что онъ—не то́, что другіе? Нашъ экспедиторъ понималъ, что многое должно будетъ рѣшиться первымъ свиданіемъ, первымъ впечатлѣніемъ: и вотъ, въ назначенный день и часъ, онъ является въ переднюю грознаго своего начальника. О немъ докладываютъ, и его велѣно впустить. Обольяниновъ, когда Сперанскій вошелъ, сидѣлъ за письменнымъ столомъ, спиною къ двери. Черезъ минуту онъ оборотился и, такъ сказать, остолбенѣлъ. Вмѣсто неуклюжаго, раболѣпнаго, трепещущаго подьячаго, какого онъ, вѣроятно, думалъ увидѣть, передъ нимъ стоялъ молодой человѣкъ очень приличной наружности, въ положеніи почтительномъ, но безъ всякаго признака робости или замѣшательства, и притомъ—что́, кажется, всего болѣе его поразило—не въ обычномъ мундирѣ, а во Французскомъ кафтанѣ изъ сѣраго гродетура, въ чулкахъ и башмакахъ, въ жабо и манжетахъ, въ завиткахъ и пудрѣ,—словомъ въ самомъ изысканномъ нарядѣ того времени. . . . . . Сперанскій угадалъ чѣмъ взять надъ этою грубою натурою. Обольяниновъ тотчасъ предложилъ ему стулъ и вообще обошелся съ нимъ такъ вѣжливо какъ только умѣлъ.

При всемъ томъ, назначеніе Обольянинова едва не уничтожило карьеры, столь блистательно начавшей развиваться для Сперанскаго. Отставляя Беклешова, Павелъ, въ своемъ раздраженіи, приказалъ новому генералъ-прокурору тотчасъ уволить и всѣхъ прежнихъ чиновниковъ генералъ-прокурорской канцеляріи. Обольяниновъ началъ съ правителя канцеляріи, представивъ, на мѣсто бывшаго дотолѣ Аверина (*), названнаго выше Ильинскаго, и Госу-

---

(*) Петръ Ивановичъ, послѣ оберъ-прокуроръ въ сенатѣ, уже очень давно умершій. Правители генералъ-прокурорской канцеляріи, въ царствованіе Императора Павла, смѣнялись также часто и скоро, какъ и

дарь, на докладѣ о томъ, повторивъ прежнее повелѣніе, своеручно написалъ: «быть Ильинскому директоромъ и ему набрать новыхъ чиновниковъ, а Беклешовскихъ всѣхъ уволить, или перемѣстить въ другія вѣдомства». Ильинскій, однакоже, предпочелъ отказаться отъ предложеннаго ему труднаго и отвѣтственнаго мѣста, вслѣдствіе чего оно было ввѣрено статскому совѣтнику Безаку, человѣку очень свѣдущему и слывшему въ тогдашнемъ приказномъ мірѣ за необыкновеннаго дѣльца. Одинъ только Сперанскій, рекомендованный и Ильинскимъ и другими какъ самый отличный чиновникъ, былъ исключенъ отъ общаго остракизма и оставленъ Обольяниновымъ въ прежней должности; но и для него, не смотря на первое благопріятное впечатлѣніе, служба при новомъ начальникѣ была не легка. Въ порывахъ необузданной вспыльчивости, Обольяниновъ не только безпрестанно бранился, но и щедро расточалъ угрозы кандалами, крѣпостью, каторгою, хотя все это, при его доброй натурѣ, ограничивалось болѣе только словами. Однажды, въ Гатчинѣ, одинъ изъ товарищей (*) Сперанскаго засталъ его въ горькихъ слезахъ. «Что такое?»—«Помилуйте, хоть бы сейчасъ броситься

сами генералъ-прокуроры. Аверинъ былъ опредѣленъ только въ іюлѣ 1799 года, на мѣсто Духовницкаго, перемѣщеннаго оберъ-прокуроромъ въ сенатъ, а Духовницкій лишь въ сентябрѣ 1798 года смѣнилъ въ этой должности Пшеничнаго, переведеннаго въ коммиссію составленія законовъ. Упоминаемъ о томъ съ нѣкоторою подробностію потому, что всѣ эти лица были первыми, по времени, непосредственными начальниками Сперанскаго. У Аверина былъ братъ, переживщій его, названный выше Павелъ Ивановичъ, который служилъ долго при Беклешовѣ (потомъ онъ былъ губернаторомъ), тоже коротко знавалъ Сперанскаго и многое помнилъ и разсказывалъ о немъ за эту эпоху.

(*) В. К. Безродный, служившій при Обольяниновѣ по другому его званію, генералъ-провіантмейстера, и умершій, впослѣдствіи, сенаторомъ.

въ прудъ. Работаю день и ночь, а отъ Петра Хрисанѳовича слышу одни ругательства; сейчасъ еще, Богъ знаетъ за что, разбранилъ меня въ пухъ и обѣщалъ запрятать въ казематы на семь саженъ подъ землею. Этого вынести нельзя!»—Та́къ продолжалось, впрочемъ, не долго и, въ нѣсколько мѣсяцовъ, Сперанскій успѣлъ сдѣлаться, по выраженію Ильинскаго, «приближеннымъ къ особой и отличной довѣренности Обольянинова». Этой перемѣнѣ, сверхъ смѣтливости въ ловкомъ исполненіи резолюцій и приказаній, нерѣдко малосообразныхъ, содѣйствовало и стороннее вліяніе. Въ домѣ у Обольянинова жила сирота родственница, молодая дѣвица Похвиснева, только что выпущенная изъ Смольнаго монастыря. Увлеченная умомъ и пріятностію бесѣды Сперанскаго, она при каждомъ случаѣ горячо покровительствовала ему у стараго дяди, надъ которымъ имѣла большое вліяніе. 31-го декабря 1800 года Обольяниновъ выпросилъ своему экспедитору двѣ милости вдругъ: землю въ Саратовской губерніи (2000 десятинъ) и орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, который жаловался тогда Русскимъ Императоромъ. Это были послѣднія награды Сперанскому въ царствованіе Павла, вскорѣ и окончившееся. Передъ тѣмъ, 28 ноября 1798 года, онъ былъ назначенъ герольдомъ, а 14 іюля 1800 года секретаремъ Андреевскаго ордена,—званіе почти безъ службы и безъ дѣла, но которое давало 1500 р. жалованья. Сперанскій былъ имъ обязанъ покровительству графа Растопчина, въ то время первоприсутствовавшаго въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ генералъ-прокурорскомъ архивѣ сохраняется слѣдующая собственноручная его записка къ Обольянинову: «Сдѣлай одолженіе, когда будешь представлять въ орденскіе секретари, на мѣсто Кондоиди—Сперанскаго». Черезъ кого послѣдній успѣлъ въ то время найти себѣ покровителя въ Растопчинѣ, не

знаемъ; но знаемъ то́, что этотъ покровитель *слабаго*, впослѣдствіи, сталъ въ ряды главныхъ враговъ *сильнаго* (*).

Отзывы о Сперанскомъ, дошедшіе до насъ за первый періодъ его служебной жизни, не во всемъ между собою согласны. Мнѣнія о человѣкѣ замѣчательномъ часто бываютъ діаметрально противуположны, по взгляду судей, иногда и по личнымъ ихъ отношеніямъ и интерессамъ. Мы распрашивали всѣхъ тогдашнихъ сослуживцевъ Сперанскаго, которыхъ застали еще въ живыхъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда начали собирать наши замѣтки о немъ. Одни изображали Сперанскаго-чиновника такимъ же, какимъ онъ слылъ въ семинаріи, т. е. ко всѣмъ привѣтливымъ, непритязательнымъ, милымъ, краснословнымъ, наконецъ чрезвычайно любимымъ товарищами. Другіе говорили, что онъ никогда ни съ кѣмъ не былъ откровененъ и довѣрчивъ (**),—вещь очень понятная, если вспомнить обстоя-

---

(*) О чрезвычайно замѣчательной личности графа Растопчина, представлявшаго въ себѣ такое странное сочетаніе множества самыхъ разнородныхъ и противурѣчивыхъ свойствъ, до сихъ поръ еще очень лишь мало напечатано на Русскомъ языкѣ. Нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ и подробностей о немъ разсказываетъ извѣстный Нѣмецкій писатель Варнгагенъ, часто съ нимъ видѣвшійся, въ 1817-мъ году, въ Мангеймѣ, у генерала Теттенборна (Varnhagen von Ense, Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften, IX-ter Band, Leipzig 1859, S. 118—130).

(**) «Товарищи—пишетъ Бантышъ-Каменскій въ своей статьѣ о Сперанскомъ—старались сблизиться съ нимъ; но тщетно. Одинъ изъ нихъ говорилъ своему знакомому: «не постигаю этого человѣка. Онъ, по видимому, слился со мною; сердца наши какъ будто соединились. Глядь! какъ налимъ ускользнулъ изъ рукъ!»—Изъ числа многихъ, принадлежащихъ разнымъ лицамъ, наблюденій въ такомъ же родѣ, хотя за время гораздо позднѣйшее, сообщимъ здѣсь еще слѣдующее: въ 1821-мъ году извѣстный графъ Капо д' Истрія, впервые тогда познакомившійся съ Сперанскимъ, однажды, послѣ прогулки съ нимъ, зашелъ къ княгинѣ

тельства того времени, которое одинъ изъ его свидѣтелей такъ характеристически назвалъ *пугливымъ*. Прибавляютъ еще, что Сперанскій былъ извѣстенъ въ канцеляріи своею насмѣшливостію, направлявшеюся, заочно, и противъ тѣхъ людей, которыхъ онъ въ глаза всячески превозносилъ. Черта такой заглазной насмѣшливости, даже нѣкоторой сатирической злорѣчивости и, вмѣстѣ, особенной рѣшительности въ приговорахъ о лицахъ и вещахъ, дѣйствительно была не чужда характеру Сперанскаго и впослѣдствіи; онъ, въ этомъ отношеніи, не щадилъ ничьего тщеславія, слишкомъ, можетъ статься, довѣрчиво полагаясь на скромность слушателей. Наконецъ, въ числѣ спрошенныхъ нами, нашелся *одинъ* голосъ, обвинявшій его, за время служенія при генералъ-прокурорахъ, въ *алчности стяжанія*. Этимъ доказывается только незнаніе его характера: подобно всѣмъ людямъ честолюбивымъ, Сперанскій постоянно искалъ болѣе власти и значенія, чѣмъ богатства. Впрочемъ, если подъ алчностію стяжанія разумѣть здѣсь простое желаніе имѣть болѣе средствъ для жизни, то подобное чувство легко понять въ человѣкѣ, поставленномъ вдругъ на новую ступень общества, съ новыми потребностями, между такими товарищами, изъ числа которыхъ многіе были несравненно зажиточнѣе его. Но если видѣть тутъ намекъ на то́, будто бы Сперанскій, въ первое время

Е. Ѳ. Долгоруковой, и вотъ какъ она намъ передала слышанное ею отъ графа: «Мнѣ уже давно хотѣлось подолѣе и посерьознѣе разговориться съ этимъ примѣчательнымъ человѣкомъ; на сегодняшней прогулкѣ я успѣлъ въ томъ и, признаюсь, перещупалъ моего собесѣдника со всѣхъ сторонъ. Мы толковали и о политикѣ, и о наукахъ, и о литературѣ, и объ искусствахъ, въ особенности же о принципахъ, и ни на чемъ я не могъ его поймать. Онъ—точно древніе оракулы: та́къ все въ немъ загадочно, осторожно, односложно; не помню во всю мою жизнь ни одной такой трудной бесѣды, которую мнѣ пришлось кончить все таки ничѣмъ, то есть нисколько не разгадавъ эту непроницаемую личность».

своей службы, ниспадалъ до лихоимства, или продавалъ свое вліяніе и свою совѣсть (*): то на это, во всѣхъ открытыхъ намъ источникахъ, во всѣхъ преданіяхъ, мы не нашли не только никакихъ свидѣтельствъ, но даже никакихъ слѣдовъ показаній, хотя зависть и тогда была сильно возбуждена успѣхами и быстрымъ возвышеніемъ молодаго чиновника, или, какъ его называли, «выскочки». Что касается *позднѣйшихъ* обвиненій Сперанскаго въ любостяжаніи, то мы ниже увидимъ какой образъ жизни онъ велъ въ то время, когда вращалъ судьбами частныхъ лицъ и цѣлаго государства, что́ онъ пріобрѣлъ при всѣхъ щедротахъ къ нему правительства, и въ какомъ положеніи оставилъ, послѣ себя, свои дѣла́. Смерть, многое раскрывающая, разрушила фантастическіе вымыслы о его богатствахъ, созданные клеветою и легкомысліемъ, и память Сперанскаго не нуждается, теперь, въ оправданіяхъ съ этой стороны (**).

(*) Тайный совѣтникъ Дмитрій Прокофьевичъ Поздпякъ, недавно умершій въ глубокой старости, а въ бытность Сперанскаго въ генералъ-прокурорской канцеляріи служившій секретаремъ въ сенатѣ и находившійся съ нимъ въ служебныхъ сношеніяхъ и въ близкомъ знакомствѣ, крайне былъ взволнованъ, когда мы передали ему означенное обвиненіе, желая услышать его мнѣніе о томъ. «Это была бы горькая неправда—написалъ онъ намъ, не задолго до своей смерти—и никто сего сказать не посмѣетъ. Я самъ видѣлъ на опытѣ, какъ Михайло Михайловичъ отвергалъ самыя невинныя даже предложенія. Правда, онъ былъ нерасточителенъ, бережливъ и во всемъ соблюдалъ умѣренность; но если, по симъ качествамъ, онъ менѣе нуждался, нежели товарищи, то можно ли достоинство ставить въ предосужденіе!»

(**) О свидѣтельствѣ въ этомъ отношеніи Державина мы скажемъ ниже. Извѣстно, впрочемъ, ка́къ иногда заключенія о личности замѣчательнаго человѣка образуются по произносимымъ имъ, въ легкомъ разговорѣ, афоризмамъ или общимъ мѣстамъ. Такъ намъ самимъ случалось, въ гораздо позднѣйшую эпоху, слышать отъ Сперанскаго, что два житейскія блага составляютъ необходимое усло-

Но всѣ, уже и тогда, соглашалось въ одномъ, именно въ блестящихъ способностяхъ Сперанскаго, въ искусномъ ихъ употребленіи и въ изумительной его дѣятельности. Не смотря на обвиненіе себя въ лѣности, онъ работалъ безъ устали; поспѣвалъ прежде всѣхъ съ своими должностными докладами; съ одинаковымъ мастерствомъ излагалъ дѣла̀ изустно и письменно; наконецъ умѣлъ сдѣлаться необходимымъ. Всѣ четыре генералъ-прокурора, съ Куракина до Обольянинова, при чрезвычайномъ различіи ихъ свойствъ и степени просвѣщенія, отличали его отъ прочихъ чиновниковъ и всѣмъ имъ онъ былъ равно нуженъ. Такую же справедливость отдавалъ ему и графъ Паленъ, за службу въ коммиссіи о снабженіи резиденціи припасами. Когда пожалованіе Сперанскому, наканунѣ 1801-го года, вдругъ двухъ наградъ возбудило между его товарищами громкія изъявленія зависти и неудовольствія, Паленъ сказалъ имъ: «попробуйте быть такими же *орлами* какъ онъ, и вамъ тоже самое будетъ».—Замѣчательно еще, что Сперанскій не былъ ни одного дня писцомъ. Безъ всякой дѣловой школы, безъ другаго приготовленія кромѣ только домашней переписки у Куракина, онъ, съ учительской каѳедры, ступилъ прямо на постъ дѣлопроизводителя такой канцеляріи, которая одна совмѣщала въ себѣ почти всѣ нынѣшнія министерства. Молодой чиновникъ учился въ пылу самой работы, и каждое дѣло, каждая бумага, каждый вопросъ, распространяли кругъ его свѣдѣній въ области, до тѣхъ поръ совершенно для него новой. При прочихъ достоинствахъ, онъ, уже и тогда, обладалъ высокимъ искусствомъ, усвоивъ себѣ предметъ

віе для такъ называемаго счастія: доброе состояніе здоровья и—кармана. Но кто же не знакомъ съ этою избитою фразою, и развѣ изъ случайнаго повторенія ея кѣмъ либо можно тотчасъ дѣлать выводъ о его характерѣ и правилахъ? Въ другой разъ Сперанскій говорилъ, что онъ знаетъ только три истинныхъ несчастія въ мірѣ: болѣзнь, бѣдность и порокъ.

и, такъ сказать, сроднясь съ нимъ, обработать и возсоздать его по своему, въ пріятной, изящной и особенно систематической и ясной формѣ. Во всемъ выходившемъ, въ то время, изъ подъ его пера, бывало очень мало помарокъ, и бумаги, написанныя имъ вчернѣ, онъ и перечитывалъ только тогда, когда въ нихъ излагалось что нибудь особенно сложное; всѣ же прочія отдавалъ переписывать прямо какъ онѣ выливались, а сочинялъ ихъ такъ скоро, что первый борзописецъ той эпохи, нѣкто Кипбергъ, едва успѣвалъ слѣдовать за нимъ въ перебѣливаніи ихъ (*). Если слогъ его въ эту эпоху былъ, какъ замѣчали, иногда слишкомъ цвѣтистъ для дѣловой переписки; то вспомнимъ, что простота — удѣлъ опытности, и что слогъ, слѣдовавшій непосредственно за высокопарными хріями Екатерининскихъ государственныхъ актовъ, непремѣнно требовалъ громкихъ фразъ. Впрочемъ, *тогдашній* Сперанскій соединялъ въ себѣ два, нѣкоторымъ образомъ противуположныя качества: съ одной стороны, навыкъ, отъ прежней сферы занятій, къ глубокомысленному размышленію и труду самому усидчивому; съ другой—энтузіасмъ и увлеченіе, легко воспламенявшіеся каждымъ новымъ предметомъ или впечатлѣніемъ,—качества двухъ полюсовъ: ученаго и поэта. Въ сослуживцахъ его, большею частію, не было ни того, ни другаго. Онъ не могъ не чувствовать своего превосходства надъ ними и даже иногда выражалъ его не таясь, по крайней мѣрѣ въ откровенныхъ бесѣдахъ съ друзьями. «Больно мнѣ, другъ мой,—пророчески писалъ онъ одному изъ нихъ въ началѣ 1801 года—если смѣшаете вы меня съ обыкновенными людьми моего рода: *я никогда не хотѣлъ быть въ толпѣ и, конечно, не буду*». Но такая самооцѣнка не

(*) Слышано отъ тогдашняго товарища его по генералъ-прокурорской канцеляріи, Ивана Ѳомича Самбурскаго, умершаго, потомъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника.

мѣшала ему любить людей и вѣрить имъ, какъ по врожденному чувству, такъ и потому, что онъ еще не испытывалъ никакихъ разочарованій. «Дай Богъ—сказано въ другомъ его письмѣ того же года—чтобъ ко мнѣ имѣли столько же довѣрія, сколько я его къ другимъ имѣю».

Прочія, сохранившіяся за это время письма Сперанскаго доказываютъ, что онъ вообще былъ доволенъ своею служебною карьерою. Призывая одного молодаго человѣка служить въ Петербургъ, онъ, въ мартѣ 1798 года, писалъ ему: «пріѣзжайте, утвердивъ надежду вашу на Бога и связавъ ее съ надеждами моими, кои доселѣ еще меня не обманывали»,—а двумя недѣлями позже: «со мною идетъ все хорошо и лучше, нежели я когда нибудь надѣялся».—Бывали, однако, и такія минуты, уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ опредѣленія его въ службу, въ которыхъ проглядывали, отчасти, неудовольствіе, или нетерпѣливость. Такъ, отъ 19 января 1801 года, онъ писалъ: «я живу по прежнему, т. е. въ хлопотахъ, или въ скукѣ: два препровожденія обыкновенныя моего времени», а въ письмѣ къ другому лицу, около этой же эпохи, мы находимъ слѣдующее мѣсто: «я боленъ, мой другъ, и въ безконечныхъ хлопотахъ. Пожалѣй о человѣкѣ, котораго всѣ просятъ, который всѣмъ хочетъ добра и рѣдкимъ сдѣлать его можетъ, и рвется тѣмъ самымъ, что положеніе его многихъ обманываетъ—положеніе, а не сердце. Пожалѣй о человѣкѣ, которому столькіе завидуютъ» (*). Тутъ видна борь-

---

(*) Любопытно еще слѣдующее мѣсто въ одномъ письмѣ Сперанскаго, изъ того же періода времени (23 февраля 1797 года), къ архимандриту Евгенію: «я привыкъ представлять себѣ людей младенцами, коихъ счастіе здѣсь на землѣ состоитъ въ перемѣнѣ игрушекъ и коихъ огорченія по большей части происходятъ отъ щелчковъ, которые они сами даютъ другъ другу. Счастливъ кто можетъ больше ихъ давать, нежели сколько принимаетъ».

ба съ тѣснящими внѣшними обстоятельствами: сознавая свои силы и свои достоинства, Сперанскій жаждалъ высшей дѣятельности, а вмѣсто того ему приходилось вращаться въ озабочивающихъ мелочахъ канцелярскаго производства. Скоро все должно было перемѣниться.......

Кончимъ эту главу двумя выписками.

Одинъ изъ самыхъ ожесточенныхъ, впослѣдствіи, враговъ Сперанскаго, баронъ Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ, служившій при немъ въ коммиссіи составленія законовъ и весьма близко его знавшій, оставилъ, въ рукописи, родъ мемуаровъ, писанныхъ частію по-французски, частію по-нѣмецки. Въ нихъ, между замѣчательными подробностями о разныхъ другихъ предметахъ, есть и портретъ Сперанскаго за первое время его службы, написанный съ точки зрѣнія автора. «Трудно было—пишетъ Розенкампфъ—въ цѣлой Россіи найти человѣка, который, съ болѣе счастливыми природными дарованіями, соединялъ бы, вмѣстѣ, такую пріятность и ловкость въ докладѣ, такое искусное перо, такой даръ убѣжденія и, наконецъ, при стремленіи къ преобладанію, такую личину скромности, угодливости и даже раболѣпства. Воспитанный въ монастырскомъ заключеніи, онъ скорѣе всѣхъ соучениковъ своихъ умѣлъ усвоить себѣ все, что тамъ преподавали: языки Латинскій, Греческій, Французскій, Баумейстерову логику и метафизику, и пр. Съ такимъ запасомъ, окончивъ образованіе свое въ домѣ князя Алексѣя Борисовича Куракина, по Французскимъ книгамъ (*), и отряхнувъ съ себя

(*) Тоже самое сказано и въ запискахъ И. И. Дмитріева. Въ «Москвитянинѣ» (1848 г. № 8, критика, стр. 38-я) напечатано, что, учась Французскому языку, Сперанскій нарочно отростилъ себѣ бороду, чтобъ никуда не выходить изъ дому и скорѣе достигнуть предназначенной цѣли. Но это едва ли не басня позднѣйшаго времени, вымышленная только для уподобленія Сперанскаго Демосѳену, который, чтобы усовершенство-

школьную пыль, онъ успѣлъ, трудолюбіемъ, лукавствомъ и мелкими происками, пріобрѣсти расположеніе своего патрона (*). Не мудрено, что при такомъ положеніи вещей и въ эпоху, когда способныхъ чиновниковъ было еще несравненно менѣе нынѣшняго, ему удалось, опередивъ и затмивъ всѣхъ сослуживцевъ, остаться въ милости и у преемниковъ Куракина».

Другая наша выписка представляетъ собственный разсказъ Сперанскаго объ этомъ періодѣ его жизни, послѣ того какъ, вкусивъ всѣ обаянія почестей и власти, онъ, въ Пермскомъ заточеніи, повѣрялъ приближенному имъ къ себѣ купцу Попову (**) многія событія тревожнаго и романическаго своего поприща. Этотъ разсказъ мы вносимъ сюда тѣми же словами, которыми Поповъ, въ своей запискѣ, заставляетъ говорить самого Сперанскаго:

«При всѣхъ четырехъ генералъ-прокурорахъ, различныхъ въ характерахъ, правахъ, способностяхъ, былъ я, если не по имени, то на самой вещи, правителемъ ихъ канцеляріи. Одному надобно было угождать такъ, другому иначе; для одного достаточно было исправности въ дѣлахъ, для другаго болѣе того требовалось: быть въ пудрѣ,

---

ваться въ ораторскомъ искусствѣ, брилъ себѣ половину головы и удалялся въ пещеру. Имѣлъ ли Сперанскій, въ тогдашнемъ его положеніи, столько досуга, чтобъ предаваться такимъ эксцентрическимъ выходкамъ? Въ домѣ у Куракина онъ долженъ былъ ежедневно являться къ своему патрону, а при началѣ дѣйствительной службы ему также мало позволили бы бороду, какъ и праздность.

(*) Въ запискахъ другаго современника, недавно умершаго тайнаго совѣтника Ф. Ф. Вигеля, который едва ли не въ одной мѣрѣ съ Розенкампфомъ ненавидѣлъ Сперанскаго, та же мысль высказана такъ: «въ сей новой сферѣ (т. е. въ домѣ Куракина) угождалъ онъ отцу, нравился матери, баловалъ сына и прельщеніями очищалъ себѣ дорогу къ будущимъ успѣхамъ».

(**) О немъ будетъ сказано подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

въ мундирѣ, при шпагѣ, и я былъ—всяческая во всемъ. Послѣ Беклешова, самъ Государь предостерегалъ противъ меня его преемника, полагая меня въ связяхъ съ Куракинымъ и Беклешовымъ и имъ преданнымъ; но генералъ-прокуроръ горою за меня стоялъ и находилъ необходимымъ имѣть при себѣ. Беклешовъ былъ ихъ всѣхъ умнѣе, но и всѣхъ несчастнѣе—ему ничего не удавалось; всѣхъ ихъ менѣе имѣлъ способностей Обольяниновъ — и ему все съ рукъ сходило. При немъ разъ угодно было Государю приказать въ двѣ недѣли сочинить коммерческій уставъ; для того набрали съ биржи сорокъ купцовъ и всѣхъ ихъ, вмѣстѣ со мною, заперли въ Гатчинѣ. Угощали прекрасно, позволили гулять по саду, и между тѣмъ требовали чтобъ проектъ былъ готовъ на срокъ; но что̀ могли сдѣлать купцы, не имѣвшіе никогда въ помыслѣ сочинять законы, да и пишутся ли законы цѣлыми обществами? Дни, однако жъ, проходили, а не выполнить волю Государя и подумать было невозможно. Самъ я тоже не былъ законникъ, понятія не имѣлъ о дѣлахъ и пользахъ коммерческихъ, но былъ молодъ, перо было гибко; кому же иному приняться за дѣло? Вотъ я потолковалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ купцомъ, и—къ сроку уставъ былъ готовъ. Одно въ немъ не понравилось: почему, въ статьяхъ, къ титулу Императорскаго Величества не пріобщено мѣстоименія *Его?* Обольяниновъ, не знавъ что̀ отвѣчать Государю, налетѣлъ ко мнѣ съ бѣшенымъ выговоромъ; но я доказалъ ему, что тутъ нѣтъ ошибки. Объясненіе мое уважили, однако жъ мѣстоименіе велѣли вездѣ вставить по старому обычаю (*).

(*) Впослѣдствіи, въ актахъ царствованія Императора Александра I-го, писанныхъ Сперанскимъ, вездѣ, гдѣ говорится объ Императорскомъ Величествѣ въ качествѣ верховной, или предержащей власти, онъ продолжалъ не употреблять мѣстоименія *Его.* Эта же форма была потомъ принята имъ и въ Сводѣ (Основн. Закон. Т. I, ст. 74, 76 и

За тѣмъ купцовъ отлично попотчивали, а меня наградили орденомъ и деньгами, и, признаюсь, эта награда была самая для меня радостная, во всю мою жизнь».

Записка купца Попова была написана имъ для насъ съ памяти, и хотя показанія его во всѣхъ предметахъ отличаются, вообще, большою достовѣрностію и точностію; но въ вышеприведенномъ имъ, отъ имени Сперанскаго, анекдотѣ есть, какъ кажется, или недоразумѣніе, или даже перепначенный фактъ. Слѣды чего-то подобнаго сохранились, правда, и въ другихъ преданіяхъ. Такъ именно тогдашній правитель генералъ-прокурорской канцеляріи Безакъ разсказывалъ Н. И. Гречу (котораго сынъ былъ женатъ на дочери перваго), что Сперанскій написалъ какой-то уставъ, по требованію Императора Павла — въ Гатчинѣ—въ нѣсколько дней, безъ другихъ пособій, кромѣ двухъ, трехъ иностранныхъ сочиненій, нашедшихся въ дворцовой библіотекѣ. Но сомнѣніе наше здѣсь относится совсѣмъ не къ самой возможности событія, которое, при дарованіяхъ Сперанскаго, было дѣломъ очень статочнымъ, а къ тому, чтобы написанный имъ уставъ былъ *коммерческій*, слѣдственно и къ тѣмъ подробностямъ, которыми обставленъ этотъ случай у Попова. Въ Полномъ Собраніи Законовъ за 1800-й годъ и за тѣ два съ половиною мѣсяца 1801-го, въ которые продолжалось еще царствованіе Павла и управленіе Обольянинова, нѣтъ не только устава съ именемъ коммерческаго, но и вообще какого

многія другія). «Законы—объяснялъ онъ редакторамъ во II-мъ отдѣленіи собственной Государевой канцеляріи—пишутся не на одно царствованіе, а на престолѣ можетъ быть и лицо *женскаго* пола; притомъ *Величество* разумѣется здѣсь отвлеченно, не какъ *человѣкъ*, а какъ *власть*».—Забавнѣе всего, что нашлись люди, которые и это нововведеніе приписывали тайному замыслу Сперанскаго—ограничить самодержавную власть!

нибудь значительнаго постановленія по торговой части, кромѣ Банкротскаго устава, утвержденнаго 19-го декабря 1800-го года; а этотъ уставъ, котораго сочиненіе началось еще съ 1764-го года и потомъ переходило изъ рукъ въ руки, былъ окончепъ особымъ комитетомъ изъ нѣсколькихъ государственныхъ сановниковъ и четырехъ коммерціи совѣтниковъ, въ которомъ дѣлопроизводителемъ состоялъ не Сперанскій, а сослуживецъ его въ генералъ-прокурорской канцеляріи, извѣстный по приказнымъ преданіямъ того времени Голиковъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Семейная жизнь Сперанскаго и частныя его отношения до кончины Императора Павла.

I.

Царствование Павла дало, какъ мы уже видѣли, начало и быстрый ходъ *гражданской* жизни Сперанскаго. Въ то же непродолжительное царствование ему суждено было пройти и черезъ всѣ фазы жизни *семейной:* испытать сперва блаженство счастливаго супружества и потомъ понести самую горькую изъ человѣческихъ утратъ; сдѣлаться отцомъ и — колыбель своего младенца поставить подлѣ гроба своей жены.

Знакомый уже намъ духовникъ и законоучитель великихъ князей Самборскій, въ бытность свою въ Лондонѣ, имѣлъ случай близко сойтись съ Швейцарскимъ семействомъ Планта, издавна водворившимся въ Англіи и состоявшимъ, въ то время, изъ двухъ братьевъ и четырехъ сестеръ. Одинъ братъ, женатый на Итальянкѣ Паллавичини, жилъ частнымъ человѣкомъ; другой былъ инспекторомъ британскаго музея и написалъ исторію Швейцаріи, донынѣ уважаемую въ ученомъ мірѣ. Изъ четырехъ сестеръ старшая, послѣ замужства, переселилась въ Америку; вторая была надзирательницею при Англійскихъ принцессахъ, дочеряхъ короля Георга III; третья, болѣзненная, находилась помощницею при второй; наконецъ четвертая, Елисавета Андреевна (какъ послѣ называли ее въ Россіи), съ высшимъ образованіемъ, въ совершенствѣ владѣвшая языками Англійскимъ, Французскимъ и Итальянскимъ,

*

прекрасно играла на арфѣ, пѣла, сама сочиняла музыку и пользовалась въ Англіи нѣкоторою извѣстностію какъ артистка и вообще какъ одна изъ привлекательнѣйшихъ женщинъ въ обществѣ. Не смотря на всѣ эти блестящія качества, помрачавшіяся, впрочемъ, чрезвычайно неуживчивымъ и сварливымъ нравомъ, Елисавета Планта была обречена судьбою на большія несчастія. Влюбясь въ сельскаго священника (clergyman) Генри (Henry) Стивенса (*), она бѣжала изъ дому и обвѣнчалась съ нимъ противъ желанія своихъ братьевъ. У мужа не было ничего кромѣ доходовъ отъ его сельскаго прихода, близь Ньюкестля, а женѣ семейство ея не хотѣло или не могло помогать, такъ что положеніе г-жи Стивенсъ, въ хозяйственномъ отношеніи, было самое незавидное; но оно сдѣлалось еще болѣе ужаснымъ когда, въ 1789 году, умеръ мужъ, оставя ее съ тремя малолѣтними дѣтьми: двумя дочерями, Елисаветою и Маріанною, и сыномъ Франсисомъ, разслабленнымъ отъ самой колыбели (**). Въ этой крайности г-жа Стивенсъ, безуспѣшно обращавшаяся къ разнымъ средствамъ, рѣшилась, наконецъ, попытать съ своими талантами счастія въ далекой Россіи. Въ началѣ 1790 года братъ ея, упомянутый выше инспекторъ британскаго музея, написалъ къ Самборскому, уже давно тогда возвратившемуся изъ Лондона въ отечество, письмо съ просьбою способствовать опредѣленію его сестры

(*) Фамилія его, въ разныхъ документахъ, частію даже и въ фамильныхъ письмахъ, писалась различно: то Stephens, то Stevens; но въ Русскихъ бумагахъ вдова его вездѣ называется Стивенсъ.

(**) Франсисъ, о которомъ Сперанскій часто упоминаетъ въ семейныхъ своихъ письмахъ, былъ родъ идіота и въ моральномъ отношеніи. Сперанскій всегда содержалъ и призрѣвалъ его на свой счетъ и г-жа Стивенсъ возила его съ собою, вслѣдъ за изгнанникомъ, въ Нижній и въ Пермь. Онъ умеръ въ ноябрѣ 1848 года, почти черезъ десять лѣтъ послѣ своего благодѣтеля.

при какомъ нибудь казенномъ заведеніи въ Петербургѣ. Слѣдствіемъ дальнѣйшей переписки было то́, что вдова Стивенсъ пріѣхала въ нашу столицу и остановилась у Самборскаго, которымъ была принята какъ родная. Законоучитель великихъ князей, по связямъ своимъ, скоро нашелъ случай помѣстить ее, вмѣсто казеннаго заведенія, въ одинъ изъ первыхъ частныхъ домовъ того времени въ Россіи. Графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, другъ Вольтера и самъ писавшій пріятные Французскіе стихи, былъ женатъ на Салтыковой, дочери извѣстнаго фельдмаршала, героя семилѣтней войны, и къ ней-то,—въ томъ же 1790-мъ году, когда Сперанскій привезенъ былъ изъ Суздаля въ Александроневскую семинарію—поступила г-жа Стивенсъ, гувернанткою при младшей ея дочери Александрѣ (*). Наша Англичанка скоро умѣла привязать къ себѣ и мать, и дочерей, и графиня Шувалова взяла ее съ собою въ извѣстное путешествіе свое, окончившееся прибытіемъ къ нашему двору двухъ Баденскихъ принцессъ, изъ которыхъ одна сдѣлалась, потомъ, Императрицею Елисаветою Алексѣевною. Пристроившись такимъ образомъ въ Россіи, г-жа Стивенсъ выписала изъ Англіи своихъ дѣтей, остававшихся тамъ съ ихъ няней, миссъ Джойсъ, съ которою они и пріѣхали въ Петербургъ. Эта няня—настоящее провидѣніе ввѣренныхъ ей бѣдныхъ сиротъ,—не только содержала ихъ въ Англіи на свои собственныя средства, но и оставила жить у себя въ первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ; когда же здѣсь сталъ свататься за нее довольно зажиточный мастеровой канатной фабрики, Англичанинъ Скотъ, то согласилась выйти за него только на томъ условіи, чтобы ея

(*) Comme *gouvernante-amie*, пишетъ сама бывшая ея воспитанница, послѣ княгиня Дитрихштейнъ; comme *lectrice*—пишетъ дочь Сперанскаго.

питомцы, по прежнему, имѣли у нея пріютъ. Изъ нихъ вскорѣ послѣ ея брака обѣ дѣвушки были помѣщены въ частный пансіонъ. Старшая, Елисавета, очень понравилась графинѣ Шуваловой, бравшей ее къ себѣ на воскресенья и праздники; сверхъ того мать возила ее иногда съ собою, или отпускала и одну, въ домъ Самборскихъ.

Между тѣмъ время текло, и Сперанскій, уже чиновникъ генералъ-прокурорской канцеляріи, лѣтомъ, по обязанностямъ службы, часто бывалъ при своемъ начальникѣ въ Павловскѣ, одномъ изъ любимыхъ мѣстопребываній Государя. Самборскій лѣтніе мѣсяцы также проводилъ вблизи Павловска, въ школѣ земледѣлія (*), состоявшей подъ главнымъ его надзоромъ, и не разъ зазывалъ къ себѣ генералъ-прокурорскаго чиновника (**). Хотя кругъ знакомыхъ Самборскаго, сохранившаго, по прежней службѣ въ Лондонѣ, тѣсную связь со многими Англичанами, состоялъ наиболѣе изъ людей, говорившихъ на незнакомомъ Сперанскому языкѣ, однако онъ не могъ не являться, по крайней мѣрѣ изрѣдка, на зовъ стариннаго знакомца и выбиралъ для этого преимущественно вечернюю пору, какъ время менѣе у него занятое. Разъ, когда уже всѣ сѣли за ужинъ, насупротивъ Сперанскаго осталось не занятое мѣсто. Не обративъ на то вниманія и разговорясь съ сосѣдомъ, онъ, черезъ нѣсколько минутъ, случайно взглянулъ на пустой прежде стулъ: тамъ сидѣла вошедшая незамѣтно для него дѣвушка, въ полной свѣжести своихъ шестнадцати лѣтъ, съ тою правильною и нѣжною красотою, которою

(*) Школа эта находилась на дорогѣ изъ Павловска въ Царское Село, въ извѣстной мызѣ Бѣлозеркѣ, гдѣ послѣ былъ военный госпиталь для глазныхъ болѣзней, а теперь помѣщаются аудиторіи офицерской стрѣлковой школы.

(**) Начало ихъ связи уже извѣстно намъ изъ первой главы.

отличаются Англичанки, и съ меланхолическимъ выраженіемъ въ лицѣ, обличавшемъ, какъ уже рано началась для нея школа страданій. Мечтательный взглядъ, кроткая и вмѣстѣ тонкая улыбка, прекрасныя свѣтлорусыя кудри дѣвушки, еще не посыпанныя господствовавшею тогда пудрою, наконецъ душевная чистота и скромность, отражавшіяся въ чертахъ ея лица (*),—все это съ первой минуты очаровало молодаго человѣка.

Незнакомка была дочь вдовы Стивенсъ, Елисавета. Сперанскій до тѣхъ поръ не только никогда не видалъ ни матери, ни дочери, но даже и не зналъ объ ихъ существованіи.

«Мнѣ казалось—разсказывалъ онъ еще за нѣсколько недѣль до своей смерти—что я тутъ только впервые въ жизни почувствовалъ впечатлѣніе красоты. Дѣвушка говорила съ сидѣвшею возлѣ нея дамою по-англійски и обворожительно-гармоническій голосъ довершилъ дѣйствіе, произведенное на меня ея наружностію. Одна лишь прекрасная душа можетъ издавать такіе звуки, подумалъ я, и если хоть слово произнесетъ на знакомомъ мнѣ языкѣ это прелестное существо, то оно будетъ—моею женою. Никогда въ жизни не мучили меня такъ сомнѣніе и нетерпѣливость узнать мою судьбу, пока на вопросъ, сдѣланный кѣмъ-то изъ общества по-французки, дѣвушка, закраснѣвшись, отвѣчала тоже по-французски, съ замѣтнымъ, правда, Англійскимъ удареніемъ, но правильно и свободно. Съ этой минуты участь моя была рѣшена и, не имѣя понятія ни о состояніи и положеніи дѣвушки, ни даже о томъ какъ ее зовутъ, я тутъ же въ душѣ

(*) Этотъ портретъ Елисаветы Стивенсъ, начерченный племянницами графини Шуваловой, престарѣлыми графинями Воронцовыми, съ натуры, и дочерью Сперанскаго—по разсказамъ отца, совершенно схожъ и съ тѣмъ описаніемъ ея, которое набросано въ запискѣ, доставленной намъ княгинею Дитрихштейнъ.

съ нею обручился. Послѣ, по распросамъ, мнѣ стало извѣстно, кто́ моя тайная обрученная, а также что у нея ничего нѣтъ; слѣдственно надо было сперва размыслить о возможной для насъ будущности и о средствахъ къ существованію. Я представился матери, успѣлъ возбудить склонность въ дочери, и черезъ годъ, когда мнѣ показалось, что у насъ будетъ довольно, чтобъ жить вдвоемъ, сдѣлался счастливѣйшимъ изъ супруговъ (*)».

По непонятной ошибкѣ Сперанскаго, въ приведенной уже нами собственноручной его запискѣ: «Эпохи» днемъ вступленія его въ супружество показано 14 октября 1798 года, тогда какъ справка, сдѣланная нами съ метрическою книгою и съ подлиннымъ дѣломъ въ С.-Петербургской духовной консисторіи, доказываетъ что бракъ его совершился 3 ноября. Онъ былъ обвѣнчанъ въ церкви преподобнаго Сампсонія страннопріимца на Выборгской сторонѣ (**) и въ числѣ свидѣтелей подписались: «государственнаго вспомогательнаго банка товарищъ директора, титулярный совѣтникъ Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ, и губернскій секретарь Францъ Ивановъ сынъ Цейеръ»: съ обоими мы не разъ встрѣтимся въ нашемъ очеркѣ (***).

(*) По семейнымъ преданіямъ, Елисавета Стивенсъ, родившаяся во время пребыванія Самборскаго въ Лондонѣ, была его крестницею и по этому случаю Сперанскій, когда выбралъ себѣ ее въ невѣсты и испрашивалъ на бракъ свой благословеніе родителей, писалъ имъ что, послѣ давняго знакомства съ протоіереемъ Самборскимъ, провидѣніе соединяетъ ихъ съ нимъ теперь родствомъ.

(**) Въ дѣлѣ невѣста названа Елисаветою, а въ метрической книгѣ— Елизою. Послѣ выхода въ замужство имя отца (Генри) перевели Андреемъ и въ слѣдствіе того ее назвали, также какъ и мать, Елисаветою Андреевною.

(***) Отъ нѣжной невѣсты и еще болѣе нѣжной жены осталось довольно много писемъ къ жениху и мужу; но всѣ свои къ ней онъ, послѣ ея

II.

По разсказамъ лицъ, бывшихъ въ знакомствѣ съ молодою четою, счастію ея не было мѣры (*). Г-жа Стивенсъ, вскорѣ послѣ свадьбы дочери, уѣхала, съ прежнею своею воспитанницею, княгинею Дитрихштейнъ, въ Вѣну, куда взяла съ собою остальныхъ двухъ своихъ дѣтей. Молодые остались одни, и тѣмъ болѣе блаженствовали. При ограниченности средствъ должно было, конечно, вести образъ жизни самый умѣренный; но оба уже отъ колыбели были пріучены къ лишеніямъ. Они наняли маленькую квартиру въ Большой Морской, возлѣ того дома Куракина, въ которомъ было положено для Сперанскаго начало новой жизни, и обзавелись скромно, но прилично. Мужъ ревностно работалъ, чтобъ доставить своей подругѣ нѣкоторыя пріятности жизни, а жена, разумѣется, сама вела все маленькое хозяйство. Каждая издержка строго разсчитывалась; но при всей трудности доживать до конца мѣсяца, т. е. до времени полученія жалованья, за ихъ столомъ съ двумя блюдами всегда былъ приборъ для друга еще бѣднѣйшаго, для названнаго выше Цейера, постояннаго ихъ гостя. Изъ состраданія къ одной бѣдной вдовѣ, обремененной большою семьею, новая чета взяла у нея тринадцатилѣтнюю дочь,

---

смерти, истребилъ. Между тѣмъ и ея писемъ нельзя читать безъ особеннаго чувства: такъ дышущая въ нихъ женственная привязанность тепла, правдива и, въ то же время, чиста и цѣломудренна. Всѣ они на Французскомъ языкѣ, кромѣ одного, писаннаго на Русскомъ, но съ большими ошибками.

(*) 23 февраля 1799 года Сперанскій писалъ архимандриту Евгенію: «Я женился на добродушной, простой, молоденькой Англичанкѣ, дочери пасторской, приведенной тому лѣтъ пять въ Петербургъ случаемъ, дѣлами и матерью. Послѣ шести недѣль трудно опредѣлить безпристрастно свое положеніе; могу вамъ только сказать, что я теперь считаю себя счастливѣйшимъ изъ мужей и имѣю причины думать, что никогда не раскаюсь».

неискуснымъ рукамъ которой молодая женщина ввѣрила уборку прекрасныхъ своихъ волосъ. Мужъ довольствовался прислугою четырнадцатилѣтняго мальчика, которому, чтобы причесывать барина по тогдашней модѣ, надо было влѣзать на скамейку. Дешевая кухарка довершала домашній штатъ, и по воскресеньямъ, когда къ Цейеру присоединялись еще одинъ или два пріятеля, молодая хозяйка сама готовила необходимое лакомство каждаго Англійскаго стола—жирный пуддингъ. Съ этихъ поръ Сперанскій вообще усвоилъ себѣ многія привычки Англійской домашней жизни, которымъ оставался вѣренъ до гроба. Въ это же время онъ выучился, подъ руководствомъ сперва невѣсты, а потомъ жены, Англійскому языку, въ которомъ позже такъ усовершенствовался, что могъ и писать на немъ, и свободно изъясняться (*).

Но Сперанскому суждено было извѣдать превратности благъ и радостей жизни человѣческой на всѣхъ ея путяхъ и во всѣхъ видахъ. Тихое семейное счастіе не на долго досталось ему въ удѣлъ.

Въ день помолвки, женихъ подарилъ своей невѣстѣ карманные часы, какіе въ ту пору нашивали дамы, т. е. гораздо больше и массивнѣе нынѣшнихъ. Спустя нѣсколько

(*) Вигель, въ запискахъ своихъ, утверждаетъ что Сперанскій *не зналъ по-англійски*, прибавляя, однако, обыкновеннымъ своимъ насмѣшливымъ тономъ, что «корча иностранца, и особливо Англичанина, и стараясь въ одѣяніи и образѣ жизни прилаживаться къ господствовавшему тогда вкусу (рѣчь идетъ здѣсь о началѣ царствованія Александра I-го), онъ умѣлъ говорить маленькой дочери своей: my dear, my pretty child, my sweet gearl.» — Что Сперанскій *зналъ* Англійскій языкъ, это извѣстно всѣмъ его приближеннымъ, а сверхъ того сохранилось и множество черновыхъ писемъ на этомъ языкѣ, написанныхъ, къ родственникамъ въ Англію, собственною его рукою, весьма правильно и даже изящно.

дней послѣ того, она поѣхала съ своею матерью навѣстить княгиню Дитрихштейнъ, жившую лѣтомъ на Петергофской дорогѣ, на дачѣ Маврино (*). На переѣздѣ, понесли лошади, карета опрокинулась, дѣвушка упала на ту сторону, гдѣ висѣли у нея часы, и ихъ съ такою силою вдавило ей въ грудь, что они въ ту же минуту остановились. Съ этихъ самыхъ поръ здоровье ея начало разстроиваться; но она тщательно таила послѣдствія ушиба. Свадьба была совершена въ назначенное время и, за отъѣздомъ г-жи Стивенсъ въ Вѣну, при ея дочери единственною подругою осталась Марья Карловна Вейкардтъ, дочь извѣстнаго въ то время банкира Амбургера и жена домашняго врача Шуваловыхъ. Черезъ десять мѣсяцевъ послѣ брака, 5-го сентября 1799 года, Сперанскій былъ обрадованъ рожденіемъ дочери. Все окончилось благополучно; но вслѣдъ за разрѣшеніемъ у матери началась быстрая чахотка, которой развитіе было пріостановлено только беременностію. Бѣдная женщина, какъ обыкновенно бываетъ въ этой болѣзни, ни мало не чувствовала своего безнадежнаго положенія и нѣсколько дней даже сама кормила ребенка. Мужъ, съ своей стороны, тоже не видѣлъ ничего опаснаго въ ея нездоровьи; даже въ ту минуту, когда обожаемая имъ жена, послѣ 11-ти мѣсячнаго супружества, испускала послѣдній вздохъ, онъ былъ по службѣ въ Павловскѣ и при предсмертныхъ ея страданіяхъ находилась одна г-жа Вейкардтъ. Когда Сперанскій возвратился домой, онъ нашелъ остывшій трупъ. Оставивъ у изголовья дочери записку, въ которой нарекалъ ее, по бабкѣ и по матери, именемъ Елисаветы и

(*) Названной такъ по бабкѣ княгини, графинѣ Маврѣ Шуваловой, урожденной Шепелевой. Послѣ, эта дача была подарена Шуваловыми г-жѣ Вейкардтъ, о которой сей часъ будетъ говориться.

написавъ нѣсколько строкъ къ Амбургерамъ, съ просьбою не отыскивать его нигдѣ—онъ исчезъ.

Первая мысль была, что несчастный лишилъ себя жизни. Но на слѣдующее утро онъ, съ всклокоченными волосами, съ страшно измѣнившимся лицомъ, явился въ свое жилище, приложился къ тѣлу и опять исчезъ. Такъ повторялось во все время, пока тѣло лежало въ домѣ. Онъ приходилъ по утру, приходилъ вечеромъ, лобызалъ дорогой прахъ, и снова пропадалъ. Даже послѣдній долгъ покойной (она погребена на Смоленскомъ кладбищѣ) былъ отданъ безъ него, и съ этого времени онъ не возвращался болѣе домой и не показывался ни на службѣ, ни у знакомыхъ. Уже только черезъ нѣсколько недѣль его отыскали въ глуши, на одномъ изъ Невскихъ острововъ, совершенно углубленнымъ въ свою печаль (*). Отсюда, когда открыли его убѣжище, онъ отправилъ къ одному изъ наиболѣе любимыхъ въ то время друзей своихъ слѣдующее письмо (27-го октября 1799 года), писанное, кажется, кровью (**):

«И время меня не утѣшаетъ. Вотъ третья недѣля наступаетъ, какъ я проснулся, и горести мои каждый день возрастаютъ по мѣрѣ того, какъ я обнимаю ужасъ моего состоянія. Тщетно призываю я разумъ, онъ меня оставляетъ; одно воображеніе составляетъ всѣ предметы моего размышленія. Минуты забвенія мелькаютъ иногда, по малость, самая малость, ничтожество, ихъ разсыпаетъ, и я опять пробуждаюсь, чтобъ чувствовать, чтобъ находить *ее* вездѣ предо мною, говорить съ нею—приди ко мнѣ, о

(*) Эти и предъидущія подробности сообщены намъ г-жею Вейкардтъ. Былъ еще слухъ будто бы его нашли полунагимъ, съ отрощенною бородою, даже скитающимся въ лѣсу. Г-жа Вейкардтъ рѣшительно все это отрицаетъ.

(**) Письмо это было напечатано въ «Москвитянинѣ» 1842-го года, № 6, стр. 339.

игелъ мой!—да, теките, придите ко мнѣ, любезныя слезы, единое мое утѣшеніе. Нѣтъ, мой другъ, не могу еще я писать; еще я далекъ отъ истиннаго умиленія; все что могу я вамъ сказать, есть только то̀, что здѣсь я сохну и грущу болѣе, нежели въ городѣ. Причина сему очевидна....... Сердце мое благодаритъ васъ за два письма.

«Принимаясь за перо, я чувствовалъ себя въ силахъ дать волю моему воображенію. Но вижу что я обманулся; рано для меня это утѣшеніе.

«Пріѣхавъ въ городъ, первое мое движеніе будетъ ѣхать къ ней, поклониться моему ангелу. Сколько разъ клялся я ей не разставаться.

«Жестокое дитя, немилосердые друзья; одинъ ударъ, одно мгновенье, и я бы разложился (*). Прахъ мой смѣшался бы съ нею.—Нѣтъ, не могу еще писать.

«Прощай, мой милый, добрый, единственный другъ. Я возвращусь въ понедѣльникъ, можетъ быть къ вечеру, а вѣрно во вторникъ. Я возвращусь—она меня уже не встрѣтитъ—я поѣду искать ее.

«Стыжусь самого себя. Но не могу.......»

III.

Сперанскій сдержалъ данное слово: любовь къ дочери побудила его возвратиться къ обязанностямъ и къ друзьямъ (**). Онъ сталъ искать насильственнаго развлеченія

(*) Изъ этихъ словъ можно, кажется, заключать, что въ первую минуту была точно попытка на самоубійство, отъ котораго друзья удержали его только напоминаніемъ объ его младенцѣ.

(**) «Въ декабрѣ—писалъ Сперанскій Евгенію отъ 12 января 1800 года—мнѣ дали чинъ статскаго совѣтника; но никто и ничто не дастъ уже мнѣ участія на сей землѣ, гдѣ привязанъ я *одною только дочерью* и гдѣ каждую минуту теперь чувствую, что такое жить по необходимости, а не по надеждѣ».

въ обычныхъ занятіяхъ, которыя вскорѣ потомъ еще усилились при упомянутомъ уже нами назначеніи его (8 декабря 1799 года) правителемъ канцеляріи коммиссіи о снабженіи резиденціи припасами. Не могъ онъ только болѣе видѣть прежней своей квартиры. Переѣхавъ на Англійскую набережную, въ домъ Муравьева (впослѣдствіи Риттера, теперь совсѣмъ перестроенный), онъ затаилъ глубокую свою скорбь внутри себя, а дочь, которую одинокому бѣдняку трудно было держать у себя съ кормилицею, отдалъ, на первое время, къ извѣстной уже намъ нянѣ Стивенсовъ, г-жѣ Скотъ. Фабрика, при которой эта женщина жила съ своимъ мужемъ, была на Выборгской сторонѣ, противъ Аптекарскаго острова; не смотря на такую отдаленность, отецъ, когда только могъ, урывался отъ службы, чтобы навѣстить свое дитя, или по крайней мѣрѣ посылалъ туда Цейера за подробными вѣстями о здоровьи ребенка и о всѣхъ происшествіяхъ младенческой его жизни. Любовь Сперанскаго къ дочери, и въ то время и всегда послѣ, поглощала все его существо, чему мы увидимъ довольно доказательствъ въ его письмахъ. Вообще обожаніе, сохранившееся въ его сердцѣ къ памяти покойной жены, онъ перенесъ и на все ей принадлежавшее, на все къ ней близкое. Ея семейство, которое онъ, вскорѣ потомъ, выписалъ обратно изъ Вѣны и помѣстилъ у себя, перевезя тогда къ себѣ и дочь, сдѣлалось *его* семействомъ: онъ долгіе годы терпѣлъ, съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ, заносчивый и несносный характеръ тещи, дѣля съ нею и ея дѣтьми плоды своихъ трудовъ. Дѣвочку, которая служила покойной, онъ выдалъ замужъ и снабдилъ приданымъ, а потомъ былъ воспріемникомъ всѣхъ ея дѣтей и вполнѣ устроилъ ея будущность. Пользовавшій его жену докторъ Вейкардтъ, наконецъ, сдѣлался лучшимъ его другомъ и, послѣ смерти этого достойнаго человѣка, Спе-

ранскій былъ опорою его вдовы и опекуномъ дѣтей, которымъ не переставалъ благодѣтельствовать до конца своей жизни.

IV.

Частныя связи Сперанскаго, въ первое время гражданской его жизни, были, разумѣется, и немногочисленны и неважны. Ему вездѣ самому должно было пролагать себѣ путь, а бѣдность и незнатное происхожденіе не допускали иныхъ надеждъ какъ лишь на службу. Нѣкоторое покровительство внѣ ея круга онъ находилъ, сперва, только въ семействѣ Шуваловыхъ, къ которому приблизился черезъ Стивенсовъ; въ извѣстномъ Иванѣ Владиміровичѣ Лопухинѣ, бывшемъ нѣкоторое время въ должности статсъ-секретаря при Императорѣ Павлѣ и не рѣдко тогда встрѣчавшемъ молодаго генералъ-прокурорскаго чиновника, который особенно ему полюбился; наконецъ, отчасти, въ Самборскомъ. Но отъ Шуваловыхъ мелкій чиновникъ, едва только снявшій семинарскій сюртукъ, отдѣлялся, по свѣтскимъ предразсудкамъ, слишкомъ большимъ разстояніемъ; Лопухинъ вскорѣ былъ перемѣщенъ на службу въ Москву, а Самборскій уѣхалъ за границу, къ должности своей при великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ. Былъ, однако, еще одинъ домъ, съ которымъ сближеніе принесло Сперанскому, и въ то время и впослѣдствіи, много существенной пользы. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Лазаревичъ Лазаревъ, богатый и умный вельможа изъ Армянъ, принимавшій къ себѣ всю знать, познакомился съ нимъ у Куракина и сталъ поручать ему составленіе бумагъ по частнымъ своимъ дѣламъ, а также по разнымъ предметамъ, касавшимся поселенныхъ въ Россіи Армянъ и устройства Армянскихъ епархій, черезъ что̀ Сперанскій сдѣлался

вхожъ къ нему въ домъ. Тутъ же онъ сошелся съ Армянскимъ архіепископомъ, позже верховнымъ патріархомъ Іосифомъ, княземъ Аргутинскимъ - Долгорукимъ, и, по его желанію, принялъ на себя исправленіе Русскаго перевода Армянской книги, изданной потомъ, въ 1799 году, подъ заглавіемъ «Исповѣданіе христіанской вѣры Армянской церкви», съ посвященіемъ Императору Павлу (*). При скудости средствъ, вознагражденіе за эти частные труды служило нѣкоторымъ пособіемъ къ существованію, а у Ивана Лазаревича и братьевъ его: Мины и Іоакима, Сперанскій имѣлъ случай сдѣлаться извѣстнымъ—сколько можно было для незначущаго чиновника—всѣмъ важнымъ и сильнымъ людямъ той эпохи. Въ этотъ же отдаленный періодъ было имъ положено начало нѣсколькимъ другимъ связямъ, если и менѣе блестящимъ, то прочнымъ и продолжавшимся до его смерти. Мы уже говорили объ Амбургерахъ и о зятѣ ихъ Вейкардтѣ, въ домѣ которыхъ Сперанскій, при новомъ своемъ одиночествѣ, нашелъ радушный пріютъ, со всѣми отрадами семейной жизни. Другой зять Амбургеровъ, Жерве, тоже сдѣлался преданнымъ его другомъ. Еще былъ онъ на короткой ногѣ въ домахъ Англійскаго пастора Питта, по связи г-жи Питтъ съ семействомъ Стивенсовъ (**), и негоціанта Кремера, котораго необыкновенно умную жену, урожденную фонъ-Фокъ, позже, особенно любилъ Императоръ Александръ, не рѣдко бесѣдуя съ нею о предметахъ,

---

(*) Во время пребыванія въ Перми, Сперанскій часто отзывался объ этомъ переводѣ съ нѣкоторою досадою, упрекая себя во многихъ оставшихся въ немъ недостаткахъ, которые были имъ пропущены при исправленіи.

(**) Г-жа Питтъ была, потомъ, лектрисою при Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и пользовалась особеннымъ расположеніемъ Императора Александра I.

выходившихъ за предѣлы обиходной жизни. Наконецъ Сперанскій пріобрѣлъ себѣ нѣсколькихъ друзей и между тогдашними своими сослуживцами. Назовемъ, въ числѣ ихъ: *Василія Александровича Казаринова*, очень короткаго въ домѣ Куракина; *Василія Назаровича Каразина*, положившаго основаніе Харьковскому университету, извѣстнаго писателя и агронома и вообще человѣка очень примѣчательнаго, хотя, въ позднѣйшую эпоху, часто навлекавшаго на себя гнѣвъ двухъ Государей: Александра и Николая (*); *Аркадія Алексѣевича Столыпина*, богатаго Пензенскаго помѣщика, того самаго, который находился въ числѣ свидѣтелей при вѣнчаніи Сперанскаго: бывъ переведенъ, изъ титулярныхъ юнкеровъ при генералъ-прокурорѣ, товарищемъ директора вспомогательнаго банка, которымъ управлялъ Князь Куракинъ, этотъ молодой чиновникъ часто искалъ совѣта и помощи у Сперанскаго, болѣе его опытнаго, въ замѣнъ чего приглашалъ его на свои роскошные обѣды (**); *Михаила Леонтьевича Магницкаго*, хорошей, хотя и недостаточной дворянской фамиліи, получившаго, въ бытность свою,—уже гораздо позже,—попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, такую печальную извѣстность, но въ описываемое нами время еще юношу, рослаго, виднаго, блиставшаго красотою, острымъ умомъ и живостію; причисленный, въ годъ женитьбы Сперанскаго, къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, онъ, впрочемъ, не былъ прямымъ его сослуживцемъ. Познакомившись съ нимъ у Столыпина, молодой дворянчикъ нисколько не гнушался попо-

(*) Къ этому Каразину было писано и вышеприведенное письмо Сперанскаго послѣ смерти жены.

(**) Столыпинъ, женясь, впослѣдствіи, на дочери адмирала Мордвинова, былъ оберъ-прокуроромъ въ сенатѣ и, наконецъ, однимъ изъ почетнѣйшихъ, по своему вѣсу и общественному положенію, сенаторовъ.

впчемъ и очень часто являлся въ скромномъ его семейномъ кругу. Но Казаринов вскорѣ умеръ, простудясь при возвѣщеніи по Петербургскимъ улицамъ, въ званіи герольда, о восшествіи на престолъ Императора Александра; перемѣнчивый Каразинъ разсорился съ Сперанскимъ, какъ и со многими другими, а связь съ Магницкимъ, позже столько окрѣпшая и ставшая для обоихъ столь роковою, кончилась напослѣдокъ, подъ вліяніемъ странной перемѣны въ мысляхъ и образѣ дѣйствій Магницкаго, не только охлажденіемъ, но и мало таимою взаимною ненавистью. Одна лишь дружба Столыпина противустояла всѣмъ испытаніямъ и продолжалась, неизмѣнно, до его смерти въ 1825-мъ году.

Въ эту же эпоху является между знакомыми Сперанскаго еще одно примѣчательное лицо, тоже имѣвшее нѣкоторую роль въ дальнѣйшей его судьбѣ. То былъ Василій Алексѣевичъ Злобинъ, сперва простой Волжскій мѣщанинъ, по которому потомъ счастіе, умъ и смѣлость способствовали стать въ главѣ всѣхъ откуповъ и сдѣлаться своего рода знаменитостію. Весь Петербургъ зналъ этого богача, который самъ разсчитывалъ, что имѣетъ барышу по тысячѣ рублей въ день,—сумма, въ тогдашнее время огромная. У него былъ единственный сынъ Константинъ, болѣе образованный чѣмъ отецъ, но слабаго здоровья и угрюмаго нрава, уже давно стремившійся выйти изъ своего состоянія и которому наконецъ Сперанскій помогъ вступить въ гражданскую службу (*). Знакомство молодаго чиновника съ обоими установилось еще въ домѣ Куракина, у котораго Злобинъ издавна бралъ для Саратовскаго своего откупа и вино и залоги.

(*) Старикъ Злобинъ умеръ въ 1841-мъ году (переживъ своего сына, умершаго въ 1813-мъ), разоренный тѣми же откупами, которыми обогатился. Внукамъ его присуждено было потомъ нѣкоторое вознагражденіе изъ казны, но уже послѣ смерти Сперанскаго.

Сначала, во всѣхъ приведенныхъ нами связяхъ, молодому чиновнику, естественно, принадлежала роль зависимая, или по крайней мѣрѣ очень второстепенная. Амбургеры и Кремеры были люди весьма значущіе въ своемъ кругу; Питты, при исключительности своей сферы, ни въ комъ не нуждались; Каразинъ былъ гораздо старѣе въ службѣ; Столыпинъ и Магницкій, болѣе баричи и люди свѣтскіе нежели чиновники, своимъ знакомствомъ какъ бы оказывали ему нѣкоторую честь; наконецъ Злобинъ, хотя и могъ иногда встрѣчать въ немъ надобность для своихъ дѣлъ, однако все же, по богатству и особенностямъ своего положенія, имѣлъ скорѣе видъ покровителя, нежели покровительствуемаго. Между тѣмъ въ непродолжительномъ времени и тѣ и другіе должны были покориться нравственной силѣ Сперанскаго и, изъ снисходившихъ къ нему, обратиться, болѣе или менѣе, въ его поклонниковъ. Такая перемѣна отношеній произошла, конечно, прежде всего вслѣдствіе блестящей карьеры молодаго человѣка; но и независимо отъ внѣшней обстановки, въ немъ очень рано проявилось и стало развиваться особенное искусство, достающееся въ удѣлъ только нѣкоторымъ исключительнымъ натурамъ,—подчинять себѣ людей и привязывать ихъ къ своей судьбѣ. Даже и въ ту раннюю пору его службы, когда ему еще надлежало устроивать собственное свое положеніе, онъ уже умѣлъ создавать себѣ сеидовъ, которые вполнѣ предавались его волѣ и оставались ему вѣрными всю свою жизнь. Въ числѣ ихъ первенствовали двое: Цейеръ и Масальскій.

Францъ Ивановичъ Цейеръ, по формуляру *изъ средняго состоянія*, былъ воспитанъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и выпущенъ оттуда, въ 1797 году, подпоручикомъ въ армію, но, по слабости здоровья, уже въ слѣдующемъ году перешелъ въ гражданскую службу и опредѣлился

въ генералъ-прокурорскую канцелярію. Поступивъ тутъ подъ начальство Сперанскаго, онъ потомъ, *болѣе тридцати лѣтъ*, слѣдовалъ неотлучно за всѣми коловратностями его судьбы, оставаясь постоянно и неизмѣнно ему преданнымъ, дѣля его тяготы и горе, живя его жизнію. Въ описываемое нами теперь время хорошенькій мальчикъ, добрый, простосердечный, мягкій и впечатлительный какъ воскъ, съ нѣкоторымъ образованіемъ и съ отличнымъ знаніемъ Французскаго языка, Цейеръ былъ и хозяйкою и нянькою и почти слугою своего покровителя, который потомъ взялъ его къ себѣ въ домъ и вывелъ, какъ говорится, въ люди (*).

Петръ Григорьевичъ Масальскій, воспитанный въ Ярославской семинаріи и прослужившій нѣсколько лѣтъ въ разныхъ тамошнихъ присутственныхъ мѣстахъ, былъ рекомендованъ Сперанскому прежнимъ его соученикомъ и другомъ, впослѣдствіи товарищемъ въ званіи учителя Александроневской семинаріи, переведеннымъ туда изъ Ярославля, Михаиломъ Сахаровымъ (**). Въ 1798-мъ году

(*) Вигель, котораго ненависть къ Сперанскому простиралась и на всѣхъ его окружавшихъ, а язвительное острословіе вообще мало кого щадило, тáкъ изображаетъ въ своихъ запискахъ добраго и, во многихъ отношеніяхъ, очень достойнаго Цейера: «Маленькой, чванный, щедушный сидѣлецъ изъ Пиренбергской лавки, Цейеръ, былъ тоже дѣйствительнымъ, хотя довольно безгласнымъ, членомъ сего общества (т. е. общества Сперанскаго): это, какъ говорятъ Французы, былъ *бѣдный чортъ, добрый чортъ*. Онъ славился знаніемъ Французскаго языка; потому онъ сдѣлался нужнымъ Сперанскому, который взялъ его, почти мальчика, жить къ себѣ въ домъ; онъ оставался потомъ почти цѣлый вѣкъ при немъ въ родѣ адъютанта, секретаря, или собесѣдника и, на хвостѣ орла, паукъ сей взлетѣлъ, наконецъ, до превосходительнаго званія.»

(**) Въ 1797-мъ году этотъ Сахаровъ постригся въ монашество, съ именемъ Августина, и въ 1806-мъ году былъ посвященъ въ епископа Оренбургскаго.

Сперанскій, по вліянію своему у князя Куракина, помогъ Масальскому перейти въ вспомогательный банкъ, но умѣлъ вполнѣ пожать плоды своего покровительства: подобно тому, какъ Цейеръ былъ хозяйкою и слугою молодаго чиновника, Масальскій сдѣлался, съ теченіемъ времени, его коммиссіонеромъ, домашнимъ казначеемъ, бухгалтеромъ и распорядителемъ денежныхъ дѣлъ и часто извлекалъ его изъ разныхъ мелкихъ затрудненій, даже помогалъ, при нуждѣ, деньгами. Сперанскій, съ своей стороны, правда, расточалъ ему за то увѣренія въ привязанности, но становился къ нему все требовательнѣе и взыскательнѣе, такъ что, наконецъ, Масальскій обратился почти въ илота своего покровителя и въ самыхъ письмахъ своихъ сталъ называть его всегда «премилосердымъ отцомъ.» «Можетъ быть я холоденъ въ дружбѣ внѣшней—писалъ ему, напримѣръ, Сперанскій еще въ эту первую эпоху (19 января 1801-го года)—но за то я постояненъ и, полюбивъ разъ, не перемѣню моихъ правилъ. Не сомнѣвайтесь ни минуты и въ искреннемъ участіи моемъ и въ томъ понятіи о дружбѣ, какое утвердить я вамъ готовъ и въ самомъ дѣлѣ утвержу на опытахъ и очевидныхъ и неоспоримыхъ . . . . .» Писалъ такъ, а между тѣмъ, не дѣлая въ пользу своего пріятеля ничего чрезвычайнаго, ни даже особеннаго, возлагалъ на него безчисленныя порученія, иногда почти невозможныя, и, въ случаѣ неисполненія ихъ, осыпалъ его горькими упреками. При видѣ этихъ странныхъ отношеній, трудно даже объяснить себѣ терпѣливость, съ которою Масальскій переносилъ, ни на минуту не охлаждаясь въ своемъ усердіи, такую суровость, вовсе, казалось, не соотвѣтствовавшую характеру Сперанскаго (*).

(*) Масальскій завѣдывалъ, въ тоже время, дѣлами разныхъ другихъ частныхъ лицъ, входя и отъ своего имени въ казенные подряды.

Далѣе, въ числѣ такихъ же поспѣшниковъ нашего молодаго чиновника, но уже во второй степени, должно еще назвать Матвѣя Васильевича Могилянскаго, опредѣленнаго имъ, почти въ тоже время какъ Масальскій поступилъ въ банкъ, въ генералъ-прокурорскую канцелярію, и двухъ молодыхъ людей: Ивана Өедоровича Журавлева, и Фармицына (*), которые, въ позднѣйшую эпоху, составляли, вмѣстѣ съ Цейеромъ, домашнюю канцелярію государственнаго секретаря.

Представя галлерею тѣхъ лицъ, между которыми вращался Сперанскій послѣ перемѣны своего состоянія, мы не можемъ еще не упомянуть, что эта перемѣна осталась безъ всякаго вліянія на отношенія его къ Черкутинской семьѣ. Самъ еще почти ничего не имѣя, молодой человѣкъ все таки дѣлился малыми своими крохами съ родственниками, еще болѣе его нуждавшимися. Въ томъ же году, когда онъ поступилъ въ гражданскую службу, его отецъ, по болѣзни, отказался отъ священническаго мѣста, которое передалъ своему зятю Третьякову. «Съ 1797 года—пишетъ послѣдній—Михайло Михайловичъ началъ быть достопамятнымъ въ Черкутинѣ своими благодѣяніями къ оставшемуся тамъ семейству, состоявшему тогда изъ отца, матери и сестры. По вступленіи, на мѣсто отца, въ Черкутино священникомъ, имѣлъ

Въ 1800-мъ году онъ былъ опредѣленъ уѣзднымъ судьею въ Ярославль, въ 1802-мъ перемѣщенъ въ департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а въ ноябрѣ 1810-го, по просьбѣ, уволенъ въ отставку, для поправленія домашнихъ своихъ дѣлъ. Онъ умеръ въ одинъ годъ съ Сперанскимъ (1839), нѣсколькими только мѣсяцами позже. Сообщеніемъ ихъ переписки, доставившей разныя любопытныя данныя для нашего труда, мы обязаны писателю Константину Петровичу Масальскому, сыну упоминаемаго здѣсь Петра Григорьевича.

(*) Оба уже давно умерли: молчаливый, но очень способный Журавлевъ—въ званіи сенатора, а Фармицынъ еще прежде, на службѣ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ.

я удовольствіе получить письмо отъ покойнаго графа, выражавшее сыновнюю преданность и любовь къ родителямъ и призваніе меня къ ихъ успокоенію и неоставленію, съ обѣщаніемъ всѣхъ возможныхъ на то пособій. Дѣйствительно, четырехлѣтній покой отца и двадцатисемилѣтняя жизнь матери покойнаго графа въ моемъ домѣ и на моемъ попеченіи вознаграждены были имъ, до конца его жизни, устройствомъ моего семейства, состоявшаго изъ пяти дочерей и одного сына и четырехъ внукъ и внуковъ.» Младшій и единственный братъ Сперанскаго, Косьма, принявшій ту же самую фамилію, воспитанный тоже въ семинаріи и окончившій курсъ въ Московскомъ университетѣ, въ 1801-мъ году вступилъ въ гражданскую службу, которую продолжалъ потомъ въ разныхъ губерніяхъ и заключилъ, наконецъ, въ званіи губернскаго прокурора, въ 1812-мъ году, въ Казани. Съ этихъ поръ онъ слѣдовалъ за своимъ братомъ, постоянно ему благодѣтельствовавшимъ, въ разныя мѣста его заточенія, а послѣ жилъ частію при немъ, частію въ Пензенскомъ его имѣніи. Высокій ростомъ, толстый и рябой, онъ чрезвычайно походилъ на старшаго брата, но какъ бы черезъ увеличительное стекло. Впрочемъ человѣкъ добрый, не глупый, хотя мало способный къ дѣлу, Косьма Михайловичъ считалъ въ числѣ главныхъ своихъ достоинствъ умѣнье смѣшить пріятельскій кружокъ особеннымъ даромъ передразниванія и всевозможными фарсами и велъ, не смотря на свою болѣзненность, довольно разгульную жизнь. Старшій братъ не разъ много терпѣлъ отъ его безпутства. Старикъ Злобинъ, сравнивая ихъ между собою, говаривалъ: «изъ одного дерева и икона и лопата.»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СПЕРАНСКІЙ ПРИ ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ I-мъ, ДО СВОЕГО УДАЛЕНІЯ.

1801—1812.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Развитіе служебной карьеры Сперанскаго.

I.

Кончина Императора Павла застала Сперанскаго, какъ мы видѣли, экспедиторомъ въ генералъ-прокурорской канцеляріи и правителемъ канцеляріи коммиссіи о снабженіи резиденціи припасами. Въ наступившее новое царствованіе онъ оставался въ этихъ должностяхъ только нѣсколько дней.

Первымъ, по времени, сотрудникомъ и наперсникомъ Императора Александра I-го былъ Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій. Человѣкъ простаго происхожденія, не знавшій ни одного иностраннаго языка, выучившійся и Русской грамотѣ, по собственному сознанію, у дьячка (*),

---

(*) «Вы смѣетесь—писалъ онъ, 7 марта 1821 года, своему другу Л. И. Голенищеву-Кутузову—приписывая мнѣ способность ѣздить рысью на семъ крылатомъ конѣ (Пегасѣ), а я и подходить къ нему не смѣю; да какое я право могъ бы на него имѣть, когда и Русской грамотѣ (признаюсь не стыдясь) учился только у приходскаго дьячка.» Нѣсколько подробностей объ этой замѣчательной личности находится въ запискахъ статсъ-секретаря Екатерины II-й, Грибовскаго.

онъ началъ службу въ бывшей Малороссійской коллегіи, старался образовать себя чтеніемъ всего, что только можно было читать въ то время по-русски, и хорошею головою, прилежаніемъ и неутомимою дѣятельностію скоро проложилъ себѣ дорогу. Пріобрѣтя покровительство Рѣпнина и потомъ Безбородки, Трощинскій въ 1793 году уже находился при Екатеринѣ II у принятія прошеній, въ царствованіе Павла состоялъ президентомъ главнаго почтоваго правленія, а по вступленіи на престолъ Александра былъ назначенъ начальникомъ удѣловъ, главнымъ директоромъ почтъ и—что было всего важнѣе—докладчикомъ и главнымъ редакторомъ при лицѣ Государя. Для послѣдней обязанности ему понадобился человѣкъ съ головою и перомъ. Выборъ его, въ первую минуту, остановился было на названномъ уже нами чиновникѣ генералъ-прокурорской канцеляріи Голиковѣ, особенно славившемся между тогдашними дѣльцами. Но Голиковъ, при большой опытности въ дѣловой казуистикѣ и при знаніи законовъ, у насъ, въ то время и еще долго послѣ, до изданія Свода, составлявшихъ почти непроницаемый лабиринтъ, не имѣлъ ни высшаго взгляда, ни быстроты въ соображеніи и работѣ, ни того искуснаго пера, которое нужно было наперснику Александра для сочиненія государственныхъ актовъ. Братъ прежняго правителя генералъ-прокурорской канцеляріи, Павелъ Ивановичъ Авериъ, бывшій и у Трощинскаго такимъ же домашнимъ человѣкомъ, какъ у Беклешова, указалъ на Сперанскаго. 19 марта 1801 года, слѣдственно черезъ недѣлю послѣ воцаренія Александра, данъ былъ сенату слѣдующій указъ: «Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть при нашемъ тайномъ совѣтникѣ Трощинскомъ, у исправленія дѣлъ на него по довѣренности нашей возложенныхъ, статскому совѣтнику Сперанскому, съ званіемъ нашего статсъ-секретаря и

съ жалованьемъ по 2000 р. на годъ изъ нашего кабинета; получаемое же имъ до сего, по должности правителя канцеляріи коммиссіи о снабженіи резиденціи припасами, жалованье по 2000 руб. на годъ, обратить ему въ пенсіонъ по смерть».

Первые дни новаго царствованія ознаменовались, какъ извѣстно, множествомъ перемѣнъ въ лицахъ и установленіяхъ. Не далѣе какъ 26-го того же марта былъ упраздненъ совѣтъ, существовавшій при Дворѣ въ видѣ временнаго учрежденія, а 30-го, въ замѣнъ того, образованъ постоянный совѣтъ, для разсмотрѣнія — какъ выражался указъ—«важныхъ государственныхъ дѣлъ». Трощинскому, въ званіи члена новаго совѣта, ввѣрено было и главное завѣдываніе его канцеляріею, которой правителемъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ (послѣ сенаторъ) Вейдемейеръ. Въ этой канцеляріи нашлось мѣсто и для Сперанскаго. Онъ былъ опредѣленъ начальникомъ третьей ея экспедиціи, по части *гражданской и духовной*, съ сохраненіемъ званія статсъ-секретаря, и, менѣе нежели черезъ три мѣсяца отъ своего назначенія, пожалованъ (9 іюля 1801 г.) въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Такимъ образомъ, въ четыре съ половиною года, нашъ семинаристъ, изъ домовыхъ секретарей частнаго человѣка, достигъ званія Государева статсъ-секретаря, важной должности въ составѣ государственнаго управленія, чина, называемаго въ просторѣчіи *генеральскимъ*, и не только значительнаго, по тогдашнему времени, служебнаго содержанія, но уже и пожизненной пенсіи. Доказательство, что ему, кромѣ счастія, благопріятствовали и блестящія дарованія; доказательство также, что онъ этими дарованіями, трудолюбіемъ и вообще своею личностію умѣлъ каждаго новаго начальника тотчасъ обращать и въ новаго себѣ покровителя.

Трощинскій поручалъ Сперанскому, независимо отъ его обязанностей по совѣту, составленіе всѣхъ манифестовъ, указовъ и пр., которыми такъ обиловало начало царствованія Александра I-го. Молодому статсъ-секретарю было широкое поле и для дѣловой практики, и для ознакомленія съ высшими государственными вопросами, и для изученія тогдашнихъ нашихъ государственныхъ людей. Конечно, собственная его дѣятельность ограничивалась, пока, ролью редактора на заданныя темы, еще безъ права и возможности проводить собственныя свои мысли; но вскорѣ долженъ былъ наступить просторъ и для самотворчества: онъ открылся ему черезъ образованіе министерствъ.

Достопамятный манифестъ 8 сентября 1802 года о министерствахъ былъ сочиненъ безъ всякаго участія Трощинскаго, не долго пользовавшагося довѣріемъ и милостями Александра. Умнаго и опытнаго, но вскормленнаго въ старыхъ идеяхъ дѣльца, съ его отсталыми понятіями, худо согласовавшимися съ направленіемъ новаго царствованія, оттѣснили четыре человѣка, изъ которыхъ къ одному Государь питалъ особенную дружбу еще до вступленія своего на престолъ, а прочіе были близки къ Александру съ дѣтства. Первый, графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, племянникъ и воспитанникъ славнаго Безбородки, при Екатеринѣ II занималъ важный постъ нашего посланника при Оттоманской Портѣ, а при Павлѣ, всего 27-ми лѣтъ отъ роду, уже былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и вице-канцлеромъ. Съ умомъ смѣтливымъ и тонкимъ, съ отличнымъ образованіемъ, благородными чувствами, лучшими намѣреніями, съ самыми свѣтскими и блестящими манерами, наконецъ съ искреннею привязанностію къ своему Государю, Кочубей во всемъ искалъ ему добра и славы; но, въ то время, еще очень мало зналъ Россію и практическую сторону науки управленія. Не болѣе его имѣли

опытности въ этомъ отношеніи и три его сподвижника, рѣзко впрочемъ отличавшіеся другъ отъ друга по своимъ свойствамъ и сходившіеся только въ одномъ: въ личной приверженности къ Императору Александру и еще—въ модной тогда у насъ англоманіи. То были: Николай Николаевичъ Новосильцовъ, человѣкъ съ многосторонними знаніями, почти ученый (*), долго жившій въ Англіи и близко ознакомившійся съ особенностями и механизмомъ тамошнихъ государственныхъ учрежденій; князь Адамъ Чарторижскій, съ пламенною душою подъ наружною холодностію, котораго всѣ стремленія, всѣ самыя горячія надежды уже и тогда были обращены къ будущности Польши, и графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, человѣкъ менѣе дѣловой, но съ прекрасною, истинно благородною душою, притомъ начитанный и пріятный собесѣдникъ. Три послѣдніе образовали изъ себя неразрывный союзъ, который современная публика называла *тріумвиратомъ*, а Государь въ шутку титуловалъ—comité du salut public. По счастливому выраженію г. Лонгинова, духъ времени уже леталъ надъ этими молодыми и пылкими умами и коснулся ихъ своимъ крыломъ. Они вѣрили уже не въ прошедшее, а въ будущее, которое имъ казалось такъ легко создать по идеалу, составившемуся въ ихъ воспріимчивыхъ душахъ, и пламеннымъ ихъ желаніемъ было примѣнить къ Россіи новыя формы жизни, только что выработавшіяся въ Европѣ (**). Отъ этихъ любимцевъ Александра и возникла первая мысль учрежденія министерствъ, осуществленная

(*) Онъ былъ, при другихъ своихъ должностяхъ, президентомъ академіи наукъ, а послѣ и попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа.

(**) Державинъ въ своихъ запискахъ выражается иначе; «тогда всѣ окружающіе Государя—пишетъ онъ—были набиты Французскимъ и Польскимъ конституціоннымъ духомъ» (стр. 463, по нумераціи «Русской Бесѣды», гдѣ впервые появились эти записки).

манифестомъ 8 сентября. Для Трощинскаго, провѣдавшаго о немъ только почти наканунѣ его изданія, онъ былъ совершенною нечаянностію. Старикъ, привязанный къ прежнимъ формамъ, а съ нимъ и многіе другіе (*), громко возстали противъ новаго установленія. Дѣйствительно, первое образованіе министерствъ 1802 года, даже если смотрѣть на него безъ предубѣжденія въ пользу совѣщательнаго порядка, было произведеніемъ мало обдуманнымъ, незрѣлымъ, несогласованнымъ ни съ образованіемъ только что передъ тѣмъ учрежденнаго совѣта, ни съ правами и властію древняго установленія сената и коллегій, еще остававшихся, покамѣстъ, въ прежнемъ своемъ составѣ и дѣйствіи. Набросанное на бумагу въ нѣсколькихъ поверхностныхъ очеркахъ, безъ всякихъ подробностей исполненія, и между тѣмъ тотчасъ же приведенное въ дѣйствіе, это образованіе во всемъ носило на себѣ отпечатокъ особенной спѣшности и малой опытности составителей (**). Однимъ изъ непосредственныхъ его слѣдствій было то, что вновь созданная обширная власть министровъ, поставленная внѣ связи съ совѣтомъ, отодвинула послѣдній на задній планъ. Совѣтъ сдѣлался, почти исключительно, высшею инстанціею для тяжебныхъ дѣлъ, а мѣсто падшаго его творца, Трощинскаго, заняли, въ дѣятельности государственной и въ довѣріи Императора, вышеназванныя лица. Кочубей былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; члены *тріумвирата* удовольствовались болѣе скромными званіями товарищей министровъ: Чарторижскій—при престарѣломъ государственномъ канцлерѣ графѣ Воронцовѣ, управлявшемъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ болѣе по имени,

---

(*) См. напр. тѣ же записки Державина, стр. 455.

(**) Здѣсь говорится о первомъ образованіи министерствъ 1802 года; о новомъ же 1810 года,—произведеніи Сперанскаго—будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

потому что истиннымъ начальникомъ этой части былъ самъ Александръ; Новосильцовъ—при министрѣ юстиціи, Строгановъ—при Кочубеѣ. Трощинскому осталось только удѣлы и почты и завѣдываніе упавшимъ совѣтомъ (*). Всѣ личные доклады, вмѣстѣ съ управленіемъ дѣлами учрежденнаго тогда же комитета министровъ, перешли къ Новосильцову (**).

II.

Имя недавняго семинариста уже громко звучало въ чиновничьемъ мірѣ и, по уму и краснорѣчію, онъ считался первою знаменитостью молодаго поколѣнія. Кочубей, къ числу достоинствъ котораго принадлежало и необыкновенное искусство въ выборѣ людей, тотчасъ съумѣлъ открыть эту жемчужину и привлечь ее въ свое вѣдомство. Молодому человѣку, естественно, тоже болѣе улыбалось служить при образованномъ, свѣтскомъ и знатномъ вельможѣ, чѣмъ оставаться при начальникѣ, хотя умномъ и дѣльномъ, но зачерствѣломъ въ старой приказной колеѣ и котораго звѣзда, какъ по всему видно было, быстро склонялась къ паденію. Еще до изданія манифеста Сперанскій сказался больнымъ, пересталъ являться къ должности и, по порученію Кочубея, втайнѣ занялся разными приготовительными работами къ предстоявшему образованію его будущаго министерства. Трощинскій, которому планы

(*) До тѣхъ поръ оффиціальный его титулъ былъ: «находящійся при Его Императорскомъ Величествѣ у исправленія возложенныхъ на него по особой довѣренности дѣлъ». Въ 1805 г. онъ совсѣмъ оставилъ службу.

(**) По этимъ обязанностямъ онъ назывался въ актахъ «находящимся при особо порученныхъ отъ Его Императорскаго Величества дѣлахъ».

Кочубея на его подчиненнаго сдѣлались извѣстными уже только въ самые послѣдніе дни, сталъ тогда сильно настаивать, чтобы Сперанскому, если уже не возможно сохранить его вполнѣ для совѣта, дозволено было по крайней мѣрѣ служить въ обоихъ вѣдомствахъ вмѣстѣ. Это не сообразовалось съ видами ни новаго министра, ни даже самого Сперанскаго. Возражая, въ одномъ изъ докладовъ своихъ, на предложеніе Трощинскаго, Кочубей писалъ Государю: «Сперанскій долженъ необходимо состоять исключительно при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и быть поставленъ внѣ всякаго прикосновенія къ прежнему мѣсту своего служенія. Зависимость отъ двухъ начальниковъ была бы неумѣстна даже и при дѣйствіи обоихъ по одинаковымъ началамъ, а о г. Трощинскомъ извѣстно, напротивъ, что онъ есть одинъ изъ самыхъ упорныхъ порицателей и враговъ нововводимой системы. Слѣдственно, если Вашему Величеству угодно, чтобы Сперанскій оставался и при г. Трощинскомъ, то министерству внутреннихъ дѣлъ должно будетъ отъ него отказаться и пріискать для себя другаго производителя дѣлъ». Императоръ Александръ не поколебался въ выборѣ. 8-го сентября 1802 года, т. е. вмѣстѣ съ изданіемъ манифеста о министерствахъ, послѣдовало повелѣніе: «статсъ-секретарю Сперанскому быть при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ». Трощинскій въ одинъ и тотъ же день лишился и своего прежняго вліянія и правой своей руки.

III.

Министерство внутреннихъ дѣлъ не тотчасъ получило то устройство, которое оно сохраняло потомъ до новаго преобразованія всѣхъ вообще министерствъ, предпринятаго въ 1810-мъ и завершеннаго въ 1811-мъ году. Спачала,

7 января 1803 года (№ 20.520), министерство состояло изъ одного только департамента, котораго директоромъ и былъ опредѣленъ Сперанскій (23 тогоже января). Но уже 18-го слѣдующаго іюля, по докладу Кочубея (№ 20.852), названіе департамента внутреннихъ дѣлъ было перенесено, отъ подвѣдомаго министру установленія, на цѣлое его министерство, и въ такомъ видѣ департаментъ,—т. е. уже самое министерство,—былъ раздѣленъ на три экспедиціи, изъ которыхъ каждая поставлена подъ начальство особаго управляющаго, подчиненнаго непосредственно министру. Сперанскому, при этомъ новомъ раздѣленіи, ввѣрили *вторую* экспедицію, государственнаго благоустройства; но онъ продолжалъ, въ существѣ, оставаться душою *всего* департамента. Въ обѣ другія экспедиціи были назначены управляющими люди тоже очень достойные, Нѣмцы по происхожденію, но настоящіе Русскіе по приверженности своей къ Россіи, именно: въ *первую*, государственнаго хозяйства, Карлъ Ивановичъ Габлицъ (впослѣдствіи сенаторъ), человѣкъ преклонныхъ лѣтъ и старой школы, но знавшій дѣло и мѣстныя обстоятельства и умѣвшій, при большой опытности, отвѣчать, на всякій спросъ, полезнымъ совѣтомъ; въ *третью*, государственной медицинской управы, баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ Кампенгаузенъ (впослѣдствіи государственный контролеръ), который съ твердымъ характеромъ и умомъ холоднымъ и сухимъ, но весьма обширнымъ, соединялъ старинную, добросовѣстную Нѣмецкую ученость и неутомимость въ трудахъ.

Служба Сперанскаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ является, въ общемъ теченіи дѣловой его жизни, періодомъ переходнымъ, въ которомъ онъ продолжалъ выработываться для будущаго. Это, какъ говорилъ одинъ современникъ, была его весна: лѣто съ своимъ зноемъ и своими обаяніями, но и съ своею грозою, еще было впереди.

Много въ этомъ министерствѣ, съ самаго его учрежденія, было предпринято преобразованій и еще болѣе ихъ предполагалось; но здѣсь еще далеко было отъ тѣхъ обширныхъ размѣровъ, которыми отличались послѣдующія нововведенія Сперанскаго. И онъ, и его министръ, прежде ничѣмъ не управляли; обоимъ приходилось учиться на самыхъ своихъ реформахъ; оба дѣйствовали какъ бы въ чаду, ощупью, не умѣя дать себѣ достаточнаго отчета въ томъ, что̀ изо всего ими дѣлаемаго выйдетъ. Сперанскій, по наслышкѣ, а отчасти уже и по собственнымъ наблюденіямъ, понималъ, что многое у насъ не хорошо̀ и пытался замѣнить худое лучшимъ, но безъ ясной идеи: въ чемъ и гдѣ искать это лучшее и что̀ поставить на мѣсто стараго. Творческое его воображеніе домогалось новаго, искало во всемъ поступательнаго движенія, а между тѣмъ сознаваемая имъ въ себѣ большая неопытность нерѣдко заставляла осматриваться и сдерживала его порывы. Сдерживалъ ихъ, по временамъ, и Кочубей, по своему характеру менѣе рѣшительный чѣмъ его наперсникъ, хотя вполнѣ сочувствовавшій стремленіямъ послѣдняго къ тому, что̀ мы, уже въ гораздо позднѣйшую эпоху, стали выражать иностраннымъ словомъ *прогрессъ*. Наконецъ, противъ его нововведеній возставалъ еще, иногда, осторожный и практическій Габлицъ; но, не имѣя настойчивости въ характерѣ, онъ легко уступалъ, какъ скоро замѣчалъ, что его возраженія непріятны. Во всякомъ случаѣ министерство внутреннихъ дѣлъ въ эту эпоху далеко опередило другія и стало на первую степень во вновь образованной машинѣ государственной администраціи. Если отъ богатаго посѣва не все взошло, и изъ того, что̀ взошло, не все принялось, то, безспорно, остались и нѣкоторые полезные плоды дѣятельности этого министерства, какъ напримѣръ: учрежденіе класса свободныхъ хлѣбопашцевъ, положеніе о Евреяхъ, написанное въ гораздо свободнѣйшемъ противъ прежняго

духѣ, распространеніе тонкоруннаго овцеводства, пособіе государственному казначейству почтовымъ сборомъ, вольный промыселъ солью, возвышеніе Одессы, новое управленіе медицинскою частію и множество другихъ частныхъ улучшеній. Въ его дѣйствіяхъ обнаруживалась вездѣ жизнь, господствовало одушевленіе, была иниціатива. Всѣ проекты новыхъ постановленій писалъ Сперанскій, и писалъ тàкъ, какъ никто до него. Отчеты министра Государю, — тоже плодъ пера Сперанскаго, — стали впервые печататься въ общее свѣдѣніе и, восхитивъ въ то время всѣхъ чѣмъ-то новымъ и небывалымъ въ нашей администраціи, еще и теперь, спустя болѣе полустолѣтія, могутъ, по методѣ ихъ составленія, назваться образцовыми. Наконецъ министерство внутреннихъ дѣлъ подало первый примѣръ другому, также небывалому у насъ до тѣхъ поръ дѣлу: оно начало издавать свой оффиціальный журналъ, подъ названіемъ «С.-Петербургскаго»; въ этомъ періодическомъ изданіи, сверхъ отчетовъ, помѣщались важнѣйшіе правительственные акты и статьи ученаго содержанія, оригинальныя и переводныя, и въ немъ старинный нашъ приказный языкъ видимо сталъ облекаться въ новыя формы.

Императоръ Александръ еще въ 1803-мъ году поручилъ Сперанскому составить планъ общаго образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ имперіи; но эта огромная работа была возложена на него не прямо отъ Государя, а черезъ министра. Александръ впервые непосредственно сошелся съ своимъ статсъ-секретаремъ въ 1806-мъ году, когда Кочубей, во время частыхъ своихъ болѣзней, началъ посылать его съ бумагами вмѣсто себя. Превосходный докладчикъ, ловкій и смѣтливый исполнитель принимаемыхъ повелѣній, умѣвшій на лету ловить и угадывать каждое слово, Сперанскій съ первыхъ поръ очаровалъ Государя, который тогда же сталъ давать ему разныя

личныя порученія. Въ октябрѣ 1807-го года, отправляясь въ Витебскъ, для осмотра 1-й арміи, Александръ взялъ его съ собою, что́, естественно, повело еще къ бо́льшему сближенію. Вслѣдъ за тѣмъ, одно, по видимому постороннее, обстоятельство уничтожило и послѣднюю между ними преграду. Саратовскій губернаторъ Бѣляковъ, за какія-то злоупотребленія, былъ отданъ подъ судъ помимо Кочубея, очень къ нему расположеннаго, и честолюбивый министръ, оскорбясь такимъ нарушеніемъ того, что́ онъ считалъ принадлежностію своей власти, а еще болѣе возбужденными этимъ дѣломъ личными объясненіями, подалъ въ отставку. Просьба его, можетъ быть вопреки ожиданіямъ, была принята, и въ ноябрѣ 1807 года министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ Малороссійскій генералъ-губернаторъ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, прежній патронъ и начальникъ бѣднаго семинариста, съ которымъ дружба его, впрочемъ, уже давно прекратилась. Въ виду ли близости этой перемѣны, или вслѣдствіе установившихся новыхъ отношеній къ Государю, только 19-го октября 1807 года, т. е. за нѣсколько недѣль до отставки Кочубея, и Сперанскій былъ уволенъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, «съ оставленіемъ— какъ выражался указъ — при прочихъ должностяхъ по званію статсъ-секретаря». Въ это время онъ уже имѣлъ ордена: св. Владиміра 3-й степени, пожалованный ему, 18 ноября 1806, помимо низшей, и св. Анны 1-й степени, которымъ онъ былъ награжденъ 15 марта 1807 года, слѣдственно черезъ четыре мѣсяца послѣ перваго. Передъ тѣмъ, въ 1804-мъ году, онъ получилъ двѣнадцатилѣтнюю аренду (мызу Аагофъ, въ Лифляндской губерніи), приносившую ежегоднаго дохода болѣе 12.000 р. асс. Всѣ эти щедрыя милости исходатайствовалъ ему Кочубей, и Сперанскій былъ полонъ признательнымъ воспомина-

ніемъ о нихъ въ минуту разставанія съ бывшимъ своимъ начальникомъ. Слѣдующее письмо, хотя на немъ нѣтъ числа и года, по содержанію своему очевидно относится къ этому времени: «Первое движеніе мое сего утра—писалъ онъ Кочубею—есть принести вашему сіятельству мою истинную и душевную благодарность. Слишкомъ пять лѣтъ исполнилось, какъ я вступилъ подъ начальство ваше; во все сіе время я видѣлъ непрерывные опыты милости и довѣренности вашей; во все сіе время не имѣлъ я даже тѣни какого либо правильнаго огорченія,—счастіе, коимъ люди въ моемъ родѣ службы рѣдко похвалиться могутъ. Моему доброму Провидѣнію должно приписать, что, исполняя ваши приказанія, находилъ я, такъ сказать, ваши мысли въ душѣ моей. Съ моей стороны можно бы было, безъ сомнѣнія, имѣть болѣе точности и дѣятельности въ исполненіи; но, смѣю сказать, не можно было имѣть ни болѣе доброй воли, ни болѣе искренняго и личнаго къ вамъ усердія, независимо ни отъ дѣлъ, ни отъ наградъ, коими впрочемъ, безъ докукъ моихъ, отъ васъ я всегда былъ упреждаемъ. Напослѣдокъ какъ милостиво вы со мною начали, также милостиво теперь и окончили. Чувство благодарности моей и приверженности пребудетъ во мнѣ всегда неизгладимо».

IV.

Здѣсь, на рубежѣ канцелярскаго, такъ сказать, поприща Сперанскаго, мы не можемъ и не должны обойти молчаніемъ одного, недавно напечатаннаго отзыва, современнаго именно *этой* эпохѣ его дѣятельности. Говоримъ о запискахъ Державина и о приговорѣ, произнесенномъ имъ надъ Сперанскимъ за время бытности послѣдняго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Вотъ сказанное въ разныхъ мѣстахъ этихъ записокъ:

«Все учреждаемое графомъ Кочубеемъ и г. Сперанскимъ было несообразица съ настоящимъ дѣломъ» (стр. 173).

«Сперанскій совсѣмъ былъ преданъ Жидамъ чрезъ извѣстнаго Перетца, котораго онъ открытымъ образомъ считался пріятелемъ и жилъ въ его домѣ» (стр. 176) (*).

«Сперанскаго гласно подозрѣвали и въ корыстолюбіи (по одному Еврейскому дѣлу), а особливо по связи его съ Перетцомъ» (стр. 180).

«Министерскія канцеляріи имѣли между собою пріятельскія связи, и какъ бо́льшая часть производителей дѣлъ были изъ семинаристовъ, выбранныхъ и пристроенныхъ къ ихъ мѣстамъ чрезъ г. Сперанскаго (**), который всѣми

(*) Сперанскій дѣйствительно состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Перетцу, человѣку, еще многимъ памятному по своимъ достоинствамъ, по своимъ огромнымъ дѣламъ и потомъ по своимъ несчастіямъ; но, не смотря на всѣ наши старанія, мы не могли раскрыть ничего достовѣрнаго ни о происхожденіи этихъ отношеній, ни объ ихъ значеніи. Бумаги, изъ которыхъ можно было бы что нибудь о томъ узнать, хранились у старшаго сына Перетца (уже умершаго) и истреблены, кажется, еще въ 1825 году; вдова Перетца также умерла, а прочіе члены семейства, при смерти Сперанскаго, были еще дѣтьми. Всего вѣроятнѣе, что нашъ государственный человѣкъ поддерживалъ эту связь потому болѣе, что въ огромныхъ финансовыхъ знаніяхъ Перетца онъ почерпалъ тѣ практическія свѣдѣнія, которыхъ, и по воспитанію и по кругу своей дѣятельности, не могъ самъ имѣть. Впрочемъ связь съ Перетцомъ, принимавшимъ у себя весь городъ и славившимся своимъ коммерческимъ умомъ, ни для кого не могла быть зазорною. Извѣстно, что другой замѣчательный нашъ дѣятель, графъ Е. Ф. Канкринъ, также былъ съ нимъ очень близокъ.

(**) Обращаемое здѣсь въ упрекъ Сперанскому объясняется очень просто. Вспомнимъ, что тогда, кромѣ Московскаго университета, всѣ прочіе у насъ только что еще зараждались: откуда же, какъ не изъ семинарій, при весьма жалкомъ положеніи свѣтскихъ училищъ, было принасать сколько нибудь образованныхъ и полезныхъ чиновниковъ, особенно Сперанскому, который бралъ семинаристовъ, конечно, не потому, что былъ одного съ ними происхожденія, а потому, что ближе другихъ зналъ ихъ. Тутъ дѣйствовали не узкія воззрѣнія касты, а интересы самой службы.

ими какъ скрытою, такъ сказать, машиною двигалъ и руководствовалъ, такъ что какое у котораго министра, а особливо у Державина было приготовлено къ докладу дѣло или аппробованное и положенное въ портфель, онъ уже зналъ; а потому, буде оно изложено не по его мыслямъ или, лучше сказать, того тріумвирата приближенныхъ, тайныхъ совѣтниковъ, . . . то и предваряемъ былъ Государь заблаговременно тайными побочными внушеніями противъ справедливости и истиннаго существа тѣхъ дѣлъ; а потому . . . когда приходили тѣ дѣла къ Государю, то онъ, выслушавъ и не говоря никакой резолюціи, приказывалъ оставлять тѣ дѣла у себя на столѣ, которыя одинъ или съ тѣми совѣтниками разсматривалъ или пересматривалъ. . . Для того же, чтобъ все знать происходившее у министровъ въ канцеляріяхъ, подкуплены были изъ самыхъ ихъ служителей людьми, которые доводили до свѣдѣнія г. Сперанскаго и прочихъ все что́ узнали» (стр. 481 и 482).

Какъ публика ни должна быть признательна журналу, напечатавшему записки Державина, и какъ онѣ ни драгоцѣнны, во многихъ отношеніяхъ, для современной исторіи, но едва ли можно согласиться съ тѣми изъ нашихъ писателей, которые безусловно называютъ ихъ «правдивыми» въ смыслѣ «безпристрастныхъ». Державинъ могъ принадлежать къ лучшимъ людямъ своего времени и все таки, во многихъ случаяхъ, подъ вліяніемъ духа этого времени, очевидно увлекался старыми повѣрьями и идеями, ненавидѣлъ новизну и ея вводителей и нерѣдко, со всею суровостію и строптивостію человѣка, избалованнаго почестями и славою, совершенно несправедливо клеймилъ тѣхъ, которые имѣли несчастіе затронуть его самолюбіе. Та́къ поступилъ онъ, напримѣръ, съ Васильевымъ, которому долженъ былъ уступить мѣсто государственнаго казначея и который до сихъ поръ живетъ, во всѣхъ преданіяхъ, одною

изъ самыхъ почтенныхъ и чистыхъ личностей той эпохи; та́къ поступилъ онъ, далѣе, и съ первыми наперсниками Александра, хотя никто не можетъ оспаривать въ нихъ по крайней мѣрѣ самыхъ лучшихъ намѣреній; та́къ, наконецъ, и съ Сперанскимъ, который, естественно, и по тогдашнему общественному своему положенію и по личнымъ стремленіямъ, держался противной Державину партіи. Въ виду такихъ рѣзкихъ, далеко не всегда безпристрастныхъ приговоровъ нашего поэта надъ другими людьми той эпохи, отзывы его о Сперанскомъ, кажется, не могутъ имѣть серьознаго значенія передъ судомъ исторіи. Молодой семинаристъ, обязанный всѣмъ самому себѣ, перечившій, если не прямо, то посредствомъ своихъ связей, старому вельможѣ, долженъ былъ навлечь на себя всю его ненависть, и потому не удивительно, что въ запискахъ, между другими упреками, нашли мѣсто и наговоры о корыстолюбіи, въ которомъ, при обстановкѣ прежней жизни Сперанскаго, такъ легко было его заподозрить. Повторяемъ, состояніе, открывшееся послѣ его смерти, торжественно сняло съ его памяти эту клевету; но для такого же, можетъ быть еще полнѣйшаго, оправданія достаточно и той искренней переписки Сперанскаго съ его домашнимъ повѣреннымъ Масальскимъ, къ которой мы придемъ въ одной изъ слѣдующихъ частей нашего труда.

V.

Въ 1808 году Сперанскій, уже неразлучный съ Государемъ, находился въ его свитѣ и во время знаменитаго Эрфуртскаго свиданія съ Наполеономъ, столько разъ описаннаго историками и воспѣтаго поэтами. Къ сожалѣнію, касательно собственно Сперанскаго не сохранилось объ этой поѣздкѣ никакихъ подробностей. При посмертномъ разборѣ его бумагъ нашлась обертка съ многообѣщавшею надписью:

«Эрфуртъ»; но въ ней были—одни оглавленія нѣкоторыхъ текущихъ дѣлъ, присылавшихся Александру изъ Россіи и доложенныхъ ему въ Эрфуртѣ. Изъ другихъ источниковъ знаемъ только, что Наполеонъ между лицами, составлявшими свиту Русскаго Императора, обратилъ особенное вниманіе на Сперанскаго (*) и что нашъ статсъ-секретарь неодно-

(*) Булгаринъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (ч. V, стр. 128) разсказываетъ, будто бы однажды въ Эрфуртѣ, послѣ разговора съ Сперанскимъ, Наполеонъ, подведя его къ Императору Александру, сказалъ, въ шутку: «не угодно ли вамъ, Государь, промѣнять мнѣ этого человѣка на какое нибудь королевство». Хотя авторъ и увѣряетъ, что слышалъ этотъ анекдотъ отъ самого Сперанскаго, но вотъ что отвѣчала г-жа Багрѣева на нашъ вопросъ сй о томъ: «Разсказъ Булгарина я рѣшительно считаю его выдумкою, ибо въ частыхъ разговорахъ моихъ съ батюшкою объ Эрфуртѣ невозможно было бы ему не упомянуть объ этомъ. Напротивъ, онъ расказывалъ, какъ странность, что Наполеонъ ни съ кѣмъ изъ окружавшихъ Александра Павловича въ Эрфуртѣ не сближался, тщательно избѣгая, между прочимъ, и его (т. е. Сперанскаго). Батюшка приписывалъ это знанію характера нашего Государя, нѣсколько недовѣрчиваго, и желанію Наполеона убѣдить Александра Павловича, что всю свою дружбу и довѣренность онъ относитъ единственно къ его лицу, отстраняя всякихъ посредниковъ». Кстати здѣсь замѣтить, что дальнѣйшіе разсказы Булгарина, въ тѣхъ же «Воспоминаніяхъ», о довѣріи и уваженіи къ нему Сперанскаго, о вниманіи, которымъ послѣдній удостоивалъ его, о частыхъ ихъ откровенныхъ разговорахъ, особенно при прогулкахъ, и пр., также опровергаются свидѣтельствомъ и г-жи Багрѣевой и К. Г. Рѣпинскаго, на котораго онъ тутъ ссылается. «Не могу достаточно—писала намъ г-жа Багрѣева еще въ 1848 году—натвердить всѣмъ друзьямъ и недругамъ, что батюшка никакихъ сношеній не имѣлъ съ Булгаринымъ, считалъ его пустымъ и даже опаснымъ человѣкомъ, видѣлся съ нимъ какъ можно рѣже, не представлялъ его мнѣ, т. е. не считалъ достойнымъ быть принятымъ въ нашемъ кругу, и тяжело вздыхалъ о преслѣдованіи себя на прогулкахъ, гдѣ Булгаринъ иногда его поджидалъ, чтобы входить въ длинные и, по словамъ батюшки, *немилосердые* разговоры и разсужденія. Къ счастію, прибавлялъ батюшка, онъ, какъ и многіе, больше любитъ говорить нежели слушать». Г. Рѣпинскій, который, какъ мы ниже узнаемъ, не только неотлучно находился при Сперанскомъ многіе годы, но и очень долго жилъ у него въ домѣ, говоритъ, что видѣлъ тутъ Булгарина всего только три

кратно бесѣдовалъ съ Талейраномъ касательно кодификаціи Русскихъ законовъ, о чемъ имѣлъ съ нимъ, впослѣдствіи, и письменныя сношенія (*).

Съ Эрфуртскаго конгресса начинается для Сперанскаго время высшаго значенія и величія, то́, что мы назвали его лѣтомъ. Кочубей, по оставленіи министерскаго портфеля, уѣхалъ въ отпускъ. «*Тріумвиратъ*» еще прежде того распался. Чарторижскій, смѣненный барономъ Будбергомъ, сохранилъ только званіе попечителя Виленскаго учебнаго округа, хотя и продолжалъ жить въ Петербургѣ; Строгановъ еще при началѣ кампаніи 1807-го года перемѣнилъ перо на мечъ; наконецъ Новосильцовъ, пожалованный въ сенаторы, но устраненный отъ всѣхъ личныхъ докладовъ, отправился за границу. Сперанскій, къ которому перешли всѣ обязанности послѣдняго, остался при Государѣ одинъ, безъ соперниковъ, потому что вліяніе графа Аракчеева, хотя онъ уже и въ то время чрезвычайно много значилъ, ограничивалось, пока, болѣе только на дѣла ввѣренныхъ ему частей, сначала въ званіи инспектора всей артиллеріи, а съ 1808-го года въ должности военнаго министра. Пора пристрастія ко всему Англійскому, господствовавшаго при прежнихъ любимцахъ, окончательно миновала. Если уже Тильзитскій миръ произвелъ совершенную перемѣну и въ политикѣ нашего кабинета, и въ личныхъ чувствахъ Русскаго Государя къ императору

раза, просителемъ по какому-то тяжебному дѣлу, и болѣе никогда не встрѣчалъ его ни въ домѣ, ни на прогулкахъ Сперанскаго.

(*) Въ 1830 году, возвращаясь изъ заграничнаго путешествія по тракту отъ Берлина на Кенигсбергъ, Сперанскій отмѣтилъ въ своемъ путевомъ журналѣ: «въ 1808 году сею самою дорогою слѣдовали мы въ Эрфуртъ. Съ Ландсберга, чтобъ не быть въ Берлинѣ, поворотили на Франкфуртъ и оттуда прямо въ Лейпцигъ. Въ Диршау, на переправѣ чрезъ Вислу, встрѣтили насъ Французскіе отряды: ибо войска ихъ занимали все по Вислѣ, и въ томъ числѣ Данцигъ.»

Французовъ, то Эрфуртъ довершилъ ее окончательно. Александръ воротился въ Петербургъ, очарованный Наполеономъ, а его статсъ-секретарь—и Наполеономъ и всѣмъ Французскимъ. Послѣ видѣннаго и слышаннаго при блестящемъ Французскомъ дворѣ, Сперанскому еще болѣе прежняго показалось, что все у насъ дурно, что все надобно передѣлать, что—по любимымъ тогдашнимъ его выраженіямъ—il faut trancher dans le vif, tailler en plein drap. Данное ему новое, самостоятельное, положеніе освобождало его отъ постороннихъ стѣснительныхъ вліяній, а милость Государя вдохнула въ него полную отвагу. Наполеонъ и политическая система Франціи совершенно поработили воображеніе и всѣ помыслы молодаго преобразователя; онъ снова находился какъ бы въ чаду, но уже съ тою разницею, что, найдя себѣ готовый образецъ для подражанія, совсѣмъ откинулъ прежнюю робость малоопытности. Вмѣсто осмотрительныхъ попытокъ и нѣкоторой сдержанности, наступила эпоха самоувѣренности и смѣлой ломки всего существовавшаго. Еще въ «Правилахъ высшаго краснорѣчія,» написанныхъ Сперанскимъ въ скромномъ званіи семинарскаго учителя, мы читаемъ слѣдующее, какъ бы пророческое мѣсто: «Когда великая ось правленія обращается въ нашихъ очахъ; когда нѣтъ въ обществѣ ничего столь великаго, что́ бы отъ насъ было скрыто: на какую высоту не восходятъ тогда наши понятія, чего не объемлетъ наше воображеніе! Какое рвеніе, какая ревность не воодушевятъ тогда оратора, и какъ можно не быть Демосѳеномъ, говоря противъ Филиппа и защищая дѣло цѣлой Греціи.»—То̀, что нѣкогда рисовала ему молодая фантазія, теперь обратилось для него въ дѣйствительность: готовый видѣть въ каждомъ, кто отваживался сопротивляться его нововведеніямъ, своего Филиппа, онъ въ самомъ себѣ почувствовалъ всѣ силы Демосѳена. «Il y a un principe dans l'homme qui le pousse à courir les chances», писалъ

онъ, около этого времени, одному изъ своихъ друзей. Позже, онъ говаривалъ, что великіе люди разнятся отъ прочихъ тѣмъ только, что вышли изъ береговъ и помѣшались на одной постоянной, хотя и не темной мысли, изъ береговъ же выходятъ движеніемъ всякаго сильнаго восторга, и тогда все въ человѣкѣ покоряется этой мысли. Если вникнуть въ эти слова, произносившіяся спокойнымъ, разговорнымъ тономъ, то становится ясно, что Сперанскій уже и безъ восторга парилъ душею въ безбрежномъ пространствѣ.

Дѣятельность Сперанскаго въ періодъ времени съ 1808-го до 1812-го года,—періодъ, столь замѣчательный не только для него лично, но, *черезъ него*, и для цѣлой Россіи,—была до того разносторонней и всеобъемлющею, что необходимо требуетъ особаго, подробнаго разсмотрѣнія. По этому мы сперва прослѣдимъ *организаціонныя* работы Сперанскаго, потомъ *законодательныя*, за ними *финансовыя*, и наконецъ еще разныя его *особыя занятія*. Мѣстами, намъ должно будетъ то возвращаться нѣсколько назадъ, потому что часть этихъ работъ началась еще до Эрфурта, то заглядывать отчасти впередъ, по неразрывной связи послѣдующаго съ предшедшимъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Организаціонныя работы.

I.

Разсказываютъ, будто въ Эрфуртѣ, на вопросъ Императора Александра его статсъ-секретарю: «какъ нравится тебѣ за границею?» онъ отвѣчалъ: «у насъ люди лучше, но здѣсь лучше установленія», и будто бы Государь сказалъ: «это и моя мысль; мы еще поговоримъ о томъ, когда воротимся».

Былъ ли въ самомъ дѣлѣ такой разговоръ, или нѣтъ, и въ особенности могъ ли человѣкъ, очень мало цѣнившій людей, которые въ то время окружали Русскаго Монарха, произнести такую безусловную похвалу, обнимавшую и ихъ, рѣшить теперь трудно; но достовѣрно одно: вслѣдъ за возвращеніемъ въ Петербургъ, Государь, постоянно занятый, съ начала своего царствованія, идеею преобразовать устройство своей державы, вручилъ Сперанскому разные прежніе проекты по этой части и не рѣдко проводилъ съ нимъ цѣлые вечера въ чтеніи печатныхъ сочиненій, относившихся къ тому же предмету.

Сперанскій, съ своимъ организующимъ и быстрымъ умомъ, умѣвшимъ представлять всѣ трудности легкими и всѣ препятствія одолимыми; съ многостороннимъ знаніемъ; съ обаятельнымъ краснорѣчіемъ; съ дѣятельностію, въ которой никто еще не превзошелъ его; Сперанскій, полный воображенія, страсти создавать, и честолюбиваго стремленія къ славѣ, былъ именно такимъ человѣкомъ, какого желалъ Александръ и какой нуженъ былъ ему при тогдашнемъ настроеніи его мыслей.

«Изъ всѣхъ сихъ упражненій — писалъ Сперанскій впослѣдствіи, уже подвергнутый опалѣ и заточенію (*)— изъ стократныхъ, можетъ быть, разговоровъ и разсужденій Вашего Величества, надлежало наконецъ составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго образованія. Въ существѣ своемъ онъ не содержалъ ничего новаго, но идеямъ, съ 1801-го года занимавшимъ Ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе. Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе достоинства и истинной силы».

Вотъ, слѣдственно, въ чемъ заключалась задача. Въ видѣ вступленія къ ея разрѣшенію, Сперанскій представилъ обширную записку, почти цѣлую книгу, о свойствѣ и предметахъ законовъ государственныхъ вообще, о раздѣленіи ихъ на преходящіе и коренные, или неподвижные, и о примѣненіи тѣхъ и другихъ къ разнымъ степенямъ власти. Потомъ онъ принялся, съ свойственнымъ ему жаромъ, за составленіе полнаго плана новаго образованія государственнаго управленія во всѣхъ его частяхъ, отъ кабинета Государева до волостнаго правленія.

Колоссаленъ былъ этотъ планъ, исполненъ смѣлости какъ по основной своей идеѣ, такъ и въ подробностяхъ развитія. Все еще живя жизнію болѣе мыслительною, кабинетною, нежели практическою, Сперанскій не чувствовалъ, или скрывалъ отъ себя, что онъ, по крайней мѣрѣ частію своихъ замысловъ, опережаетъ и возрастъ своего народа, и степень его образованности и самодѣятельности; не чувствовалъ, что строитъ безъ фундамента, т. е.

(*) Письмо, изъ котораго это выписано и на которое намъ придется еще часто ссылаться, было отправлено къ Александру изъ Перми, въ январѣ 1813 года. Для краткости, мы впредь будемъ называть его *Пермскимъ*.

безъ достаточной подготовки умовъ въ отношеніяхъ нравственномъ, юридическомъ и политическомъ; наконецъ, что, увлекаясь живымъ стремленіемъ къ добру, къ правдѣ, къ возвышенному, онъ, какъ сказалъ когда-то Нѣмецкій писатель Гейне, хочетъ *ввести будущее въ настоящее*, или, какъ говорилъ Фридрихъ Великій про Іосифа II-го, дѣлаетъ второй шагъ, не сдѣлавъ перваго. Ниже мы опять къ этому возвратимся.

Какъ бы то ни было, но работа создавалась, подъ перомъ смѣлаго редактора, съ изумительною быстротою. Не далѣе октября 1809-го года весь планъ уже лежалъ на столѣ Александра. Октябрь и ноябрь прошли въ ежедневномъ почти разсмотрѣніи разныхъ его частей, въ которыхъ Государь дѣлалъ свои поправки и дополненія. Наконецъ положено было приступить къ приведенію плана въ дѣйствіе. Тутъ начались колебанія. Свѣтлый умъ Александра постигъ, что неизмѣримо легче было написать, чѣмъ осуществить написанное, и что, во всякомъ случаѣ, необходимы сперва разныя переходныя мѣры. Разсуждая о нихъ и соображаясь съ измѣнившимися мыслями Государя, Сперанскій писалъ ему: «Существенныя правила вводнаго порядка должны состоять въ томъ, чтобъ не терять времени, но избѣгать всякой торопливости; каждое установленіе открывать не прежде, какъ все образованіе его будетъ изготовлено, и, наконецъ, переходъ отъ настоящихъ установленій къ новымъ та́къ учредить, чтобъ онъ казался самымъ простымъ и естественнымъ, чтобъ новыя установленія казались возникающими изъ прежнихъ, чтобъ ничего не отваживать и имѣть всегда способы остановиться и удержать прежній порядокъ во всей его силѣ, ежели бы, паче чаянія, встрѣтились къ новому какія либо непреоборимыя препятствія». Вслѣдствіе того Сперанскій предложилъ назначить для предположенныхъ преобразованій

извѣстную постепенность (*) и срокомъ окончательнаго совершенія опредѣлить 1-е сентября 1811-го года, т. е. новый годъ по старому Русскому лѣтосчисленію. «Если Богъ благословитъ всѣ сіи начинанія—заключалъ онъ свою докладную записку—то къ 1811-му году, къ концу десятилѣтія настоящаго царствованія, Россія воспріиметъ *новое бытіе* и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится.»

Но въ книгѣ судебъ было написано другое....... Сперанскому все казалось уже совершенымъ, поконченнымъ, и исполненіе своего плана онъ раздѣлялъ на сроки единственно съ тѣмъ, чтобы еще болѣе обезпечить его успѣхъ. Вмѣсто того, важнѣйшія части этого плана никогда не осуществились. Приведено было въ дѣйствіе лишь то̀, что самъ онъ считалъ болѣе или менѣе независимымъ отъ общаго круга задуманныхъ преобразованій; все прочее осталось только на бумагѣ и даже изчезло изъ памяти людей, какъ стертый временемъ очеркъ смѣлаго карандаша.......

Если нѣтъ сомнѣнія, что подробности тогдашнихъ предположеній займутъ нѣкогда важную страницу въ исто-

---

(*) Впослѣдствіи, въ Пермскомъ письмѣ, Сперанскій такую постепенность отнесъ уже, въ видѣ нѣкотораго упрека, къ собственной волѣ Александра, и на этомъ мы и основали наше предположеніе, что онъ, въ настоящемъ случаѣ, соображался съ измѣнившимися мыслями Государя. «Полезнѣе, можетъ быть, было бы—писалъ онъ—всѣ установленія плана пріуготовивъ вдругъ, открыть единовременно: тогда они явились бы всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности и не произвели бы никакого въ дѣлахъ смѣшенія. Но Ваше Величество признали лучшимъ терпѣть, на время, укоризну нѣкотораго смѣшенія, нежели все вдругъ перемѣнить, основавшись на одной теоріи. Сколько предусмотрѣніе сіе ни было основательно, но впослѣдствіи оно сдѣлалось источникомъ ложныхъ страховъ и неправильныхъ понятій. Не зная плана правительства, судили намѣреніе его по отрывкамъ, порицали то̀, чего еще не знали, и, не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, страшились вредныхъ уновленій».

ріи Россіи и въ біографіи Императора Александра I, то не здѣсь мѣсто разбирать начинанія, недостигшія полной зрѣлости и самимъ имъ впослѣдствіи покинутыя. По этому мы ограничимся обозрѣніемъ только тѣхъ частей проекта, которыя получили дѣйствительное исполненіе, но, получивъ его порознь, разновременно, во многомъ даже на другихъ основаніяхъ, далеко отошли отъ первоначальнаго общаго плана и почти потеряли всякую съ нимъ связь.

Началось съ преобразованія, или, точнѣе сказать, съ совершенно новаго образованія государственнаго совѣта, который, при устройствѣ, данномъ ему въ первые дни царствованія Императора Александра, не имѣлъ ни точно опредѣленнаго круга дѣйствія, ни большаго вліянія на дѣла государственныя, и вообще составлялъ родъ учрежденія домашняго, безгласнаго, затемненнаго притомъ, какъ мы уже говорили, несогласненнымъ съ нимъ учрежденіемъ министерствъ. Причинами необходимости «расширить совѣтъ и дать ему публичныя формы», Сперанскій, въ одной изъ докладныхъ своихъ записокъ, представлялъ два обстоятельства, не терпѣвшія, по его мнѣнію, отлагательства: «а) Положеніе нашихъ финансовъ—писалъ онъ—требуетъ непремѣнно новыхъ и весьма нарочитыхъ налоговъ, безъ чего никакъ и ни къ чему приступить невозможно. Налоги тягостны бываютъ особенно потому, что кажутся произвольными. Нельзя каждому съ очевидностію и подробностію доказать ихъ необходимость. Слѣдовательно очевидность сію должно замѣнить убѣжденіемъ въ томъ, что не дѣйствіемъ произвола, но точно необходимостію, признанною и представленною отъ совѣта, налагаются налоги. Такимъ образомъ власть державная сохранитъ къ себѣ всю цѣлость народной любви, нужной ей для счастія самаго народа; она охранитъ себя отъ всѣхъ неправыхъ нареканій, заградитъ уста злонамѣренности и

злословію и самые налоги не будутъ казаться столь тягостными съ той минуты, какъ признаны будутъ необходимыми; б) смѣшеніе въ сенатѣ дѣлъ суда и управленія дошло уже до такого безпорядка, что, независимо отъ общаго преобразованія, нельзя болѣе отлагать нужныя мѣры исправленія, а мѣры сіи во всѣхъ предположеніяхъ не могутъ быть иначе приняты, какъ отдѣленіемъ части управленія и назначеніемъ ей особеннаго порядка». «Предлогами къ преобразованію совѣта—продолжалъ Сперанскій—весьма естественно могутъ быть приняты: 1) разсмотрѣніе гражданскаго уложенія, къ совершенію коего, послѣ тщетныхъ во всѣ царствованія, начиная съ Петра Великаго, попытокъ, теперь настало время; 2) финансы, скрывать затрудненіе коихъ есть вѣрный способъ умножить запутанность и питать безпокойство».

Въ послѣднихъ числахъ ноября 1809-го года Государь уѣхалъ на нѣсколько дней въ Тверь, для свиданія съ великою княгинею Екатериною Павловною, а къ 6-му декабря прибылъ въ Москву, гдѣ провелъ недѣлю. Въ это время Сперанскій, остававшійся въ Петербургѣ, высылалъ къ нему проектъ новаго учрежденія государственнаго совѣта, по частямъ; но, чтобы сохранить дѣло въ той глубокой тайнѣ, въ которой условлено было содержать его отъ всѣхъ, онъ передавалъ тетради, въ конвертахъ безъ адреса и не за своею обыкновенною, а за какою-то вымышленною печатью, камердинеру Мельникову, надписывавшему ихъ къ Государю въ Москву. «Мельниковъ важный человѣкъ», съ усмѣшкою говорилъ своимъ приближеннымъ сопутствовавшій Государю графъ Аракчеевъ, крайне негодуя на то, что не знаетъ содержанія таинственныхъ конвертовъ. Въ публикѣ уже носились, однако, слухи, что въ Москвѣ готовятся важныя новости. Нѣсколько позже начали говорить, что послѣдуетъ что-то съ совѣтомъ, но болѣе

этого ничего не знали. На обсужденіе проектъ былъ сообщенъ, частнымъ образомъ, только графу Салтыкову, князю Лопухину и графу Кочубею, которые одобрили его, и словесно и письменно (*). Потомъ дали еще взглянуть на него государственному канцлеру графу Румянцеву, долженствовавшему предсѣдательствовать въ новомъ совѣтѣ въ случаѣ отсутствія Императора. Наконецъ, по возвращеніи въ Петербургъ, Государь прочелъ проектъ и Аракчееву, но уже почти наканунѣ обнародованія, изъ одной предупредительности и чтобъ изгладить неудовольствіе, обнаруженное военнымъ министромъ за скрытность, съ которою вели отъ него это дѣло (**).

Къ послѣднему дню 1809-го года все было готово.

Новое образованіе основывалось на трехъ главныхъ на-

(*) Кочубей писалъ, при этомъ, Сперанскому: «Я не могу видѣть не только никакого неудобства къ образованію совѣта, но ласкаюсь внутренно, что оно произвести можетъ существенную пользу. Время, конечно, было обратить вниманіе на все неустройство сего учрежденія. Принимая даже вещи въ самой строгой *сцептикѣ*, можно, думаю, смѣло согласиться, что не можетъ уже ничего быть хуже того, что̀ есть».

(**) Объ этомъ неудовольствіи есть занимательный разсказъ въ запискахъ (рукописныхъ) находившагося тогда при Аракчеевѣ статсъ-секретаря Марченко. Вотъ онъ отъ слова до слова: «Графу крайне досадно было, что новости сіи скрыты отъ него. Онъ готовился ѣхать въ Грузино, но Государь задержалъ, обѣщая прочесть съ нимъ образованіе совѣта. Хотя, по словамъ графа, онъ отзывался, что трудъ будетъ напрасенъ, ибо онъ гражданской части не знаетъ; но примѣтно было желаніе узнать то̀, что всѣхъ занимало. Одинъ вечеръ хотѣлъ Государь прислать за нимъ послѣ бани; онъ и дожидался, но вдругъ докладываютъ, что присланъ отъ Государя Сперанскій. Не прошло десяти минутъ, какъ графъ, отпустивъ Сперанскаго, спросилъ меня съ дѣлами. Я и не видывалъ еще его въ подобномъ бѣшенствѣ. Не ставъ слушать бумагъ, приказалъ прислать ихъ въ Грузино, куда сейчасъ онъ отъѣзжаетъ. Послѣ разсказывалъ, что Михаилъ Михайловичъ привезъ ему одно оглавленіе, дабы на словахъ разсказать существо новой организаціи, но онъ не сталъ ничего слушать, отпустилъ его съ грубостію и послалъ письмо къ Государю объ отставкѣ. Тутъ припомнилъ онъ мнѣ безъименные конверты, въ Москву прислан-

чалахъ, обозначавшихъ собою характеръ этого установленія: 1) «въ порядкѣ государственныхъ установленій совѣтъ составляетъ сословіе, въ коемъ всѣ части управленія въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству соображаются и чрезъ него восходятъ къ верховной Императорской власти»; 2) «посему всѣ законы, уставы и учрежденія въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ и потомъ дѣйствіемъ державной власти поступаютъ къ предназначенному ихъ совершенію»; 3) «никакой законъ, уставъ и учрежденіе не исходитъ изъ совѣта и не можетъ имѣть совершенія безъ утвержденія верховной власти». Къ этимъ предметамъ совѣта, обнимавшимъ собственно законодательную часть, еще были присоединены и нѣкоторые другіе, какъ то: 1) общія внутреннія мѣры въ чрезвычайныхъ случаяхъ; 2) объявленіе войны, заключеніе мира и другія важныя внѣшнія мѣры, «когда, по усмотрѣнію обстоятельствъ, могутъ онѣ подлежать предварительному общему соображенію»; 3) ежегодныя смѣты общихъ государственныхъ приходовъ и расходовъ, способы ихъ уравненія, назначеніе новыхъ издержекъ въ теченіе года и чрезвычайныя финансовыя мѣры; 4) отчеты всѣхъ министерствъ въ управленіи ввѣренными имъ частями.

ные. Три дня проведено въ безпрестанной пересылкѣ фельдъегерей въ Грузино; но 30-го декабря (1809) графъ пріѣхалъ въ столицу. Сей и послѣдующій дни прошли въ объясненіяхъ, прочитано образованіе совѣта и, по словамъ графа, на вопросъ Государя: чѣмъ хочетъ быть графъ, министромъ (т. е. оставаться военнымъ министромъ), или предсѣдателемъ департамента (въ государственномъ совѣтѣ), онъ отвѣчалъ, что *лучше самъ будетъ дядькою, нежели надъ собою имѣть дядьку.* Вечеромъ послѣ сего, 31-го декабря, Государь прислалъ въ подарокъ графу пару лошадей съ санями, что крайне его порадовало, ибо едва ли не первый это былъ случай въ столицѣ. 1 января 1810, возвратясь изъ дворца, онъ объявилъ, что сдѣланъ предсѣдателемъ военнаго департамента и что министръ будетъ другой (Барклай-де-Толли)».

За тѣмъ слѣдовали, въ новомъ образованіи, подробности, касавшіяся состава совѣта, порядка производства въ немъ дѣлъ, степени его власти и пр. Вмѣсто одного нераздѣльнаго присутствія, положеннаго по указу 1801-го года, совѣтъ былъ раздѣленъ на четыре департамента: законовъ, дѣлъ военныхъ, дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ, и государственной экономіи, изъ которыхъ въ каждомъ назначено быть особому предсѣдателю. Въ общемъ собраніи предсѣдательствовать Императоръ предоставлялъ себѣ; въ отсутствіе же его мѣсто предсѣдателя долженъ былъ занимать одинъ изъ членовъ, по высочайшему назначенію. Это назначеніе полагалось возобновлять ежегодно, а распредѣленіе членовъ по департаментамъ—каждые полгода. Для производства дѣлъ совѣта была учреждена государственная канцелярія, изъ статсъ-секретарей, докладывающихъ въ департаментахъ, ихъ помощниковъ и пр., подъ главнымъ управленіемъ государственнаго секретаря, докладывающаго въ общемъ собраніи, представляющаго журналы совѣта на высочайшее усмотрѣніе и завѣдывающаго всею исполнительною частію.

Предсѣдательствующимъ на первый годъ былъ назначенъ, какъ мы сказали, графъ Румянцевъ, государственнымъ секретаремъ—Сперанскій; членовъ, вмѣстѣ съ предсѣдателями и съ министрами (о послѣднихъ учрежденіе говорило что они «суть члены совѣта по ихъ званіямъ»), было тридцать пять (*).

(*) Вотъ фамиліи этихъ первыхъ членовъ совѣта: графъ Н. И. Салтыковъ, графъ И. В. Гудовичъ, графъ Н. П. Румянцевъ, князь А. Б. Куракинъ, графъ А. С. Строгановъ, графъ П. В. Завадовскій, М. М. Философовъ, князь А. Б. Куракинъ, князь С. Ѳ. Голицынъ, В. П. фанъ-Дезинъ, Н. С. Мордвиновъ, князь П. В. Лопухинъ, графъ С. П. Румянцевъ, графъ В. П. Кочубей, А. А. Саблуковъ, маркизъ И. И. де-Траверсе, М. К. Макаровъ, графъ Д. А. Гурьевъ, графъ А. А. Аракчеевъ, В. С. Поповъ, графъ А. К. Разумовскій, Р. А. Кошелевъ, П. А. Алексѣевъ,

31-го декабря 1809 года, вечеромъ, они получили повѣстки собраться, на другой день утромъ въ половинѣ девятаго, въ одну изъ залъ Шепелевскаго дворца. Сперанскій, вмѣстѣ съ днемъ своего рожденія, праздновалъ и рожденіе своего созданія—перваго звена въ цѣпи предпринимавшихся преобразованій. Къ 9-ти часамъ прибылъ въ совѣтъ Государь. Собраніе это было необыкновенно торжественно, и никогда еще никакое учрежденіе не открывалось такъ въ Россіи. Александръ, съ предсѣдательскихъ креселъ, произнесъ рѣчь, исполненную чувства, достоинства и такихъ идей, которыя также никогда еще Россія не слышала съ престола. Эта рѣчь была сочинена Сперанскимъ, но собственноручно исправлена Государемъ. Потомъ новый государственный секретарь прочиталъ манифестъ о образованіи совѣта, самое положеніе о немъ, списокъ предсѣдателей департаментовъ (*), членовъ и чиновъ канцеляріи и росписаніе дней засѣданій. Для большей части присутствовавшихъ тутъ, все это было совершенно ново по содержанію, еще болѣе ново по духу. Наконецъ Государь вручилъ предсѣдателю проектъ гражданскаго уложенія и планъ финансовъ, для внесенія въ департаменты совѣта по принадлежности. Въ заключеніе члены подписали присягу, для

М.Б. Барклай-де-Толли, И.И. Неплюевъ, И.В. Тутолминъ, графъ А.Н. Салтыковъ, князь А. А. Чарторижскій, И. И. Дмитріевъ, О. П. Козодавлевъ, И. А. Вейдемейеръ, З. Я. Карнѣевъ, князь А. Н. Голицынъ, графъ С. О. Потоцкій, А. Д. Балашовъ. Изъ этихъ членовъ графъ И. В. Гудовичъ и князь С. Ө. Голицынъ были въ отлучкѣ и потому въ совѣтѣ не присутствовали.

(*) Первыми предсѣдателями департаментовъ были: графъ Завадовскій, Мордвиновъ, князь Лопухинъ и графъ Аракчеевъ. Извѣстно, что продолжительнымъ преніямъ о томъ, какъ ихъ разсадить, и даже нѣсколькимъ послѣдовавшимъ пересадкамъ, мы обязаны остроумною баснью Крылова «Квартетъ».

которой дана была особая, совершенно отличная отъ обыкновенной, форма.

Манифеста о образованіи совѣта, въ свое время напечатаннаго, а потомъ вошедшаго въ Полное Собраніе Законовъ (№ 24.064), мы здѣсь не выписываемъ. По отсутствію простоты и по нѣкоторой напыщенности въ языкѣ, его нельзя причислить къ лучшимъ произведеніямъ автора. Но въ этомъ актѣ *сущность* была гораздо важнѣе *редакціи*. Александръ провозглашалъ передъ лицомъ Россіи, что «законы гражданскіе, сколь бы они ни были совершенны, *безъ государственныхъ установленій не могутъ быть тверды;*» совѣтъ и сенатъ прямо названы были *сословіями;* впервые всенародно выражено сознаніе, что *положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ требуетъ неукоснительнаго разсмотрѣнія и опредѣленія*; впервые возвѣщено, что разумъ всѣхъ усовершеній государственныхъ долженъ состоять въ *учрежденіи образа управленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ* закона; наконецъ, все образованіе совѣта, въ которомъ была особая глава подъ названіемъ *коренныхъ его законовъ*, носило на себѣ явный отпечатокъ понятій и формъ, совершенно новыхъ въ нашемъ общественномъ устройствѣ.

Начиная съ этого дня, Государь присутствовалъ еженедѣльно разъ въ общихъ собраніяхъ совѣта (*). Рано утромъ, передъ каждымъ засѣданіемъ, государственный секретарь являлся къ нему съ дѣлами и журналами. Такъ продолжалось въ теченіе 1810-го и 1811-го годовъ. Результаты дѣятельности совѣта за это время, на сколько она связывалась съ личною дѣятельностію Сперанскаго, будутъ показаны

(*) Понедѣльникъ былъ назначенъ для гражданскаго уложенія, четвергъ—для дѣлъ финансовыхъ и текущихъ. Въ прежнемъ совѣтѣ, Императоръ Александръ присутствовалъ всего только *однажды*, именно 16 мая 1801 года, при сужденіяхъ о непродажѣ крѣпостныхъ людей безъ земли.

ниже, по роду предметовъ. Въ общемъ отчетѣ своемъ Государю за 1810 годъ, государственный секретарь писалъ: «Излишне бы было изображать здѣсь пользу сего установленія. Приводя его въ движеніе и поддерживая личнымъ Вашимъ дѣйствіемъ, Ваше Величество лучше другихъ можете объять все его вліяніе на общее благоустройство. Совѣтъ учрежденъ, чтобы власти законодательной, дотолѣ разсѣянной и разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и единообразія. Въ семъ отношеніи онъ исполнилъ свое предназначеніе. Никогда въ Россіи законы не были разсматриваемы съ бо́льшею зрѣлостію какъ нынѣ; никогда Государю самодержавному не представляли истины съ бо́льшею свободою, такъ какъ и никогда, должно правду сказать, самодержецъ не внималъ ей съ бо́льшимъ терпѣніемъ. Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластія къ истиннымъ формамъ монархическимъ. Два года тому назадъ умы самые смѣлые едва представляли возможнымъ, чтобы Россійскій Императоръ могъ съ приличіемъ сказать въ своемъ указѣ: «внявъ мнѣнію совѣта»; два года тому назадъ сіе показалось бы оскорбленіемъ Величества. Слѣдовательно пользу сего учрежденія должно измѣрять не столько по настоящему, сколько по будущему его дѣйствію. Тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ Вашихъ, не могутъ чувствовать его важности. Они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается еще только начало; они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краеугольному камню.»

Сохраняя такимъ образомъ убѣжденіе въ пользѣ своего творенія при связи съ прочими его идеями, Сперанскій не могъ, однако, не сознавать недостатковъ, происходившихъ отъ *личнаго* состава совѣта. «Но сколь далеко еще отстоитъ установленіе сіе отъ совершенства!»—продолжалъ онъ въ томъ же отчетѣ. «Время, съ коего начали у насъ

заниматься публичными дѣлами, весьма еще непродолжительно; количество людей, кои въ предметахъ сихъ упражняются, вообще ограничено, и въ семъ ограниченномъ числѣ надлежало еще, по необходимости, избирать только тѣхъ, кои, по чинамъ ихъ и званіямъ, могли быть помѣщены съ приличіемъ. При семъ составѣ совѣта нельзя, конечно, и требовать, чтобъ съ перваго шага поравнялся онъ, въ правильности разсужденій и въ пространствѣ его свѣдѣній, съ тѣми установленіями, кои въ семъ родѣ въ другихъ государствахъ существуютъ. Недостатокъ сей не можетъ, однако же, быть предметомъ важныхъ заботъ. По мѣрѣ успѣха въ прочихъ политическихъ установленіяхъ, и сіе учрежденіе само собою исправится и усовершится. Нужно только вести его единообразно и неослабно».

Но «*прочія* политическія установленія,» на которыя указываетъ здѣсь Сперанскій и которыя входили въ начерченный имъ общій планъ, не были приведены въ дѣйствіе. Оттого и государственный совѣтъ не могъ принять полной жизни въ томъ объемѣ и духѣ, какіе ему предназначались.

Послѣ преобразованія совѣта Сперанскій перешелъ къ преобразованію министерствъ.

По манифесту 8 сентября 1802-го года управленіе государственныхъ дѣлъ было раздѣлено на восемь частей и соотвѣтственно тому учреждено восемь министерствъ: 1) военныхъ сухопутныхъ силъ, 2) морскихъ силъ, 3) иностранныхъ дѣлъ, 4) юстиціи, 5) внутреннихъ дѣлъ, 6) финансовъ, 7) коммерціи, и 8) народнаго просвѣщенія. Но манифестъ 1802-го года состоялъ всего изъ 19-ти статей, и опредѣлялъ, въ однѣхъ лишь общихъ чертахъ, отношенія министерствъ къ верховной власти, къ совѣту, сенату и между собою. Все прочее предоставлялось будущимъ инструкціямъ и дальнѣйшимъ, по опыту, соображеніямъ.

Въ представленной въ 1810-мъ году Государю пространной запискѣ, Сперанскій, сознавая пользу основной мысли учрежденія министерствъ, съ тѣмъ вмѣстѣ доказывалъ важныя несовершенства системы 1802-го года. Они заключались, по его мнѣнію:

1) *Въ недостаткѣ отвѣтственности*, которая—писалъ онъ—«не должна состоять только въ словахъ, но быть вмѣстѣ и существенною» (*);

2) *Въ недостаткѣ точности въ раздѣленіи дѣлъ*, происшедшемъ отъ того, что въ системѣ 1802 года «болѣе былъ уваженъ порядокъ предшествовавшій, нежели естественная связь и отношенія дѣлъ, безъ сомнѣнія потому, что казалось несходственнымъ пуститься съ перваго шага въ большія уповленія и, строя новое зданіе, разрушить все прежнее до основанія». Такимъ образомъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ къ народной промышленности отнесены полиція и часть финансовъ—соль; учреждено особое министерство коммерціи, когда эта часть есть только вѣтвь общей народной промышленности, а таможенные доходы принадлежатъ, наравнѣ со всѣми другими, министерству финансовъ; наконецъ оставлена безъ устройства одна изъ важнѣйшихъ частей—общая полиція.

3) *Въ недостаткѣ учрежденій*. Въ манифестѣ 1802-го года былъ означенъ, кратко, только кругъ дѣйствій министерствъ. Впослѣдствіи изданы штаты и переименованы канцеляріи въ департаменты; на этомъ все и остановилось. «Ни внутри министерствъ, ни въ частяхъ, отъ нихъ зависящихъ, не сдѣлано никакого правильнаго образованія. Отсюда произошло, что дѣла, не бывъ

(*) Записка Сперанскаго такъ обширна, что приведеніе ея вполнѣ вышло бы за предѣлы нашего очерка. Мы извлекаемъ изъ нея только сущность, а гдѣ приводимъ подлинныя слова автора, тамъ означаемъ ихъ вводными знаками.

раздѣлены на свои степени, всѣ по прежнему стекаются въ однѣ руки и естественно производятъ пустое многодѣліе и безпорядокъ. Время главнаго начальника безпрестанно пожирается тѣмъ, что долженъ бы былъ дѣлать одинъ изъ нижнихъ его подчиненныхъ; развлеченное на множество текущихъ дѣлъ вниманіе не можетъ обозрѣть ихъ въ цѣлости и, вмѣсто того, чтобы остановиться на главныхъ и существенныхъ усмотрѣніяхъ, безпрестанно разсѣевается въ мелкомъ надзорѣ исполненія».

Вслѣдствіе того Сперанскій предлагалъ:

1) Опредѣлить положительными и твердыми правилами отвѣтственность министровъ и порядокъ ея.

2) Вѣдомство государственныхъ дѣлъ раздѣлить, впредь, слѣдующимъ образомъ: а) упразднить министерство коммерціи, съ присоединеніемъ его къ министерству финансовъ; б) хотя пути сообщенія и учебная часть должны бы относиться всего приличнѣе къ министерству внутреннихъ дѣлъ; но «какъ въ Россіи все еще надобно заводить и вновь строить», то, оставя департаментъ просвѣщенія въ прежнемъ отдѣльномъ составѣ, учредить такой же и для путей сообщенія (*); в) «какъ въ предметахъ министерства финансовъ есть три главныя раздѣленія: 1) источники доходовъ, ихъ управленіе и распредѣленіе по расходамъ, 2) движеніе входящихъ въ казначейство капиталовъ, ихъ отпускъ и вѣрный счетъ, 3) отчеты въ ихъ употребленіи, и трудно предполагать чтобы, въ пространномъ государствѣ, одинъ министръ могъ управлять всѣми тремя частями, а послѣдняя—отчетъ (контроль) даже по существу своему должна быть отъ него независима»: то, сверхъ министерства финансовъ, учредить, особо, «государственное

(*) «Назначеніе главнаго директора, или министра—прибавлялъ Сперанскій—не дѣлаетъ въ семъ важной разности».

казначейство» и, особо же, «государственный контроль»; г) учредить также вновь особое министерство полиціи, «къ предметамъ котораго должны принадлежать: 1) полиція учредительная, т. е. всѣ учрежденія, коими *предупреждается* нарушеніе безопасности: паспорты, надзоръ зрѣлищъ, публичныхъ собраній и пр., и мѣры, извѣстныя подъ именемъ высшей полиціи, 2) полиція исполнительная, т. е. всѣ мѣры, коими *пресѣкается* нарушеніе безопасности, не отвращенное мѣрами предупредительными: устройство внутренней стражи, разныя учрежденія смирительныя, рабочія и темничныя, ссыльные и пр.».

3) Прежде нежели министры приступятъ къ дополненію и усовершенію ихъ уставовъ, т. е. главныхъ правилъ, на основаніи которыхъ надлежитъ управлять каждою частію, дать министерствамъ внутреннее учрежденіе, или распорядокъ разныхъ ихъ частей и постепенность ихъ управленія, заключающую въ себѣ одинъ изъ важнѣйшихъ способовъ сохранить единство въ обширномъ кругѣ дѣйствія.

«Министерство—такъ заключалъ Сперанскій свою записку—на сихъ основаніяхъ составленное, т. е. окруженное законною отвѣтственностію, соразмѣренное, въ дѣлахъ своихъ, естественной ихъ связи (sic) и снабженное уставами и учрежденіями, будетъ дѣйствовать съ силою и уваженіемъ и станетъ на той высотѣ, которую ему первое его установленіе предназначало, но коей оно не могло достигнуть».

Соотвѣтственно этому еще въ манифестѣ о государственномъ совѣтѣ было заявлено, что «различныя части, министерствамъ ввѣренныя, требуютъ разныхъ дополненій», и что «опытъ доказалъ необходимость довершить ихъ удобнѣйшимъ дѣлъ раздѣленіемъ». «Мы предложимъ совѣту—сказано было въ томъ же манифестѣ—начала окончательнаго ихъ (т. е. министерствъ, устройства и главныя основанія общаго министерскаго наказа, въ коемъ съ точностію

опредѣлятся отношенія министровъ къ другимъ государственнымъ установленіямъ и будутъ означены предѣлы дѣйствія и степень ихъ отвѣтственности».

Приведеніе въ дѣйствіе этихъ важныхъ мѣръ было раздѣлено на двѣ части:

Сперва, манифестомъ 25 іюля 1810 года (№ 24.307), было обнародовано «новое раздѣленіе государственныхъ дѣлъ въ порядкѣ исполнительномъ», съ подробнымъ исчисленіемъ предметовъ каждаго министерства и главнаго управленія. Все это вполнѣ сходствовало съ вышеизложенными предварительными соображеніями Сперанскаго и разнилось отъ нихъ только въ томъ, что къ числу предназначавшихся имъ министерствъ было присоединено, въ такомъ же, какъ и другія, отдѣльномъ составѣ, главное управленіе духовныхъ дѣлъ разныхъ (иновѣрныхъ) исповѣданій.

Потомъ, при манифестѣ 25 іюня 1811 года (№ 24.686), было издано «общее учрежденіе министерствъ», которое, въ двухъ частяхъ, состоявшихъ изъ 401-го параграфа, представляло: 1) образованіе министерствъ, т. е. ихъ управленіе и составъ, порядокъ опредѣленія, увольненія, производства въ чины и наградъ, и порядокъ производства дѣлъ, и 2) общій наказъ министерствамъ, обнимавшій степень и предѣлы власти министровъ, ихъ отношенія къ государственнымъ установленіямъ, ихъ сношенія съ мѣстами и лицами имъ равными, образъ дѣйствія ихъ на подчиненныя имъ управленія, ихъ отвѣтственность и, наконецъ, обязанности, степень и предѣлы власти и отвѣтственность разныхъ чиновъ, принадлежащихъ къ составу министерскихъ канцелярій и департаментовъ (*).

(*) Какъ это учрежденіе, такъ и первоначальный манифестъ 1810-го года, были обращены, въ проектахъ, на предварительное разсмотрѣніе государственнаго совѣта; но въ немъ прошли безъ всякихъ замѣчаній и перемѣнъ.

Такимъ образомъ дано было полное устройство огромному учрежденію, которое становилось въ главу *администраціи*, подобно тому, какъ совѣтъ былъ поставленъ въ главѣ *законодательства*. Какой бы ни имѣть взглядъ на основную мысль этого произведенія, оно,—по стройности системы, по обдуманности и строгой логической послѣдовательности ея развитія, даже по необыкновеннымъ достоинствамъ изложенія, которымъ создавался у насъ новый дѣловой языкъ,—уже одно должно прославить своего творца. И не напрасно, два года послѣ того, Сперанскій, низвергнутый, униженный, съ благородною гордостію самосознанія восклицалъ (*): «смѣю утверждать съ достовѣрностію, что ни одно государство въ Европѣ не можетъ похвалиться учрежденіемъ столь опредѣлительнымъ и столь твердымъ. Оно лежитъ теперь покрыто пылію и прахомъ, но время и опытъ возстановятъ его и оправдаютъ».

Дѣйствительно, оно возстало, или, лучше сказать, ни на минуту и не упадало, даже во время опалы его автора. Перемѣнялись царствованія, перемѣнялись многократно люди и системы, передѣлывались всѣ уставы, старые и новые, а общее учрежденіе министерствъ полвѣка стоитъ неподвижно, не только въ главныхъ началахъ, но почти и во всѣхъ подробностяхъ, будто изданное вчера, хотя въ практическомъ его приложеніи къ каждому министерству порознь, даже и въ общемъ его дѣйствіи, оно развилось не на тѣхъ, можетъ быть, нитяхъ, которыя были приготовлены Сперанскимъ. Прибавимъ что и всѣ тѣ организаціонныя работы, которыя, впослѣдствіи, были произведены у насъ другими, представляютъ, постоянно, сколокъ съ этого образцоваго творенія, не въ одной только мысли, но въ самомъ ея выраженіи, въ планѣ, въ раздѣленіяхъ, почти въ словахъ.

Манифестъ объ изданіи общаго учрежденія министерствъ

(*) Въ Пермскомъ письмѣ.

объявлялъ, что «всѣ министерства снабжены будутъ, на основаніи онаго, *особенными* ихъ учрежденіями, кои непосредственно за симъ, по мѣрѣ ихъ окончанія, будутъ издаваемы и приводимы въ исполненіе». Эти особенныя учрежденія, гдѣ уже не все зависѣло отъ пера одного государственнаго секретаря, представили болѣе затрудненій. Составленіе проектовъ было возложено на самихъ министровъ, а тутъ каждый изъ нихъ, считая ввѣренное ему министерство, по выраженію Сперанскаго—*«за пожалованную деревню»*, старался наполнить его и людьми и деньгами. «Тотъ—писалъ Сперанскій въ Пермскомъ письмѣ—кто прикасался къ сей собственности, былъ явный иллюминатъ и предатель, и это былъ—Я. Мнѣ одному противъ восьми сильныхъ надлежало вести сію тяжбу. Въ самыхъ правилахъ наказовъ надлежало сдѣлать важныя перемѣны, отсѣчь притязанія власти, привести ее въ предѣлы, ограничить насильныя завладѣнія одной части надъ другою и, словомъ, всѣ сіи наказы вовсе передѣлать. Можно ли было сего достигнуть, не прослывъ рушителемъ всего добра, человѣкомъ опаснымъ и злонамѣреннымъ?»

Въ самомъ дѣлѣ, 25 іюня 1811-го года, вмѣстѣ съ общимъ образованіемъ министерствъ, частныя учрежденія изданы были только для двухъ: финансовъ и полиціи (№№ 24.687 и 24.688). Всѣ прочія министерства остались тогда безъ спеціальнаго образованія. Въ исходѣ 1811-го года хотя и были внесены въ государственный совѣтъ подобныя же учрежденія для министерствъ военнаго, просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ и для главнаго управленія духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій; но разсмотрѣніе ихъ не было окончено, вѣроятно за послѣдовавшимъ вскорѣ паденіемъ Сперанскаго (*). «Другіе,—писалъ онъ потомъ изъ зато-

(*) Вышло 27 января 1812 года только одно образованіе военнаго министерства (№ 24.917), но и то́, кажется, болѣе въ предвидѣніи приближавшейся войны.

ченія—можетъ быть меня счастливѣе, совершатъ сію работу, но совершить ее необходимо: ибо какъ скоро одно министерство движется по данному направленію, то вмѣстѣ съ нимъ должны идти и другія; иначе они станутъ затруднять другъ друга, какъ то опытъ уже доказалъ и доказывать будетъ».

Къ предположенному, въ общемъ планѣ, *устройству управленія губернскаго* не было даже и приступлено. Сперанскій слишкомъ разсчитывалъ на свои силы. Онѣ были колоссальны, но одного человѣка не могло стать на все.

Наконецъ въ общую идею входило еще новое устройство *порядка суднаго*, для котораго, по плану, слѣдовало преобразовать сенатъ и всѣ мѣстныя судебныя инстанціи, поставя первый на степень «государственнаго сословія».

Образованіе сената всегда представлялось затруднительнымъ. Во всѣхъ установленіяхъ трудно найти истинную линію для разграниченія предметовъ ихъ вѣдѣнія и степени ихъ власти: тѣмъ еще труднѣе казалось опредѣлить ее между дѣлами суда и управленія, которыя столѣтнимъ безпорядкомъ были у насъ смѣшаны и которыя и въ другихъ государствахъ весьма часто подвергаются также нѣкоторому смѣшенію. При всемъ томъ, послѣ новаго образованія министерствъ, Сперанскій тѣмъ болѣе считалъ необходимымъ дать новое образованіе и сенату, что два установленія, столь тѣсно между собою связанныя, не могли, по его мнѣнію, идти вмѣстѣ при двухъ совершенно противуположныхъ началахъ. Онъ остановился окончательно на томъ, чтобы, отдѣливъ правительственныя части отъ судныхъ, соединеніе первыхъ назвать сенатомъ *правительствующимъ*, а послѣднихъ—сенатомъ *судебнымъ*, и сенатъ правительствующій, составя его изъ государственныхъ министровъ.

главныхъ начальниковъ разныхъ частей и товарищей министровъ, установить для цѣлой имперіи одинъ, а судебный, опредѣливъ въ него сенаторовъ отъ короны и по выбору дворянства, размѣстить по четыремъ округамъ: въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Казани и Кіевѣ.

Между другими огромными работами, Сперанскій, въ теченіе 1810-го и въ началѣ 1811-го годовъ, кончилъ и эту. Обширные проекты учрежденій обоихъ сенатовъ были разсмотрѣны въ особомъ комитетѣ, составленномъ изъ графа Завадовскаго, князя Лопухина и графа Кочубея, потомъ разосланы, въ печатныхъ экземплярахъ, ко всѣмъ членамъ государственнаго совѣта, и въ іюнѣ 1811-го внесены окончательно въ общее его собраніе. Здѣсь родились по этому дѣлу пренія очень настойчивыя и довольно рѣзкія, и разсмотрѣніе продлилось почти до половины сентября. Нѣкоторые члены хвалили проектъ; другіе—вся партія консервативная—подали на него разныя замѣчанія. Вотъ, въ короткомъ сводѣ, сущность этихъ замѣчаній и возраженій:

1) Перемѣна учрежденія, великими монархами установленнаго и цѣлый вѣкъ существовавшаго, произведетъ печальное впечатлѣніе на умы.

2) Раздѣленіе сената умалитъ его важность. И если слабость, а можетъ быть и пристрастіе, находятъ входъ въ это верховное судилище подъ глазами монарха, то не болѣе ли еще должно того опасаться за тысячами верстъ? Притомъ раздѣленіе сената по округамъ повлечетъ за собою большія издержки и еще бо̀льшую трудность въ пріисканіи способныхъ людей, какъ въ должности канцелярскія, такъ и въ самые сенаторы.

3) Назначеніе части сенаторовъ *по выбору* противно разуму самодержавнаго правленія и скорѣе обратится во вредъ, нежели въ пользу: ибо, въ однихъ мѣстахъ, такіе

выборы могутъ быть произведены подъ вліяніемъ мѣстныхъ чиновниковъ, а въ другихъ богатые помѣщики наполнятъ сенатъ людьми имъ преданными и присвоятъ себѣ черезъ то возможность и власть безнаказанно тѣснитъ кого захотятъ.

4) Нѣтъ основанія удѣлять судебному сенату одну изъ существенныхъ принадлежностей самодержавной власти: *окончательное*, безъ права жалобы Государю, рѣшеніе дѣлъ тяжебныхъ. Такое нововведеніе, лишивъ подданныхъ послѣдняго, дорогаго каждому Русскому прибѣжища, было бы тѣмъ неумѣстнѣе, что одно преобразованіе сената еще отнюдь не служитъ ручательствомъ, чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ перемѣнились, къ лучшему, способности и свойства судящихъ.

5) Выраженіе, въ проектѣ употребленное: *державная* власть, несвойственно Россіи, потому что мы знаемъ только власть самодержавную, или Императорскую.

Не смотря на все это, когда дѣло дошло до окончательнаго рѣшенія, большинство голосовъ, не исключая и тѣхъ, которые такъ, по видимому, твердо стояли за прежній порядокъ, оказалось, на сторонѣ проекта, или—по выраженію, употребленному въ запискахъ Дмитріева—«на сторонѣ домашнихъ разсчетовъ» (*). Александръ утвердилъ мнѣніе большинства; но этому дѣлу не было предназначено осуществиться. Приведеніе проекта въ дѣйствіе требовало многихъ предварительныхъ мѣръ, особенно денежныхъ средствъ, въ которыхъ правительство крайне тогда нуждалось для предметовъ болѣе настоятельныхъ; на политическомъ гори-

(*) Въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ Дмитріевъ говоритъ: «всякій разъ, когда Сперанскій ни входилъ отъ Государя въ залу общаго собранія совѣта, нѣкоторые члены обступали его съ шептаніемъ, отбивая одинъ отъ другаго, между тѣмъ какъ многіе изъ нихъ въ безмолвіи обращались къ нему, какъ подсолнечники къ солнцу, и домогались ласковаго его воззрѣнія».

зонтѣ уже предвидѣлась неизбѣжная война и приготовленія къ ней поглощали всѣ интересы. Государь, главнѣйше по убѣжденіямъ самого же автора, рѣшилъ—остановиться преобразованіемъ сената до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ.

«Изъ хода сего дѣла — писалъ Сперанскій Государю въ Пермскомъ письмѣ—всякъ легко могъ усмотрѣть, что не желали тутъ ни исторгнуть согласія, ни предвосхитить его смятеніемъ и поспѣшностію. Не взирая на сіе, возстали укоризны. Не буду упоминать о томъ, что̀ въ нихъ было жестокаго и терзавшаго мою личность. Обращусь къ самому источнику тѣхъ только возраженій, кои имѣли видъ безпристрастія. Возраженія сіи, большею частію, происходили отъ того, что элементы правительства нашего не довольно еще образованы и разумъ людей, его составляющихъ, не довольно еще пораженъ несообразностями настоящаго вещей порядка, чтобъ признать благотворныя Ваши перемѣны необходимыми. И слѣдовательно надлежало дать время, должно было еще потерпѣть, еще попустить безпорядокъ и злоупотребленія, чтобъ наконецъ ихъ ощутили, и тогда, вмѣсто того, чтобъ затруднять намѣренія Ваши, сами бы пожелали ихъ совершенія. Между тѣмъ мнѣнія въ пользу проекта были и многочисленны и уважительны. Съ твердостію и чистотою намѣреній, Ваше Величество не рѣшались еще остановить исполненія. Двумя записками, въ разное время отъ меня поднесенными, представлялъ я, сколь неудобно было бы, при такомъ расположеніи умовъ, продолжать сіе дѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастающіе слухи о войнѣ рѣшили, наконецъ, Ваше Величество отложить его до времени.»

«Дай Богъ—прибавлялъ онъ—дай Богъ, Всемилостивѣйшій Государь, чтобъ время сіе настало! Проектъ можетъ быть перемѣненъ, исправленъ, или и совсѣмъ передѣланъ людьми, болѣе меня свѣдущими; но я твердо увѣренъ, что

безъ устройства сената, сообразнаго устройству министерствъ, безъ средоточія и твердой связи дѣлъ, министерства всегда будутъ наносить болѣе вреда и Вамъ заботы, нежели пользы и достоинства.»

Безъ сената, т. е. безъ того, что Сперанскій называлъ *средоточіемъ дѣлъ*, невозможно было прикоснуться и къ *мѣстнымъ* судебнымъ инстанціямъ. Слѣдственно изъ мѣръ, предположенныхъ въ общемъ планѣ къ устройству судебнаго порядка, не было приведено въ исполненіе ни одной и вообще эта часть осталась тогда безъ всякаго преобразованія.

II.

Представивъ очеркъ организаціонныхъ работъ Сперанскаго въ тѣхъ предѣлахъ, конечно, весьма далекихъ отъ первоначальнаго плана, до которыхъ онѣ были имъ доведены, мы должны показать, какъ думали и судили объ этихъ работахъ современники внѣ стѣнъ совѣта, разумѣется по тѣмъ частямъ, которыя сдѣлались извѣстными публикѣ, непосвященной въ кабинетныя тайны. Эти сужденія тѣмъ интереснѣе для насъ, что изъ нихъ, впослѣдствіи, образовались важнѣйшія обвиненія противъ государственнаго секретаря и, частію, самыя пружины, употребленныя къ его низверженію.

Главнымъ органомъ общественнаго мнѣнія въ этомъ дѣлѣ явился Николай Михайловичъ Карамзинъ.

Нося титулъ Императорскаго исторіографа, Карамзинъ постоянно жилъ въ Москвѣ, и Императоръ Александръ только однажды видѣлъ его, мимоходомъ, при посѣщеніи въ 1810 году Грановитой палаты. Но его очень любила и приблизила къ себѣ умная и образованная великая княгиня Екатерина Павловна, имѣвшая резиденцію въ Твери, вмѣстѣ

съ своимъ супругомъ, принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, въ то время генералъ-губернаторомъ Тверскимъ, Новгородскимъ и Ярославскимъ. Карамзинъ часто и долго бесѣдовалъ съ нею обо всемъ, что̀ дѣлалось тогда въ Россіи подъ вліяніемъ Сперанскаго. Многія изъ его замѣчаній обратили на себя особенное вниманіе великой княгини и, по ея совѣту и даже требованію, онъ изложилъ ихъ, наконецъ, письменно. Между тѣмъ—это было въ 1811-мъ году—Александръ, изъявивъ другу Карамзина, министру юстиціи Дмитріеву, желаніе ближе познакомиться съ своимъ исторіографомъ, велѣлъ пригласить его въ Тверь, куда самъ въ то время отправлялся. Здѣсь, представленный Государю, Карамзинъ прочелъ ему нѣсколько отрывковъ изъ своей исторіи и былъ имъ чрезвычайно обласканъ. Пользуясь тѣмъ, великая княгиня передала Александру извѣстную записку Карамзина «О старой и новой Россіи». Сначала, эта записка очень не понравилась Государю и даже привела его въ гнѣвъ: онъ впервые видѣлъ такую откровенную, всестороннюю, критику дѣйствій своего царствованія; но эти отважныя, рѣзкія, даже язвительныя, замѣчанія исходили отъ человѣка, пользовавшагося общимъ уваженіемъ по своему характеру, стоявшаго внѣ дѣлъ и ничего лично для себя не искавшаго, и если многое изъ содержанія записки могло и должно было показаться Александру, по его направленію, странными, несвоевременными, отсталымъ, то по крайней мѣрѣ онъ не могъ усомниться въ чистотѣ побужденій автора. Вникнувъ ближе въ истинный смыслъ записки, онъ простилъ смѣлую ея искренность. Извѣстно, какъ, впослѣдствіи, онъ полюбилъ и приблизилъ къ себѣ Карамзина.

Обозрѣвъ преобразованія за время царствованія Петра Великаго, Екатерины II и Павла, Карамзинъ писалъ далѣе: «Движимый любовію къ общему благу, Александръ хотѣлъ лучшаго, совѣтывался и учредилъ министерства, согласно

съ системою правительствъ иностранныхъ. Прежде всего замѣтимъ излишнюю поспѣшность въ семъ учрежденіи: министерства установлены и приведены въ дѣйствіе, а не было еще наказа министрамъ, т. е. вѣрнаго, яснаго руководства въ исполненіи важныхъ ихъ обязанностей (*). Теперь спросимъ о пользѣ. Министерскія бюро заняли мѣсто коллегій; гдѣ трудились знаменитые сановники—президентъ и нѣсколько засѣдателей,—имѣя долговременный навыкъ и строгую отвѣтственность правительствующаго мѣста, тамъ увидѣли мы маловажныхъ чиновниковъ: директоровъ, экспедиторовъ, столоначальниковъ, которые, подъ щитомъ министра, дѣйствуютъ безъ всякаго опасенія. Скажутъ, что министръ все дѣлаетъ и за все отвѣтствуетъ. Но одно честолюбіе бываетъ неограниченно; силы и способности смертнаго ограничены въ предѣлахъ весьма тѣсныхъ. Напримѣръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, захвативъ почти всю Россію, могъ ли основательно вникать въ смыслъ безчисленныхъ, входящихъ къ нему и выходящихъ отъ него бумагъ? Начали являться одни за другими комитеты: они служили сатирою на учрежденіе министерствъ, доказывая ихъ недостатокъ для благоуспѣшнаго правленія; наконецъ замѣтили излишнюю многосложность внутренняго министерства. Что же сдѣлали?—прибавили новое, столь же многосложное и непонятное для Русскихъ въ его составѣ. Какъ опеки принадлежатъ министерству полиціи? Ему же медицина и пр. и пр.? Или сіе министерство есть часть внутренняго, или названо не своимъ именемъ. И благопріятствуетъ ли славѣ мудраго правительства сіе второе преобразованіе? Учредили и послѣ говорятъ: «извините, мы ошиблись: сіе

(*) Это замѣчаніе и нѣкоторыя изъ послѣдующихъ относятся къ первому образованію министерствъ (1802-го года), въ которомъ Сперанскій не принималъ непосредственнаго участія.

относится не къ тому, а къ другому министерству». Надлежало бы обдумать прежде; иначе что̀ будетъ ручательствомъ за твердость и новаго устава? Далѣе: основавъ бытіе свое на развалинахъ коллегій, министры стали между Государемъ и народомъ, заслоняя сенатъ, отнимая его силу и величіе; хотя подвѣдомые ему отчетами, но сказавъ: «я имѣлъ счастіе докладывать Государю», заграждали уста сенаторамъ и сія мнимая отвѣтственность была доселѣ пустымъ обрядомъ. Указы, законы, предлагаемые министрами, одобряемые Государемъ, сообщались сенату только для обнародованія. Выходило, что Россіею управляли министры, т. е. каждый изъ нихъ по своей части могъ творить и разрушать. Спрашиваемъ, кто̀ болѣе заслуживаетъ довѣренности: одинъ ли министръ, или собраніе знатнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ, которыхъ мы обыкли считать высшимъ правительствомъ, главнымъ орудіемъ монаршей власти? Правда, министры составляли между собою комитетъ; ему слѣдовало одобрить всякое новое установленіе прежде, нежели оно утверждалось Монархомъ; но сей комитетъ не походилъ ли на совѣтъ шести или семи разноземцевъ, изъ коихъ всякій говоритъ особымъ языкомъ, не понимая другихъ? Министръ морскихъ силъ обязанъ ли разумѣть тонкости судебной науки и правила государственнаго хозяйства, торговли и пр.? Еще важнѣе то̀, что каждый изъ нихъ, имѣя нужду въ сговорчивости товарищей для особенныхъ своихъ выгодъ, самъ дѣлается сговорчивъ. «Просимъ терпѣнія—отвѣтствуютъ совѣтники Монарха—мы изобрѣтаемъ еще новый способъ ограничить власть министровъ». Выходитъ учрежденіе совѣта.

«И Екатерина II имѣла совѣтъ, слѣдуя правилу: умъ хорошо, а два лучше. Кто изъ смертныхъ не совѣтуется съ другими въ важныхъ случаяхъ? Государи больше всѣхъ имѣютъ въ томъ нужду. Екатерина, въ дѣлахъ мира и вой-

ны, гдѣ ей слѣдовало произнести рѣшительное *да* или *нѣтъ*, слушала совѣтъ нѣкоторыхъ избранныхъ вельможъ; вотъ совѣтъ ея, по существу тайный, т. е. особенный, лично Императорскій. Она не сдѣлала его торжественнымъ, государственнымъ: ибо не хотѣла уничтожить Петрова сената, коего бытіе, какъ мы сказали, несовмѣстно съ другимъ высшимъ правительствующимъ мѣстомъ. Какая польза унижать сенатъ, чтобъ возвысить другое правительство? Если члены перваго недостойны Монаршей довѣренности, надобно только перемѣнить ихъ; или сенатъ не будетъ правительствующимъ, или совѣтъ не можетъ, торжественно и подъ своимъ именемъ, разсматривать за нимъ дѣлà и мимо сената издавать съ Государемъ законы. Мы читаемъ нынѣ въ указахъ Монаршихъ: «внявъ мнѣнію совѣта». И такъ сенатъ въ сторонѣ. Что же онъ? Останется ли только судилищемъ? Увидимъ, ибо намъ велятъ ждать новыхъ дополнительныхъ уставовъ государственныхъ, преобразованія сенатскаго, губерній и пр. Въ монархіи—пишетъ Монтескьё—должно быть хранилище законовъ: «le conseil du Prince n'est pas un dépôt convenable: il est, par sa nature, le dépôt de la volonté momentanée du Prince qu' il exécute, et non pas le dépôt des lois fondamentales. De plus, le conseil du Monarque change sans cesse, il n'est point permanent, il ne saurait être nombreux, il n' a point à un assez haut degré la confiance du peuple, il n' est donc pas en état de l'éclairer dans les temps difficiles, ni de le ramener à l'obéissance.» Чтò ни будетъ, но сказанное нами не измѣнится въ главномъ смыслѣ. Совѣтъ будетъ сенатомъ, или его половиною, отдѣленіемъ. Сіе значитъ играть именами и формами, придавать имъ важность, которую имѣютъ только вещи. Поздравляю изобрѣтателя сей новой формы или предисловія законовъ: «внявъ мнѣнію совѣта!» Государь Россійскій внемлетъ только мудрости, гдѣ находитъ ее: въ собствен-

номъ ли умѣ, въ книгахъ ли, въ головахъ ли лучшихъ своихъ подданныхъ; но въ самодержавіи не надобно никакого одобренія для законовъ, кромѣ подписи Государя (*). Онъ имѣетъ всю власть. Совѣтъ, сенатъ, комитеты, министры, суть только способы ея дѣйствіи, или повѣренные Государя: ихъ не спрашиваютъ, гдѣ онъ самъ дѣйствуетъ. Выраженіе: «le Conseil d'état entendu» не имѣетъ смысла для гражданина Россійскаго; пусть Французы справедливо или несправедливо употребляютъ оное. Правда, и у насъ писали: «Государь указалъ, бояре приговорили»; но сія законная пословица была на Руси нѣсколько лѣтъ панихидою на усопшую аристократію боярскую: воскресимъ ли форму, когда и вещь и форма давно истребились?

«Совѣтъ, говорятъ, будетъ уздою для министерствъ: Императоръ даетъ ему разсматривать важнѣйшія ихъ представленія. Но между тѣмъ они всѣ будутъ правитъ государствомъ именемъ Государя. Совѣтъ не вступается въ обыкновенное теченіе дѣлъ, вопрошаемый единственно въ случаяхъ чрезвычайныхъ, или въ новыхъ постановленіяхъ. А сей обыкновенный порядокъ государственной дѣятельности составляетъ благо или зло нашего времени.

«Спасительными уставами бываютъ единственно тѣ, коихъ давно желаютъ лучшіе умы въ государствѣ и которые, такъ сказать, предчувствуются народомъ, будучи ближайшимъ цѣлебнымъ средствомъ на извѣстное зло. Учрежденіе министерствъ и совѣта имѣло для всѣхъ дѣйствіе внезапности; по крайней мѣрѣ авторы долженствовали бы изъяснить пользу своихъ новыхъ образованіи. Читаю и вижу однѣ сухія формы; мнѣ чертятъ линіи для глазъ, оставляя

(*) Форма: «внявъ мнѣнію совѣта» *на практикѣ* была употребляема весьма не долго послѣ паденія Сперанскаго, но *въ законѣ* она оставалась до изданія новаго образованія совѣта 15 апрѣля 1842 года и включена была и въ первое изданіе Свода (1832).

мой умъ въ покоѣ; говорятъ Россіянамъ: «было такъ, отнынѣ будетъ иначе;» для чего?—не сказываютъ. Петръ Великій въ важныхъ перемѣнахъ государственныхъ давалъ отчетъ народу: взгляните на регламентъ духовный, гдѣ Императоръ открываетъ вамъ всю душу свою, всѣ побужденія, причины и цѣль сего устава. Вообще новые законодатели Россіи славятся наукою письмоводства болѣе, нежели наукою государственною. Издаютъ проектъ наказа министерскаго. Чтó важнѣе и любопытнѣе? Тутъ, безъ сомнѣнія, опредѣлена сфера дѣятельности каждаго министра? Нѣтъ! брошено нѣсколько словъ о главномъ дѣлѣ, а все другое относится къ мелочамъ канцелярскимъ (*); сказываютъ, какъ переписываться министерскимъ департаментамъ между собою, какъ входятъ и выходятъ бумаги, какъ Государь начинаетъ и оканчиваетъ свои рескрипты. Монтескьё означаетъ признаки возвышенія или паденія имперіи; авторъ сего проекта съ такою же важностію даетъ правила судить о цвѣтущемъ или худомъ состояніи канцеляріи! Искренно хвалю его знаніе по сей части; но осуждаю постановленіе: «если Государь издаетъ указъ, несогласный съ мыслями министра, то министръ не скрѣпляетъ оного своею подписью» (**). Слѣдственно, въ государствѣ самодержавномъ, министръ имѣетъ право объявить публикѣ, что выходящій указъ, по его мнѣнію, вреденъ? Министръ есть

(*) Укоризна несправедливая. Сфера дѣятельности *каждаго* министра могла входить только въ наказы и учрежденія *частные*; въ *общемъ* же и не должно было содержаться ничего иного, кромѣ началъ *всѣмъ общихъ*.

(**) Нигдѣ, въ общемъ учрежденіи министерствъ, не было такого правила. Въ § 285-мъ постановлено только, что «не вмѣняются въ отвѣтственность» тѣ распорядительныя мѣры, которыя, по особеннымъ высочайшимъ повелѣніямъ, будутъ доставлены къ исполненію министра безъ его скрѣпы.

рука вѣнценосца, не больше, а рука не судитъ головы. Министръ подписываетъ именные указы не для публики, а для Императора, во увѣреніе, что они написаны слово въ слово такъ, какъ онъ приказалъ. Подобныя ошибки въ коренныхъ государственныхъ понятіяхъ едва ли извинительны. Чтобы опредѣлить важную отвѣтственность министра, авторъ пишетъ: «министръ судится въ двухъ случаяхъ: когда преступитъ мѣру власти своей, или когда не воспользуется данными ему способами для отвращенія зла». Гдѣ же означена сія мѣра власти и сіи способы? (*) Прежде надобно дать законъ, а послѣ говорить о наказаніи преступника. Сія громогласная отвѣтственность министровъ въ самомъ дѣлѣ можетъ ли быть предметомъ торжественнаго суда въ Россіи? Кто ихъ избираетъ? Государь. Пусть онъ награждаетъ достойныхъ своею милостію, а въ противномъ случаѣ удаляетъ недостойныхъ безъ шума, тихо и скромно. Худой министръ есть ошибка Государева; должно исправлять подобныя ошибки, но скрытно, чтобъ народъ имѣлъ довѣренность къ личнымъ выборамъ царскимъ (**).

«Разсматривая такимъ образомъ сіи новыя государственныя творенія и видя ихъ незрѣлость, добрые Россіяне жалѣютъ о бывшемъ порядкѣ вещей. Съ сенатомъ, съ коллегіями, съ генералъ-прокуроромъ у насъ шли дѣла и прошло блестящее царствованіе Екатерины II. Всѣ мудрые законодатели, принуждаемые измѣнять уставы политическіе, старались какъ можно менѣе отходить отъ старыхъ. Если число и власть сановниковъ непремѣнно должны быть

(*) Въ *общихъ* началахъ—въ томъ же общемъ учрежденіи, а въ *подробностяхъ*—въ частныхъ учрежденіяхъ и въ уставахъ каждой части.

(**) Странная несообразность: выше Карамзинъ считаетъ нужнымъ, чтобы Монархъ давалъ отчетъ въ причинахъ, побуждающихъ его къ изданію новаго закона, а здѣсь требуетъ, чтобы преступный министръ былъ удаляемъ безгласно и безъ дальнѣйшей отвѣтственности!

перемѣнены — говоритъ умный Макіавель — то удержите хотя имя ихъ для народа. Мы поступаемъ совершенно иначе: оставляя вещь, мы гонимъ имена; для произведенія того же дѣйствія вымышляемъ другіе способы! Зло, къ которому мы привыкли, для насъ чувствительно менѣе новаго добра, а новому добру какъ-то не вѣрится. Перемѣны сдѣланныя не ручаются за пользу будущихъ; ожидаютъ ихъ больше со страхомъ нежели съ надеждою: ибо къ древнимъ государственнымъ зданіямъ прикасаться опасно; Россія же существуетъ уже около тысячи лѣтъ и не въ образѣ дикой орды, но въ видѣ государства великаго, а намъ все твердятъ о новыхъ образованіяхъ, о новыхъ уставахъ, какъ будто мы недавно вышли изъ темныхъ лѣсовъ Американскихъ! Требуемъ болѣе мудрости хранительной, нежели творческой. Если исторія справедливо осуждаетъ Петра I за излишнюю страсть его къ подражанію иностраннымъ державамъ, то упрекъ этотъ не будетъ ли въ наше время еще страшнѣе? Гдѣ, въ какой землѣ Европейской, блаженствуетъ народъ, цвѣтетъ правосудіе, сіяетъ благоустройство, сердцà довольны, умы спокойны? Во Франціи? Правда, тамъ есть Conseil d'état (*), Secrétaire d'état, Sénat conservatif, Ministère de l'intérieur, de la justice, des finances, de l'instruction publique, de la police, des cultes. Правда, что Екатерина не имѣла ни сихъ правительствъ, ни сихъ чиновниковъ; но гдѣ видимъ гражданское общество согласнѣе съ истинною цѣлью онаго: въ Россіи ли при

(*) Собственно о государственномъ совѣтѣ Сперанскій писалъ Александру изъ Перми: «одни видѣли въ семъ установленіи подражаніе Французскому, хотя, кромѣ раздѣленія дѣлъ, они ничего не имѣютъ общаго. Другіе утверждали, что разумъ сего учрежденія стѣсняетъ власть Государеву. Гдѣ и какимъ образомъ? Не по Государеву ли повелѣнію дѣлà вносятся въ совѣтъ? Не единымъ ли словомъ его рѣшатся? Но зависть и клевета лучше желаютъ казаться слѣпыми, нежели быть безгласными».

Екатеринѣ, или во Франціи при Наполеонѣ? Гдѣ болѣе произвола и прихотей самовластія? Гдѣ болѣе законнаго, единообразнаго теченія въ дѣлахъ правительства? Мы читаемъ въ прекрасной душѣ Александра сильное желаніе утвердить въ Россіи дѣйствіе закона. Оставивъ прежнія формы, но двигая оныя, такъ сказать, постояннымъ духомъ ревности къ общему добру, онъ скорѣе могъ бы достигнуть сей цѣли и затруднилъ бы для наслѣдниковъ отступленіе отъ законнаго порядка. Гораздо легче отмѣнить новое нежели старое; гораздо легче придать важность сенату, нежели дать важность нынѣшнему совѣту въ глазахъ преемника Александрова: новости ведутъ къ новостямъ и благопріятствуютъ необузданностямъ произвола.

«Скажемъ ли—заключалъ Карамзинъ—повторимъ ли, что одна изъ главныхъ причинъ неудовольствія Россіянъ на нынѣшнее правительство есть излишняя любовь его къ государственнымъ преобразованіямъ, которыя потрясаютъ основу имперіи и коихъ благотворность остается досел ѣ сомнительною.»

Мы не войдемъ здѣсь въ подробную оцѣнку мнѣній, изложенныхъ въ запискѣ «О старой и новой Россіи». Если иное изъ сказаннаго въ ней должно признать, до нѣкоторой степени, справедливымъ, то многое, напротивъ, представляется явно преувеличеннымъ и даже не имѣющимъ никакого основанія. Карамзинъ, какъ человѣкъ умный и добросовѣстный, не могъ ублажать себя одними воспоминаніями о какой-то *золотой старинѣ*, къ которымъ любили, въ то время, при всякомъ случаѣ возвращаться; онъ не могъ не видѣть всѣхъ недостатковъ прежняго порядка дѣлъ и не желать улучшеній. Но чего именно онъ желалъ, то̀ остается, для насъ по крайней мѣрѣ, неразгаданнымъ. По отношенію къ многосложности затронутыхъ предметовъ, записка его, очевидно, слишкомъ кратка и неопредѣли-

тельна; сверхъ того, въ ней только критика новаго, но нѣтъ ни критики стараго, ни окончательнаго вывода, въ которомъ выразилось бы положительное заключеніе сочинителя. Между тѣмъ едва ли можно представить себѣ, чтобы человѣкъ столь благородный и просвѣщенный рѣшался обрекать Россію на Китайскую неподвижность. Не могъ онъ забыть преданій исторіи, забыть, что лишь путемъ коренныхъ преобразованій древняя «Московія» поднялась на ту степень государственнаго могущества, на которой для нея перестали быть страшными и Татары и Поляки и Шведы, и внутреннія крамолы. Вспоминая о духовномъ регламентѣ, Карамзинъ не могъ не знать, что это постановленіе во сто разъ болѣе, нежели учрежденіе совѣта и министерствъ, расходилось съ прежнимъ порядкомъ вещей и между тѣмъ было одною изъ самыхъ спасительныхъ государственныхъ мѣръ. Нападая на весьма невинную формулу: «внявъ мнѣнію совѣта», какъ будто въ ней и вся сила, и защищая прежнія коллегіи, могъ ли Карамзинъ упускать изъ виду, что онѣ, во все вмѣшиваясь и ничего не выполняя, только затрудняли и даже стѣсняли всѣ правительственныя распоряженія; что медленная ихъ дѣятельность уже не соотвѣтствовала усилившемуся развитію внутреннихъ и внѣшнихъ потребностей Россіи и что, при такомъ соперникѣ какъ Наполеонъ, ни военная коллегія, конечно, никогда не управилась бы съ арміею, ни камеръ-коллегія съ финансами? Говоря о временахъ Екатерины II, могъ ли онъ скрыть отъ себя, что, при всемъ блескѣ ея государствованія, многое изъ дѣйствительно въ немъ совершавшагося, особенно въ послѣдніе его годы, находилось въ постоянномъ противорѣчіи съ тѣми великими идеями, которыя провозглашались съ престола? На всѣхъ страницахъ «Исторіи государства Россійскаго» мы видимъ, что, въ глазахъ ея автора, однѣ побѣды не соста-

вляютъ славы царствованія: не разъ указываетъ онъ, какъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ самыхъ блестящихъ внѣшнихъ тріумфовъ было—внутреннее ослабленіе; слѣдовательно, могъ ли онъ не цѣнить всей важности внутреннихъ улучшеній, которыми, напротивъ, скрѣпляется сила государственная? Не смотря, впрочемъ, на эти странныя несообразности и недомолвки, записка Карамзина имѣетъ для насъ, потомковъ, большую историческую цѣну, вовсе не по внутреннему ея достоинству и не по краснорѣчивому изложенію въ ней индивидуальныхъ его мыслей, но какъ искусная компиляція того, что̀ онъ слышалъ вокругъ себя. Карамзинъ, гораздо болѣе литераторъ нежели человѣкъ государственный или вообще политическій, говорилъ здѣсь, разумѣется, не одно свое. Если современная ему публика нашла въ его запискѣ свое собственное темное неудовольствіе, облеченное въ форму изящной рѣчи, то нѣтъ сомнѣнія, что, взаимно, и та среда, въ которой онъ жилъ, не могла остаться безъ широкаго на него вліянія. Въ этомъ смыслѣ записка «О старой и новой Россіи», представляя собою общій, такъ сказать, итогъ толковъ тогдашней консервативной оппозиціи и тѣхъ массъ, которыя, обветшавъ, требовали обновленія, еще болѣе подтверждаетъ мысль, выше нами высказанную, что Александръ и первый его министръ, въ порывѣ высокихъ своихъ увлеченій, опережали возрастъ своего народа, даже между образованнѣйшими его классами. Сперанскій писалъ, что публика, не зная плана правительства, судитъ намѣренія его по отрывкамъ, порицаетъ то̀, чего не знаетъ, и, не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, страшится вредныхъ уновленій. Мы, съ своей стороны, судя по запискѣ Карамзина, думаемъ, что въ тогдашней публикѣ, по крайней мѣрѣ въ огромномъ ея большинствѣ, порицанія были бы еще несравненно сильнѣе, еслибъ передъ ней раскрылся *весь* планъ правительства. Вспом-

нимъ что, по собственнымъ словамъ Карамзина, уровень нашего народнаго образованія, въ то время, былъ еще такъ низокъ, что въ цѣлой Россіи едва ли бы нашлось сто человѣкъ знавшихъ правописаніе. При подобныхъ общественныхъ элементахъ, перемѣна государственнаго нашего строя не была ли бы тогда встрѣчена въ народѣ чувствомъ, подобнымъ тому, какое возбудили въ людяхъ Петровскаго времени Нѣмецкіе кафтаны, бритье бородъ и ассамблеи? Въ этомъ отношеніи нельзя не раздѣлять вполнѣ мнѣнія Карамзина что: «спасительными уставами бываютъ единственно тѣ, коихъ желаютъ лучшіе умы въ государствѣ и которые, такъ сказать, предчувствуются народомъ, будучи ближайшимъ цѣлебнымъ средствомъ на извѣстное зло». «Государственное устройство—сказалъ недавно, въ томъ же разумѣ, кто-то другой изъ нашихъ писателей—должно быть выраженіемъ не теоретическихъ воззрѣній, а историческаго развитія, глубоко лежащаго въ общемъ сознаніи, въ общемъ народномъ сочувствіи». У насъ же, въ ту эпоху, ничего подобнаго не было и навѣрное сказать можно, что, если бы Россія узнала о задуманномъ тогда новомъ порядкѣ вещей, во всемъ его пространствѣ, то одна ея часть прокляла бы его, другая, составлявшая безмѣрное большинство, ничего бы въ немъ не поняла, и развѣ только самая ничтожная горсть умовъ избранныхъ могла бы подняться на его высоту. . . . . .

Образованіе министерствъ и совѣта вызвало и нѣсколько другихъ, болѣе или менѣе колкихъ, критикъ, но уже тогда, когда авторъ, удаленный отъ дѣлъ и лишенный довѣрія Государева, не казался болѣе никому страшнымъ. Карамзинъ могъ ошибаться; но по крайней мѣрѣ онъ одинъ нашелъ въ себѣ нужное мужество, чтобы стать лицомъ къ лицу съ сильнымъ временщикомъ. Другіе заговорили—когда нашли въ томъ свой разсчетъ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Законодательныя работы.

Труды Сперанскаго по части законодательной, совершенные имъ сверхъ исчисленныхъ выше работъ организаціонныхъ, были, въ періодъ времени съ 1808-го до 1812-го года, двоякіе:

Одними—составленіемъ *новыхъ уложеній*—онъ занимался въ коммиссіи законовъ.

Другіе—перемѣны и дополненія въ *законодательствѣ текущемъ*—были имъ исполняемы лично, по особымъ порученіямъ, или, лучше сказать, по особому довѣрію Александра, потому что поводъ и побужденія къ нимъ исходили часто отъ самого Сперанскаго.

I.

Коммиссія законовъ.

Послѣ семи, смѣнявшихъ одна другую коммиссій, посредствомъ учрежденія которыхъ наше правительство, начиная съ Петра Великаго, тщетно старалось привести въ стройность и усовершенствовать отечественное законодательство, восьмая, знаменитая «коммиссія о сочиненіи новаго уложенія», открытая въ 1767 году съ такимъ блескомъ и шумомъ, изчезла, какъ и прежнія, не оставивъ никакихъ полезныхъ слѣдовъ своего существованія. Отъ всѣхъ ея трудовъ сохранилось только нѣсколько плановъ, т. е. простыхъ оглавленій, и нѣсколько сочиненныхъ по этимъ планамъ отрывковъ. Слѣдовавшая за нею девятая коммиссія

(1797), которой велѣно было извлечь изъ существующихъ узаконеній систематическія книги, ограничилась одними начатками, оставшимися даже безъ перваго разсмотрѣнія.

Изъ мысли Александра I дать своему государству новое органическое устройство, естественно, истекала и мысль о составленіи законовъ гражданскихъ. Сперва поручено было сенатору графу Завадовскому обозрѣть прежніе труды по этой части и представить планъ для ихъ продолженія. Но, еще прежде нежели Завадовскій успѣлъ къ чему нибудь приступить, дѣло перешло въ министерство юстиціи. Въ это время имъ управлялъ прежній Павловскій генералъ-прокуроръ, умный и тонкій, но неприготовленный къ работамъ такого рода, князь Лопухинъ; при немъ находился товарищемъ Новосильцовъ, до того развлеченный другими своими обязанностями, что онъ не имѣлъ никакой возможности удѣлять много времени новому занятію, хотя и важнѣйшему всѣхъ прочихъ. Надо было, слѣдственно, пріискать настоящаго дѣятеля, съ ученымъ юридическимъ образованіемъ, который посвятилъ бы себя этому дѣлу исключительно. Русскихъ ученыхъ юристовъ тогда еще не было, вслѣдствіе чего выборъ палъ на бывшаго студента Лейпцигскаго университета, барона Густава Андреевича Розенкампфа, родомъ изъ Лифляндіи.

Розенкампфу нельзя было отказать ни въ остромъ умѣ, ни въ обширныхъ теоретическихъ свѣдѣніяхъ; но знанія его въ Русскомъ языкѣ были крайне скудны, а о Россіи—еще скуднѣе. По окончаніи университетскаго курса и по пріѣздѣ, въ 1785 году, въ Петербургъ, онъ былъ причисленъ къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, но вскорѣ потомъ возвратился въ Лифляндію и сталъ служить тамъ по дворянскимъ выборамъ, занимаясь въ то же время, въ званіи адвоката, частными дѣлами. Для коммиссіи за-

коновъ рекомендовалъ его сотоварищъ по Лейпцигскому университету, сенаторъ Козодавлевъ (потомъ министръ внутреннихъ дѣлъ), и Розенкампфъ, бывъ въ 1803 году выписанъ снова въ Петербургъ и представленъ Новосильцовымъ Государю, получилъ приказаніе немедленно составить планъ къ образованію этой части. Послѣдствіемъ представленнаго имъ проекта было учрежденіе, въ вѣдомствѣ министра юстиціи, подъ непосредственнымъ руководствомъ Новосильцова, новой, *десятой* коммиссіи, въ которой самъ Розенкампфъ получилъ мѣсто главнаго секретаря и перваго референдарія.

Въ этомъ новомъ образованіи, на коммиссію возложено было сочинять уложенія и уставы по всѣмъ частямъ. Въ основаніе ея трудовъ велѣно принять законы дѣйствующіе, съ дополненіемъ и усовершеніемъ ихъ изъ общихъ началъ законовѣдѣнія. Но въ первые годы Розенкампфъ, еще совершенно незнакомый съ нашимъ дѣйствующимъ правомъ, а тѣмъ болѣе съ его источниками, по необходимости долженъ былъ проводить почти все время въ одномъ ихъ изученіи. Уволивъ изъ коммиссіи бо́льшую часть прежнихъ Русскихъ чиновниковъ, онъ замѣстилъ ихъ Нѣмцами и Французами, въ особенности же наполнилъ составъ ея множествомъ переводчиковъ, необходимыхъ ему по незнанію языка. Потомъ, переходя отъ одного опыта къ другому,—то бросаясь въ историческую школу, то составляя къ новому уложенію оглавленія и примѣчанія (маргиналы), почерпнутыя изъ одной теоріи, то погружаясь опять въ сличеніе законодательствъ иностранныхъ—онъ, въ существѣ, ничего не производилъ, а только все передѣлывалъ съизнова. Его коммиссія подвигалась точно также медленно и безуспѣшно какъ прежнія; въ публикѣ же не могли довольно надивиться, какъ къ составленію уложенія для величайшей въ свѣтѣ имперіи выбранъ, предпочтительно пе-

редъ всѣми, человѣкъ, не знающій ни ея законовъ, ни нравовъ и обычаевъ, ни даже языка.

Вдругъ, и тутъ явился Сперанскій. Уже съ самаго отчисленія изъ министерства внутреннихъ дѣлъ онъ неоднократно высказывалъ желаніе принять участіе въ трудахъ коммиссіи, и Лопухинъ не затруднился, на вопросъ Государя, отвѣчать, что дѣятельный его статсъ-секретарь вѣрно будетъ очень полезенъ въ этомъ дѣлѣ. 8 августа 1808 года послѣдовалъ, согласно тому, указъ о назначеніи Сперанскаго присутствующимъ въ совѣтѣ коммиссіи, который, до тѣхъ поръ, состоялъ только изъ министра юстиціи и его товарища.

Это назначеніе было тяжелымъ ударомъ для Розенкампфа. При Лопухинѣ и Новосильцовѣ онъ умѣлъ поставить себя въ независимое положеніе и, распоряжаясь въ коммиссіи полнымъ хозяиномъ, мечталъ о славѣ быть единственнымъ законодателемъ Россіи, а еще болѣе объ ожидавшихъ его за то почестяхъ и наградахъ. И вотъ, честолюбивые его замыслы были потрясены въ основаніи: онъ очень хорошо зналъ дѣятельность и дарованія новаго члена совѣта коммиссіи, зналъ и то́, что Сперанскій поступаетъ въ нее не съ цѣлью быть празднымъ свидѣтелемъ чужихъ трудовъ. Не трудно, по этому, понять, что Розенкампфомъ, при его тщеславномъ, наклонномъ къ интригѣ и мстительномъ характерѣ, съ самой первой минуты овладѣла глубокая ненависть къ человѣку, такъ внезапно ставшему на его пути, и что уже никакія дѣйствія этого человѣка не могли найти себѣ пощады передъ его судомъ.

Впрочемъ Сперанскій, бывъ опредѣленъ въ коммиссію незадолго до Эрфуртской поѣздки, сначала не могъ настоящимъ образомъ приняться за дѣло; но уже съ перваго дня опредѣленія въ коммиссію онъ, къ крайней досадѣ главнаго секретаря, поставилъ себя истиннымъ ея начальникомъ.

«Все у насъ остановилось»—писалъ по этому случаю Розенкампфъ въ своихъ запискахъ. «Мѣсячныя донесенія, которыя я до тѣхъ поръ посылалъ Государю о ходѣ нашихъ трудовъ, Сперанскій призналъ лишними, и—всѣ перестали работать. Мои редакторы и прочіе чиновники поспѣшили явиться къ новому начальнику и возвратились отъ него чрезвычайно довольные слышанными изъясненіями и обѣщаніями, съ бо́льшими надеждами для себя и уже съ меньшею приверженностію ко мнѣ. Я узналъ, что онъ отзывается съ пренебреженіемъ о нашихъ работахъ, но, въ мысляхъ моихъ, приписывалъ это преимущественно неразумнымъ объясненіямъ подчиненныхъ, между которыми только самая малая часть была способна понимать мой планъ и мою методу. Покамѣстъ въ коммиссію никто кромѣ меня не вмѣшивался, я строго настаивалъ, чтобъ каждый дѣятельно исправлялъ свою должность; теперь, разумѣется, всѣ были очень рады освободиться отъ моихъ понужденій. Прямаго, однако же, повода жаловаться на Сперанскаго я еще не имѣлъ. Передъ отъѣздомъ своимъ за границу, разсматривая нѣкоторыя изъ моихъ работъ, онъ даже показалъ видъ, что совершенно ими доволенъ и мы разстались, по наружности, добрыми друзьями».

16-го декабря 1808 года, т. е. вскорѣ по возвращеніи изъ Эрфурта, Сперанскій, наслѣдовавшій всѣ личные доклады у Государя послѣ уволеннаго въ отпускъ Новосильцова, былъ назначенъ, на его мѣсто, и товарищемъ министра юстиціи. Назначеніе это послѣдовало именно для коммиссіи. «Желая—сказано было въ данномъ тогда же министру рескриптѣ—сколь можно ускорить совершеніемъ возложенныхъ на коммиссію составленія законовъ трудовъ, я поручаю вамъ, особенно и исключительно отъ всѣхъ прочихъ дѣлъ, къ производству правительствующаго сената и департамента юстиціи принадлежащихъ, употребить по

сей части дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сперанскаго. По дѣламъ сей коммиссіи, усмотрѣнію моему подлежащимъ, имѣетъ онъ мнѣ докладывать».

Прежде обозрѣнія, по другимъ нашимъ матеріаламъ, трудовъ и образа дѣйствія въ коммиссіи законовъ новаго товарища министра юстиціи, выслушаемъ до конца разсказъ о томъ Розенкампфа (въ его запискахъ), имѣющій интересъ подробнаго современнаго перечня событій:

«По возвращеніи Сперанскаго изъ Эрфурта—писалъ секретарь и первый референдарій коммиссіи,—я встрѣтилъ въ немъ, къ удивленію моему, совсѣмъ другаго человѣка. Онъ принялъ меня надменно, съ тономъ выскочки передъ подчиненнымъ, а въ разсужденіяхъ своихъ о коммиссіи обнаружилъ еще бо́льшаго верхогляда въ дѣлѣ науки, давая мнѣ понять, что не только считаетъ себя вполнѣ созданнымъ для новаго своего назначенія, но и паритъ геніальнымъ полетомъ надъ всѣми трудностями Русскаго законодательства. Уже прежде приверженный отъ души къ Французской системѣ централизаціи и усердный почитатель Наполеоновскаго кодекса, онъ, съ тѣхъ поръ какъ побылъ вблизи самаго источника, вполнѣ увѣрился, что подобное чудо можно и должно сотворить и у насъ. Дѣло же было и не слишкомъ мудреное: Французскій кодексъ состоитъ всего навсе изъ 1800 параграфовъ, и передать ихъ въ прекрасныхъ Русскихъ фразахъ можно, безъ большаго труда, въ какой нибудь годъ. При первомъ свиданіи онъ объявилъ мнѣ только, что коммиссіи непремѣнно нужно дать другое устройство, другой планъ, другія формы, чѣмъ онъ и займется неотложно. Я хотѣлъ было войти въ нѣкоторыя объясненія; но начальникъ мой такъ былъ занятъ, такъ поглощенъ дѣлами, визитами и аудіенціями, что мнѣ не удалось промолвить ни одного сло́ва. Глаза̀ всей публики были обращены на великаго государственнаго мужа, кото-

рый теперь еще больше и еще свободнѣе прежняго говорилъ по-французски. Въ Эрфуртскую поѣздку онъ имѣлъ все удобство вполнѣ вкрасться въ довѣріе Императора Александра. При способности своей импровизировать ссылки на факты и указы, которыхъ некому было повѣрять, онъ убѣдилъ Государя, что работы коммиссіи идутъ по совершенно ложному пути и что, для составленія хорошей книги законовъ, необходимы совсѣмъ другіе пріемы. Когда же Государь выгодно отозвался ему обо мнѣ, то Сперанскій отвѣчалъ, что меня, въ самомъ дѣлѣ, можно употребить съ пользою къ обработкѣ гражданскаго уложенія, но управлять цѣлымъ составомъ коммиссіи я не въ состояніи, уже и потому, что не знаю довольно по-русски. Точно также умѣлъ онъ представить и князя Лопухина неспособнымъ къ направленію законодательныхъ трудовъ, и въ этомъ отношеніи совершенно сошелся съ мыслями Государя. Вслѣдъ за тѣмъ князь вручилъ мнѣ составленный, безъ моего участія и уже переписанный начисто, протоколъ, съ приказаніемъ заготовить по немъ исполненіе. Это былъ проектъ доклада, которымъ доказывалась необходимость преобразовать коммиссію и въ которомъ излагались главныя начала для другаго распорядка ея работъ. Вскорѣ не замедлило явиться и соотвѣтственное тому положеніе. Противъ прежняго, въ *сущности*, перемѣнено было очень мало; *въ именахъ и формахъ*— почти все. Носимое мною званіе перваго референдарія и главнаго секретаря, а также должности редакторовъ, ихъ помощниковъ и пр., упразднялись и, въ замѣнъ, были учреждены начальники отдѣленій, особо для каждаго права: гражданскаго, уголовнаго, торговаго, провинціальнаго и пр. Меня сравняли съ прочими начальниками отдѣленій и въ этомъ званіи поручили мнѣ составлять гражданское уложеніе, по данному плану, содержавшему въ себѣ однѣ заголовки, почти тѣже, что и въ Наполеоновскомъ кодексѣ.

Новаго являлось тутъ еще учрежденіе, для пересмотра будущаго проекта гражданскаго уложенія, особаго комитета, или совѣта, составленнаго изъ князя Лопухина, графа Завадовскаго (который однако уклонился отъ присутствованія), Новосильцова (уже возвратившагося въ Петербургъ), князя Чарторижскаго, графа Северина Потоцкаго и сенаторовъ Алексѣева и Карнѣева. Сперанскій окончательно забралъ всю коммиссію въ свои руки, отстранивъ Лопухина отъ всякаго на нее вліянія. Кромѣ того онъ уволилъ изъ коммиссіи многихъ прежнихъ моихъ редакторовъ и другихъ чиновниковъ.

«Все это, вмѣстѣ съ разными еще другими, лично мнѣ нанесенными непріятностями, чрезвычайно меня огорчило, такъ что, продолжая заниматься порученною мнѣ работою по гражданскому уложенію, я совсѣмъ перестал являться къ Сперанскому. Вдругъ однажды, въ концѣ февраля 1809-го года, онъ самъ ко мнѣ зашелъ, съ огромною кипою бумагъ, и объявилъ, что это—готовый проектъ гражданскаго уложенія. Пока я сбирался поздравить его, что дѣло устроилось безъ моей помощи и такъ скоро, онъ сталъ изливаться въ горькихъ жалобахъ на тѣхъ людей, которымъ (въ секретѣ отъ меня) довѣрилъ составленіе проекта; говорилъ, что никакъ не можетъ внести уродливую ихъ работу въ совѣтъ коммиссіи, предназначавшійся къ открытію 1-го мая, и просилъ меня немедленно заняться изложеніемъ вновь первой части, т. е. *права лицъ*. Не имѣвъ возможности, какъ начальникъ отдѣленія собственно по этой части, отказаться отъ такого порученія, я жаловался только на краткость остающагося срока. Сперанскій возражалъ противъ этого самымъ лестнымъ для меня образомъ; говорилъ, что непремѣнно доложитъ о моемъ содѣйствіи Государю и обратитъ его вниманіе на важность моей заслуги, и, разумѣется, не сдержалъ даннаго слова.

Я обѣщалъ исполнить все, что̀ въ моихъ силахъ, повторяя, однако, сомнѣніе чтобъ черезъ два мѣсяца можно было предложить совѣту такой кодексъ, котораго не написано еще и первой строки. Онъ съ своей стороны отвѣчалъ что, съ помощью приготовительныхъ моихъ работъ и при извѣстномъ моемъ талантѣ, проектъ, вѣрно, будетъ готовъ. Словомъ, вся важность для него состояла только въ томъ, чтобъ дѣло, хоть какъ нибудь, да поспѣло: ему хотѣлось сжать не посѣявши, и во всемъ ясно выказывалась обыкновенная его поверхностность. Съ этихъ поръ онъ началъ посѣщать коммиссію почти ежедневно и проходить со мною мою работу по мѣрѣ того, какъ она поспѣвала.

«1-го мая явились въ коммиссію члены новаго ея совѣта. Имъ дали понять, что предлагаемая на разсмотрѣніе глава проекта уже прочитана предварительно Государемъ. Новосильцовъ, Чарторижскій и Потоцкій предъявили нѣсколько основательныхъ замѣчаній, которыя, однако, всѣ, частію тутъ же, частію въ слѣдующее засѣданіе, были отвергнуты, или обойдены. Князь Лопухинъ молчалъ и только поглядывалъ на меня. Алексѣевъ согласился съ общимъ одобрительнымъ заключеніемъ, но замѣтилъ, что статьи проекта, хотя къ нимъ и подведены ссылки на Русскіе указы, отзываются чѣмъ-то чужеземнымъ, затрудняющимъ ясное уразумѣніе ихъ для Русскаго законника. Я тогда еще не зналъ Алексѣева, человѣка очень опытнаго и умнаго, Сперанскій же увѣрялъ меня, что это—невѣжественный подьячій, котораго назначили въ коммиссію только потому, что онъ пользуется нѣкоторою извѣстностію между Русскими правовѣдами и давно сидитъ въ сенатѣ. Между тѣмъ недѣля шла за недѣлею, протоколъ и главы подписывались и въ октябрѣ *пра̀во лицъ* было кончено и отдано въ печать. Сперанскій, держа самъ корректуру, позволялъ себѣ при ней не мало новыхъ по-

правокъ и перемѣнъ. Были, впрочемъ, и внѣ коммиссіи, люди, понимавшіе дѣло лучше, чѣмъ казалось на видъ. Та́къ однажды у старика графа Строганова (Александра Сергѣевича), на дачѣ его на Малой Невкѣ, былъ, какъ и часто осенью, фейерверкъ. Я находился тоже въ числѣ гостей. «Voilà, mon cher—сказалъ онъ мнѣ, намекая явно на Сперанскаго—comme nous lançons nos fusées, chacun à sa manière; mais vous voyez que l'obscurité y succède immédiatement».

Записки Розенкампфа, къ сожалѣнію, оканчиваются началомъ 1810-го года. Но и изъ вышеприведеннаго отрывка уже ясно видно, въ какомъ непріязненномъ противъ Сперанскаго духѣ онѣ написаны и какія Розенкампфъ выставлялъ причины своего неудовольствія, хотя новый начальникъ не переставалъ тѣшить его тщеславіе испрашиваніемъ ему щедрыхъ наградъ (*).

Обратимся теперь къ другимъ источникамъ.

Въ періодъ до 1812-го года чисто-законодательныя работы менѣе другихъ привлекали къ себѣ дѣятельность Сперанскаго. Онъ поступилъ въ коммиссію законовъ безъ всякаго юридическаго приготовленія, чуждый Нѣмецкой литературы, по незнанію самаго языка, незнакомый почти ни съ чѣмъ, кромѣ Французскаго кодекса и энциклопедическаго сочиненія о Французскихъ законахъ, Флорижона—автора теперь совсѣмъ забытаго, а тогда составлявшаго его настольную книгу (**). Напитанный Наполеоновскими идея-

(*) 1 января 1810 года Розенкампфъ получилъ Владиміра 3 степени, а 5 апрѣля 1811 былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

(**) Въ этомъ юридическомъ малознаніи своемъ онъ и самъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ (въ октябрѣ 1804-го года), не скрывался отъ Женевскаго юриста Дюмона (Dumont), который былъ съ нимъ въ перепискѣ и потомъ самъ пріѣзжалъ на время въ Россію. Извѣщая его о образованіи новой коммиссіи законовъ подъ начальствомъ Новосильцова, Сперанскій писалъ тогда: «N'étant pas employé dans cette

ми, онъ не давалъ никакой цѣны отечественному законодательству, называлъ его варварскимъ и находилъ совершенно безполезнымъ и лишнимъ обращаться къ его пособію. Все это, вмѣстѣ съ недосугомъ отъ безчисленнаго множества другихъ дѣлъ, болѣе настоятельныхъ, было причиною слабаго успѣха работъ по уложеніямъ. Въ изданномъ болѣе двадцати лѣтъ послѣ того, «Историческомъ обозрѣніи свѣдѣній о Сводѣ Законовъ», Сперанскій самъ нѣкоторымъ образомъ въ томъ сознался, говоря, что коммиссія, въ послѣднемъ ея образованіи, также какъ и всѣ предшедшія, не достигла своего предназначенія. Полнѣйшее еще, можетъ статься, сознаніе, хотя и не прямо выраженное, недостаточности этихъ работъ за сказанную эпоху, мы находимъ въ томъ, что онъ почти совсѣмъ умолчалъ о нихъ въ своей автобіографіи.

Но въ то время, по крайней мѣрѣ въ началѣ, Сперанскій иначе смотрѣлъ на это дѣло; ни мало не отчаяваясь въ успѣхѣ, онъ, кажется, даже на вѣрное ожидалъ его, частію именно отъ тѣхъ преобразованій, на которыя такъ горько жаловался Розенкампфъ. «Сколько постороннія мои хлопоты и развлеченная работа дозволили,—писалъ онъ, 13-го апрѣля 1809-го года, графу Кочубею—успѣли мы дать нѣкоторое образованіе коммиссіи законовъ. Преобразованы экспедиціи; болѣе пятидесяти человѣкъ лишнихъ исключено; установленъ порядокъ работъ; сдѣлано положеніе, коимъ все приведено къ одному средоточію, а для ревизіи нашихъ работъ, для разрѣшенія противурѣчій и трудностей въ законахъ, наипаче же для примиренія коммиссіи съ общимъ мнѣніемъ и для доставленія трудамъ ея нѣкотораго въ отечествѣ нашемъ довѣрія, учрежденъ особенный при ней

partie et presque étranger au genre de connaissances qu' elle exige, je ne suis pas à portée de me prononcer sur l'intensité des talents que la Commission peut renfermer dans son sein.»

совѣтъ. Я надѣюсь, что съ мая двинется и, хотя не быстро, все пойдетъ, въ первый разъ, въ порядкѣ и безостановочно». Проекты уложеній онъ предполагалъ составлять при содѣйствіи иностранныхъ и въ особенности Французскихъ ученыхъ законовѣдцевъ. Для работъ собственно по частному или гражданскому праву Наполеонъ, еще въ Эрфуртѣ, самъ рекомендовалъ славившихся въ то время Французскихъ правовѣдовъ Локре (Locré) и Легра (Legras), которые и были, вслѣдствіе того, назначены корреспондентами нашей коммиссіи. О выборѣ такого же корреспондента для права публичнаго, (для части уголовной, судоустройства и разныхъ предметовъ государственнаго хозяйства), Сперанскій, по приказанію Государя, писалъ Талейрану, который въ пространномъ отвѣтѣ (10-го февраля 1809-го), весьма лестномъ для нашего статсъ-секретаря, указалъ на Дюпона (Dupont de Némours). Кажется, однако, что сношенія съ этими юрисконсультами ограничились однимъ обмѣномъ нѣсколькихъ писемъ.

Какъ бы то ни было, но Сперанскій, очевидно, ошибался здѣсь въ методѣ работы. Обманывая себя мнимою легкостію задачи, онъ приступилъ прямо къ *концу*, т. е. къ сочиненію *новаго уложенія*, не приготовивъ ни *начала*—собранія законовъ, ни *середины*—свода ихъ. Онъ предпочиталъ скорѣе творить, нежели углубляться въ изысканія малоизвѣстныхъ ему прежнихъ законовъ, изысканія всегда очень трудныя и притомъ не блистательныя, даже и тогда, когда они бываютъ успѣшны (*).

(*) Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что позже, во вторую эпоху своего призванія къ законодательнымъ трудамъ (мы называемъ второю эпохою 1826-й годъ, потому что работы по уложеніямъ 1821 — 1825-го годовъ были лишь продолженіемъ прежнихъ 1809—1812-го), Сперанскій, какъ мы увидимъ ниже, сознавъ и эту свою ошибку, отказавшись отъ мысли составлять, непосредственно, новые проекты и ограничась сис-

1-го января 1810-го года, вмѣстѣ съ открытіемъ государственнаго совѣта, и коммиссія законовъ подверглась опять новому преобразованію, по предложенію самого Сперанскаго. Она была обращена въ установленіе, состоящее при государственномъ совѣтѣ, собственный ея совѣтъ упраздненъ и начальникомъ ея, не только по существу, какъ было прежде, но и по имени, назначенъ Сперанскій, съ титуломъ *директора*. Работы коммиссіи опредѣлено вносить на разсмотрѣніе департамента законовъ. Въ тоже время манифестъ 1-го января 1810-го года, въ словахъ, исполненныхъ надеждъ, объявилъ Россіи, что первая часть гражданскаго уложенія уже окончена и что другія постепенно и непрерывно за нею послѣдуютъ.

Но и здѣсь предусмотрительность человѣческая снова обнаружила всю свою шаткость. Уложенію, столь торжественно возвѣщенному, предстояла таже участь, какъ и большей части организаціонныхъ идей Сперанскаго. Манифестъ 1810 года упомянулъ объ этомъ уложеніи передъ лицомъ народа въ первый и—въ *послѣдній* разъ!

Мы уже говорили, что первая часть проекта была вручена Государемъ предсѣдателю государственнаго совѣта въ день его открытія. По мѣрѣ того, какъ она разсматривалась, въ коммиссіи приготовлялись и слѣдующія части: вторая (*право вещественное*) и третья (*право договоровъ*). Розенкампфъ еще употреблялся къ составленію предварительныхъ проектовъ, но участіе его въ томъ оставалось уже безъ всякихъ результатовъ для дѣла. Все, что онъ писалъ, было безпощадно мараемо Сперанскимъ и большею частію передѣлываемо совсѣмъ заново. Занятіямъ этимъ директоръ коммиссіи посвящалъ исклю-

---

тематическими сводами, которые дѣйствительно должны—какъ то и было во всѣхъ законодательствахъ—предшествовать новымъ или исправленнымъ уложеніямъ.

чительно утро понедѣльника, передъ засѣданіемъ совѣта. Въ 6 часовъ являлся къ нему старшій письмоводитель коммиссіи, Ѳедоръ Павловичъ Вронченко (*), съ Русскимъ переводомъ тѣхъ тетрадей, которыя вносились отъ Розенкампфа по-французски. Сперанскій, прочитывая работу, перечеркивалъ бо̀льшую ея часть, исправленное имъ Вронченко приводилъ въ порядокъ, а четыре писца переписывали, и къ началу засѣданія поспѣвало нѣсколько стройныхъ главъ, стройныхъ, конечно, болѣе только по внѣшней формѣ, чѣмъ по внутреннему содержанію и особенно по единству цѣлаго, которыхъ, при *такомъ* способѣ работы, трудно было и ожидать. Впрочемъ, какъ уже не существовало никакихъ предварительныхъ комитетовъ или совѣтовъ, то все, подъ собирательнымъ именемъ коммиссіи законовъ, ограничивалось личною работою ея директора.

Въ государственномъ совѣтѣ разсмотрѣнію проекта посвящено было, въ 1810-мъ году, начиная съ 18-го января, 43 засѣданія департамента законовъ и общаго собранія (**). Въ послѣднемъ, какъ мы уже сказали, Императоръ

(*) При Императорѣ Николаѣ I министръ финансовъ.

(**) Первоначальная мысль была разсмотрѣть проектъ гражданскаго уложенія *и на мѣстахъ*, т. е. во всѣхъ Великороссійскихъ губерніяхъ. Съ этою цѣлью внесенъ былъ Сперанскимъ проектъ наказа, которымъ предполагалось учредить, въ каждой губерніи, комитетъ изъ губернатора, председателей палатъ и губернскаго прокурора. Разсмотрѣніе должно было состоять въ томъ, чтобы «по соображеніямъ мѣстныхъ познаній и судебной практики, предложить полезные виды къ усовершенію или дополненію проекта», на что назначалось два мѣсяца, съ тѣмъ, чтобы примѣчанія комитетовъ, по разсмотрѣніи ихъ въ коммиссіи составленія законовъ, представлять къ дальнѣйшему обсужденію государственнаго совѣта. Предложеніе это было принято совѣтомъ, съ двумя только перемѣнами: 1) чтобъ къ составу комитетовъ присоединить губернскихъ предводителей дворянства и 2) чтобы срокомъ разсмотрѣнія опредѣлить, считая со дня открытія засѣданій, не два, а три мѣсяца. Журналъ о всемъ томъ былъ постановленъ совѣтомъ 17-го января 1810 года, а

Александръ всегда лично председательствовалъ. Сперанскій, въ званіи директора коммиссіи, вносилъ проекты главъ и сопровождалъ ихъ нужными объясненіями, а потомъ, въ званіи государственнаго секретаря, составлялъ журналы совѣта и докладывалъ ихъ Государю. По многимъ статьямъ происходило разногласіе, которое въ журналахъ обозначалось очень кратко, большею частію безъ объясненія доводовъ, потому что Государь разрѣшалъ такія разногласія въ самомъ засѣданіи. 14-го декабря 1810-го года совѣтъ окончилъ разсмотрѣніе и второй части уложенія. Тогда обѣ были напечатаны, для новаго пересмотра въ исправленномъ ихъ видѣ. Съ этихъ поръ ничего болѣе по предмету уложенія не входило въ государственный совѣтъ при Сперанскомъ. Разгадку тому мы находимъ въ его отчетѣ за 1810-й годъ. Онъ уже начиналъ чувствовать всѣ трудности дѣла и невозможность продолжать его урывками, среди другихъ занятій.

«Должно—писалъ онъ въ этомъ отчетѣ—знать подробности сей работы, чтобъ измѣрить всѣ ея трудности. Если бъ коммиссія составлена была, какъ напримѣръ во Франціи, изъ знаменитыхъ юрисконсультовъ, совершенно свѣдущихъ въ отечественномъ законѣ и его приложеніи; если бы дѣло сіе пріуготовлено было предшествующими сочиненіями ученыхъ людей; если бы потомъ окончательная редакція въ томъ состояла, чтобъ пересмотрѣть и свести воедино всѣ сіи матеріалы: то и тогда работа сія представляла бы еще множество затрудненій; и тогда требовала бы она одна всего времени самаго трудолюбиваго

18-го департаментъ законовъ приступилъ къ разсмотрѣнію уложенія; отсюда ясно, что уже съ самаго начала обсужденіе въ губернскихъ комитетахъ предполагалось *второю* степенью, т. е. когда проектъ пройдетъ сперва черезъ совѣтъ; но мысль эта никогда не была и не могла быть приведена въ исполненіе, потому что и въ совѣтѣ разсмотрѣніе проекта не было вполнѣ окончено.

и знающаго редактора. Во Франціи одно гражданское уложеніе, составленное, въ началѣ, Камбасересомъ по образцамъ, за сто лѣтъ начертаннымъ, пересматриваемо было потомъ три года, четыре раза перелагалось, и два почти года было еще пересматриваемо въ совѣтѣ. Всѣмъ извѣстны и составъ нашей коммиссіи, и смѣсь нашихъ законовъ, и совершенный недостатокъ всякихъ юридическихъ познаній. Не взирая однако жъ на все сіе, можно съ достовѣрностію утверждать, что въ теченіе минувшаго года не только гражданское уложеніе, но и бо́льшая часть судебнаго устава, могли бы быть окончены, если бъ всѣ сіи предметы тоже не стекались въ однѣ руки. Дѣло коммиссіи было составить своды, сдѣлать компиляціи и начертать правильные проекты. Но потомъ дѣло директора есть свести все сіе во едино, приспособить къ общему плану и наконецъ изложить съ правильностію и единообразіемъ. Работы сей у насъ раздѣлять не можно: ее долженъ дѣлать одинъ. Слѣдовательно не коммиссія, но одинъ ея директоръ отвѣтствуетъ въ умедленіи; онъ одинъ останавливаетъ движеніе сего дѣла».

Между тѣмъ двѣ первыя части уложенія, хотя онѣ были напечатаны собственно только для членовъ совѣта, огласились, болѣе или менѣе, и между посторонними лицами. Публика, въ особенности же часть ея, враждебная Сперанскому, обратила вниманіе, какъ обыкновенно бываетъ, не на достоинства работы, не на то́, что ею, во многихъ частяхъ, пополнялись весьма важные пробѣлы въ нашемъ законодательствѣ, а лишь на слабыя стороны проекта и на неизбѣжные въ такомъ дѣлѣ недостатки. Непріязнь и зависть, которыя, въ это время, уже сильно начинали ополчаться противъ Сперанскаго, нашли и тутъ желанное для себя оружіе. Произведеніе коммиссіи законовъ, или, лучше сказать, ея директора, подверглось жестокимъ порицаніямъ.

Сводъ ихъ мы опять находимъ въ вышеприведенной запискѣ Карамзина.

Колко посмѣявшись надъ законодательными попытками первыхъ лѣтъ XIX-го столѣтія и перейдя потомъ непосредственно къ эпохѣ Сперанскаго, Карамзинъ писалъ: «Опять новая декорація. Кормило законодательства въ другой рукѣ. Обѣщаютъ скорый конецъ плаванія и вѣрную пристань. Уже въ манифестѣ объявлено, что первая часть законовъ готова, что немедленно будутъ готовы и слѣдующія. Въ самомъ дѣлѣ, издаются двѣ книжки, подъ именемъ проекта уложенія. Что жъ находимъ? Переводъ Наполеоновскаго кодекса!

«Какое изумленіе для Россіянъ, какая пища для злословія!

«Благодаря Всевышняго, мы еще не подпали желѣзному скипетру сего завоевателя; у насъ еще не Вестфалія, не Италіянское королевство, не Варшавское герцогство, гдѣ кодексъ Наполеона, со слезами переведенный, служитъ уставомъ гражданскимъ. Для того ли существуетъ Россія какъ сильное государство около тысячи лѣтъ, для того ли около ста лѣтъ трудятся надъ сочиненіемъ своего полнаго уложенія, чтобъ торжественно, предъ лицомъ Европы, признаться глупцами и подсунуть сѣдую нашу голову подъ книжку, слѣпленную шестью или семью экс-адвокатами и экс-якобинцами? Петръ Великій любилъ иностранное, однако жъ не велѣлъ бы, безъ всякихъ дальнихъ околичностей, взять, напримѣръ, Шведскіе законы и назвать ихъ Русскими (*): ибо вѣдалъ, что законы народа должны быть

(*) Нужно ли оговаривать какъ ошибался здѣсь Карамзинъ? Нѣкоторые законы Петра Великаго были цѣликомъ переведены съ Шведскаго, Голландскаго и Нѣмецкаго, напримѣръ: часть воинскаго устава, всѣ военные артикулы, генеральный регламентъ, уставъ главнаго магистрата и др. Сверхъ того, при всемъ нашемъ уваженіи къ памяти Карамзина,

извлечены изъ собственныхъ его понятій, нравовъ, обыкновеній, мѣстныхъ обстоятельствъ. Мы имѣли бы уже девять уложеній, если бъ надлежало только переводить. Правда, благоразумные авторы сего проекта иногда чувствуютъ невозможность писать для Россіи то̀, что написано во Французскомъ подлинникѣ, и дошедши въ переводѣ до главы о супружествѣ, о разводѣ, обращаются отъ Наполеона къ Кормчей книгѣ; но вездѣ видно, что они шьютъ намъ кафтанъ по чужой мѣркѣ. Кстати ли, напримѣръ, начинать Русское уложеніе главою о правахъ гражданскихъ, коихъ въ истинномъ смыслѣ не бывало и нѣтъ въ Россіи? У насъ только политическія или особенныя права разныхъ государственныхъ состояній; у насъ дворяне, купцы, мѣщане, земледѣльцы и пр. Всѣ они имѣютъ особенныя права: общаго нѣтъ, кромѣ названія Русскихъ. Въ Наполеоновомъ кодексѣ читаю: participation aux droits civils ci-après exprimés, и далѣе законодатель говоритъ о правѣ собственности, завѣщаніи. Вотъ гражданскія права во Франціи; но въ Россіи господскій и самый казенный земледѣлецъ имѣетъ ли оныя, хотя и называется Русскимъ? Здѣсь мы только переводимъ, и въ иныхъ мѣстахъ не ясно. Напримѣръ въ подлинномъ сказано о человѣкѣ, лишенномъ правъ гражданскихъ: il ne peut procéder en justice ni en

---

мы должны замѣтить, что осужденіе имъ Наполеонова кодекса можно объяснить лишь политическими обстоятельствами того времени и, частію, тѣмъ реторическимъ увлеченіемъ, которому не рѣдко подвергался нашъ историкъ. Наполеоновъ кодексъ, каковы бы ни были частныя его несовершенства, вполнѣ соотвѣтствовалъ всѣмъ тогдашнимъ требованіямъ науки и общества. Замѣчательно, что, далѣе, Карамзинъ ставитъ въ упрекъ Сперанскому и то̀, что въ его проектѣ упоминается *о гражданскихъ правахъ*, (т. е. о правѣ собственности, о завѣщаніяхъ и т. п.), будто бы никогда не существовавшихъ въ Россіи. Такое странное утвержденіе можно объяснить въ критикѣ только однимъ движеніемъ раздраженной страсти.

défendant, ni en demandant; а въ переводѣ, что онъ не можетъ быть въ судѣ ни истцемъ, ни отвѣтчикомъ: слѣдственно прибьетъ васъ, ограбитъ, и за то не отвѣтствуетъ! Переводчики многое сокращаютъ: они могли бы выпустить и слѣдующія постановленія, ими сохраненныя въ описаніи движимаго и недвижимаго имѣнія: les glaces d'un appartement sont censées mises à perpétuelle demeure, lorsque le parquet sur lequel elles sont attachées fait corps avec la boiserie; quant aux statues, elles sont immeubles lorsqu'elles sont placées dans une niche pratiquée exprès pour les recevoir, encore qu'elles puissent être enlevées sans fracture ni détérioration; могли бы также не договорить объ alluvion. Отъ начала Россіи еще не бывало у насъ тяжбы о сихъ предметахъ и никто изъ Русскихъ, читая этотъ проектъ, не догадался бы, что онъ читаетъ *наше* гражданское уложеніе, если бъ не стояло того въ заглавіи; все не Русское, все не по-русски, какъ вещи, такъ и предложеніе оныхъ (*).

(*) Замѣчаніе это было сдѣлано и государственнымъ совѣтомъ, при первоначальномъ разсмотрѣніи въ немъ проекта. Многіе члены потребовали, чтобы коммиссія представила указаніе *Русскихъ* законовъ, изъ которыхъ почерпнуто уложеніе, и Сперанскій возложилъ это на извѣстнаго, въ то время, законовѣдца Ильинскаго (уже знакомаго намъ по Обольяниновской канцеляріи), находившагося при коммиссіи начальникомъ архива. Надлежало подвести подъ каждую статью ссылки на тѣ указы, изъ которыхъ она *будто бы* была почерпнута, что́ Ильинскій и исполнилъ, съ величайшимъ, однако жъ, какъ самъ онъ признается въ своихъ запискахъ, затрудненіемъ и крайнею, часто, натяжкою. Но какъ и подведенный, его стараніями, длинный рядъ узаконеній нисколько не оправдывалъ многихъ статей, то нѣкоторые члены остались при томъ убѣжденіи, что нашъ кодексъ взятъ изъ Наполеонова и несвойственъ Русскому духу. Одинъ изъ нихъ, старый генералъ Философовъ, даже поѣхалъ къ Государю ходатайствовать, чтобы Розенкампфъ, какъ Нѣмецъ и неправославнаго исповѣданія, былъ замѣненъ, при докладѣ уложенія въ совѣтѣ, вышеупомянутымъ Ильинскимъ. Послѣдній, бывъ по этому поводу призванъ къ Философову, съ которымъ не видѣлся дотолѣ лѣтъ

Ктó поймет для чего, при нашем учрежденіи опек, быть семейственному совѣту? Но въ семъ отдѣленіи Французскаго кодекса говорится о conseil de famille! Ктó поймет сію краткость въ дѣлѣ важномъ, гдѣ не надобно жалѣть словъ для ясности, и сію плодовитость въ описаніи случаевъ, совсѣмъ для насъ неизвѣстныхъ? Я слышалъ мнѣніе людей умныхъ: они думаютъ, что въ сихъ двухъ изданныхъ книжкахъ предлагается только *содержаніе* будущаго кодекса, съ означеніемъ нѣкоторыхъ мыслей. Я не хотѣлъ выводить ихъ изъ заблужденія и доказывать, что это—самый кодексъ; они не скоро бы мнѣ повѣрили: такъ сія Наполеоновская форма законовъ чужда для Русскихъ. Есть даже вещи смѣшныя въ проектѣ, напримѣръ: «младенецъ, рожденный мертвымъ, не наслѣдуетъ». Если законодатель будетъ говорить подобныя истины, то онъ наполнитъ оными сто, тысячу книгъ! Я искалъ сей аксіомы въ Code Napoléon и вмѣсто нея нашелъ: celui n'est pas

---

восемь, и узнавъ о предложенной имъ Государю мысли, до того испугался, чтобы ее не приписали собственному искательству его, Ильинскаго, что тотчасъ побѣжалъ оправдываться передъ Сперанскимъ. «Не знаю уже—прибавляетъ онъ въ своихъ запискахъ—чтó послѣ того произошло; но я оставленъ былъ въ покоѣ». Мы не будемъ, впрочемъ, останавливаться на странности нѣкоторыхъ недоразумѣній, обращавшихся по поводу уложенія въ публикѣ и даже въ государственномъ совѣтѣ и которыхъ Карамзинъ былъ только отголоскомъ. Юридическія наши свѣдѣнія, даже у государственныхъ людей, были въ то время, какъ горько и справедливо замѣтилъ Сперанскій, еще очень слабы и поверхностны. Самъ Карамзинъ былъ въ эту эпоху далеко не юристъ, даже еще и не ученый: его послѣдующее ученое образованіе шло объ руку съ его работою надъ Исторіею Россійскаго государства; съ нею созрѣли и геній Карамзина и его эрудиція. Законовѣдѣніе считалось еще тьмою, въ которую проникали лишь такъ называвшіеся тогда дѣльцы; для нихъ же все, чего они не могли найти буквально въ нашихъ указахъ, или что было выражено иными словами, казалось вредною или, по крайней мѣрѣ, безполезною чужеземщиною.

encore constitué enfant qui n'est pas né viable. Здѣсь переводчики дѣлаются авторами. Не привязываюсь къ новымъ словамъ; однако жъ скажу, что въ книгѣ законовъ странно писать *о ложѣ рѣки* (le lit de la rivière) вмѣсто *желобины, русла*. Самая выписка изъ нашихъ церковныхъ законовъ о позволенныхъ бракахъ и разводахъ сдѣлана наскоро; напримѣръ, забыта главная вина развода: неспособность къ тѣлесному совокупленію. Вижу крайній страхъ авторовъ предлагать отмѣны въ дѣлахъ духовныхъ; но въ уложеніи надлежало бы по крайней мѣрѣ сказать, что епископы въ своихъ епархіяхъ могутъ, по усмотрѣнію, дозволять браки, сомнительные по свойству жениха съ невѣстою; иначе въ небольшихъ деревняхъ скоро нельзя будетъ никому жениться отъ размноженія свойства. Хваля законъ о раздѣлѣ между братьями и сестрами, дѣтьми и родителями, уже давно предлагаемый общимъ мнѣніемъ, не знаю, можно ли сверхъ того похвалить что нибудь въ семъ проектѣ.

«Оставляя все другое, спросимъ: время ли теперь предлагать Россіянамъ законы Французскіе, хотя бы оные и могли быть удобно примѣнены къ нашему гражданскому состоянію? Мы всѣ, любящіе Россію, Государя, ея славу, благоденствіе, всѣ такъ ненавидимъ сей народъ, обагренный кровію Европы, осыпанный прахомъ столь многихъ державъ разрушенныхъ,—и въ это время, когда имя Наполеона приводитъ сердца въ содроганіе, мы положимъ его кодексъ на святый алтарь отечества (*)!!.....»

(*) За симъ слѣдуютъ въ запискѣ Карамзина предположенія о томъ, что собственно было бы нужно для Россіи по части законодательной. Любопытно, что онъ предлагалъ почти тоже, что послѣ, при Императорѣ Николаѣ, и было сдѣлано, по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи: сперва собрать законы по предметамъ, потомъ соединить однородныя части въ цѣлое, и наконецъ исправить то, что, по настоящему гражданскому состоянію Россіи, потребуетъ перемѣны; ежели же не найдется людей,

Мы видѣли выше какъ, въ отчетѣ за 1810 годъ, Сперанскій оправдывалъ медленность законодательныхъ своихъ работъ. Говоръ и насмѣшки, возбужденные въ публикѣ когда проектъ уложенія огласился, тоже, конечно, не могли остаться для него тайною. Въ Пермскомъ письмѣ онъ такъ пытался очистить себя отъ этихъ укоризнъ: «Есть люди, кои и коммиссію законовъ считаютъ вреднымъ уновленіемъ, хотя она учреждена еще при Петрѣ Великомъ и съ того времени почти непрерывно существовала. Развлеченный множествомъ дѣлъ, я не могъ сей части дать того ходу, какого бы желалъ; но смѣю сказать, что и въ ней сдѣлано, въ теченіи двухъ лѣтъ, болѣе, нежели во все предъидущее время. Цѣлое почти столѣтіе протекло въ однихъ несвязныхъ планахъ и обѣщаніяхъ; въ мое время не только составлены твердые планы на важнѣйшія части, но составлены, изданы и въ совѣтѣ разсмотрѣны двѣ труднѣйшія части гражданскаго уложенія; третья и послѣдняя требовала только отдѣлки. Со всѣмъ тѣмъ, никогда не хвалился я сими работами и охотно, и въ свѣтѣ и передъ Вашимъ Величествомъ, раздѣлялъ честь ихъ съ коммиссіею; но несправедливости людей принуждаютъ меня, наконецъ, быть любочестивымъ. Пусть сличатъ безобразныя компиляціи, представленныя мнѣ отъ коммиссіи, т. е. отъ г. Розенкампфа, и если найдутъ во стѣ два параграфа, коими бы я воспользовался: я уступлю имъ всю честь сего произведенія. Другіе искали

способныхъ для составленія прагматическаго кодекса, то издать полную сводную книгу Русскихъ законовъ по всѣмъ частямъ, *согласивъ противурѣчія* и *замѣнивъ лишнее нужнымъ*. «Для сей сводной книги—заключалъ авторъ, впрочемъ едва ли основательно—*не требуется великихъ усилій разума, ни генія, ни отличныхъ знаній ученыхъ*: не будемъ ею хвалиться въ Европѣ, но облегчимъ способы правосудія въ Россіи, не затруднимъ судей нашихъ галлицизмами и не покажемся жалкими иностранцамъ, что безъ сомнѣнія заслужимъ переводомъ Наполеонова кодекса».

доказать, что уложеніе, мною внесенное, есть переводъ съ Французскаго, или близкое подражаніе; ложь, или незнаніе, кои изобличить тоже не трудно: ибо то и другое напечатано. Въ источникѣ своемъ, т. е. въ Римскомъ правѣ, всѣ уложенія всегда будутъ сходны; но съ здравымъ смысломъ, съ знаніемъ сихъ источниковъ и кореннаго ихъ языка, можно почерпать прямо изъ нихъ, не подражая никому и не учась ни въ Нѣмецкихъ, ни во Французскихъ университетахъ».

Это справедливо. Но то обстоятельство, которое Сперанскій ставилъ себѣ въ заслугу—именно быстрота въ созданіи новаго уложенія—скорѣе можетъ быть обращено ему въ упрекъ. Онъ забывалъ, что во Франціи составленію кодекса предшествовало сильное движеніе въ умахъ, которымъ возбудилось множество новыхъ идей, и что, при всемъ томъ, потребовались годы покамѣстъ этотъ кодексъ созрѣлъ. Нашъ, напротивъ, являлся однимъ скороспѣлымъ плодомъ блестящей импровизаціи.

Чтобы не прерывать нити повѣствованія и не возвращаться болѣе (до 1821-го года) къ этому предмету, упомянемъ здѣсь, что приготовленная при Сперанскомъ, но оконченная уже послѣ его паденія, *третья* часть гражданскаго уложенія была внесена въ государственный совѣтъ въ декабрѣ 1813-го года (*). Однако, прежде чѣмъ совѣтъ

(*) Въ запискахъ преемника Сперанскаго въ званіи государственнаго секретаря, Александра Семеновича Шишкова,—не тѣхъ, которыя напечатаны, но другихъ, остающихся въ рукописи—помѣщенъ слѣдующій любопытный анекдотъ, имѣющій прямое отношеніе къ третьей части уложенія: «Въ исходѣ 1813-го года—пишетъ авторъ, который находился тогда въ свитѣ Александра за границею — прислана была ко мнѣ изъ Петербурга, для поднесенія Государю, третья часть законовъ (двѣ первыя изданы были прежде) и при ней приложенъ былъ списокъ о наградѣ трудившихся надъ сочиненіемъ ея. Мнѣ о составленіи сихъ законовъ извѣстно было по одному только слуху, потому что до

приступилъ къ ея разсмотрѣнію, послѣдовало, въ іюнѣ 1814-го года, высочайшее повелѣніе: вмѣстѣ съ нею подвергнуть новому пересмотру и *первыя двѣ части*. Наконецъ, въ 1815-мъ году, и этотъ пересмотръ былъ остановленъ возраженіями Трощинскаго, который, по опредѣленіи его вновь на службу, смѣнилъ Дмитріева въ министерствѣ юстиціи. Онъ, въ очень рѣзкомъ мнѣніи, доказы-

---

вступленія моего въ званіе государственнаго секретаря никогда не входилъ я въ это и не читалъ ихъ. Но тутъ показалось мнѣ, что я не исполню долга моего, когда поднесу Государю толь важную книгу, не имѣя о достоинствѣ и содержаніи ея ни малѣйшаго понятія. Для сего приступилъ я, напередъ, къ прочтенію оной, но, читая, нашелъ въ ней много невразумительнаго и даже противнаго здравому разсудку; увидѣлъ, что многія въ ней статьи выписаны, но весьма худо и въ иныхъ мѣстахъ противосмысленно переведены изъ Французской книги Code Napoléon. Удивясь такой небрежности и безтолковицѣ въ составленіи Русскихъ законовъ, выписалъ я нѣкоторыя изъ оныхъ и сдѣлалъ на нихъ мои примѣчанія. При докладѣ Его Величеству не могъ я объ этомъ умолчать и, представляя мои выписки, спросилъ: не угодно ли ему прочитать ихъ, дабы въ томъ удостовѣриться? Слова́ мои, казалось, не понравились Государю; онъ отвѣчалъ мнѣ сухо и довольно сурово: «ихъ составляла коммиссія законовъ подъ руководствомъ Сперанскаго; мнѣ теперь некогда читать; оставь это до другаго времени». Такимъ образомъ докладъ сей оставался нерѣшеннымъ до пріѣзда нашего въ Фрейбургъ. Здѣсь вторично доложилъ я о семъ, напомня притомъ и о спискѣ представленныхъ къ наградѣ чиновниковъ. Государь сказалъ мнѣ на это: «да ты находишь законы сіи худо написанными?»—«Мой долгъ, отвѣчалъ я, принудилъ меня не скрыть отъ Васъ моего мнѣнія; но впрочемъ я не выдаю онаго за непреложное: извольте разсмотрѣть».—«За что же и награждать ихъ? сказалъ Государь: оставь это до возвращенія нашего въ Петербургъ».—«Но меня, примолвилъ я, будутъ тамъ винить за медленность моего доклада».—«Напиши—отвѣчалъ Государь—что ты не имѣешь времени доложить мнѣ». Принужденный удовольствоваться симъ, я откланялся ему; но можно себѣ представить мое удивленіе, когда, возвратясь домой, увидѣлъ я привезенныя въ тотъ день изъ Петербурга вѣдомости, въ которыхъ напечатано, что упоминаемые по сему представленію въ спискѣ чиновники получили уже свои награды. Какимъ образомъ было сіе сдѣлано, я ни мало о томъ неизвѣстенъ».

валъ, подобно Карамзину, аналогію проекта съ чужеземными образцами и несвойственность вообще его духа Русской народности. Беречь было уже не кого! Нужно, разсудили въ совѣтѣ, сличить проектъ съ законами *существующими*, и, подъ такимъ предлогомъ,—очень благовиднымъ и основательнымъ, но *въ эту эпоху* не болѣе настоятельнымъ, чѣмъ при *первоначальномъ* разсмотрѣніи проекта,—совѣтъ положилъ (8-го марта 1815-го): *сперва* составить и напечатать систематическій сводъ дѣйствующихъ законовъ, что̀ и поручить той же коммиссіи. Не все, однако же, на чемъ было основано заключеніе совѣта, могло быть внесено въ его журналы. Въ дополненіе къ нимъ мы имѣемъ документъ, отчетливѣе раскрывающій мысли членовъ совѣта по настоящему предмету и любопытный для характеристики эпохи и тѣхъ людей, съ которыми Сперанскій ежедневно долженъ былъ бороться. Когда, въ 1821-мъ году, по возвращеніи его въ Петербургъ, Александръ снова поручилъ ему работы по уложенію, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, съ самаго его удаленія управлявшій государственною канцеляріею, счелъ долгомъ, при отсылкѣ къ нему разныхъ бумагъ по этому дѣлу, подробно объяснить тѣ особенныя причины, которыя побудили совѣтъ отвергнуть прежній проектъ. Упомянувъ о мнѣніяхъ, поданныхъ членами при пересмотрѣ уложенія въ концѣ 1814-го и въ началѣ 1815-го годовъ, Оленинъ писалъ: «Сія часть дѣяній верховнаго совѣщательнаго сословія доказываетъ, сколь далеко могутъ увлекаться отъ настоящаго предмета даже и весьма умные люди, когда они руководствуются однимъ только долговременнымъ навыкомъ. Сіи, впрочемъ опытные люди, устрашенные, частію и не безъ причины, превратностію и дерзновеніемъ мыслей и замысловъ людей нынѣшняго времени, опасаются встрѣтить, даже и въ самыхъ искреннихъ желаніяхъ лучшаго въ управленіи устройства, какія нибудь

тайныя намѣренія, клонящіяся, по ихъ мнѣнію, къ ниспроверженію стараго порядка. Сей страхъ дѣйствуетъ въ нихъ такъ сильно, что они въ существующемъ порядкѣ никакихъ недостатковъ не видятъ, хотя оный уже давно, отъ времени и отъ разныхъ обстоятельствъ, пришелъ въ совершенный упадокъ и запутанность. Въ семъ-то именно видѣ—*ниспроверженія коренныхъ нашихъ законовъ и замѣненія оныхъ совершенно новыми*—принятъ былъ нѣкоторыми изъ членовъ совѣта и проектъ гражданскаго уложенія. Малый форматъ книги, въ коей сей проектъ заключается, показался имъ весьма сомнительнымъ. Люди, привыкшіе, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, видѣть, что даже и неполное собраніе существующихъ у насъ гражданскихъ законовъ составляетъ немаловажное число бумажныхъ рукописныхъ книгъ, или десятокъ и болѣе печатныхъ томовъ въ листъ и четверку, крайне были удивлены и даже, такъ сказать, испуганы, когда объявлено было, что вся масса сихъ законовъ заключается въ одной книжкѣ, напечатанной въ восьмушку и довольно крупнымъ шрифтомъ, на 248-ми страницахъ. Въ самомъ дѣлѣ, по долговременной привычкѣ видѣть огромныя кипы существующихъ законовъ, трудно имъ было вдругъ постигнуть и убѣдиться въ томъ, что, отбросивъ изъ оныхъ все, что̀ составляетъ обыкновенную форму предисловія, объясненія, повѣствованія и общепринятаго сенатомъ заключенія, также встрѣчающіяся иногда повторенія, что, за отдѣленіемъ всѣхъ таковыхъ излишествъ при составленіи полнаго и систематическаго уложенія, самое существо закона содержится, обыкновенно, въ нѣсколькихъ строкахъ, и что потому какъ гражданское уложеніе, такъ и всѣ другія коренныя узаконенія, во всей ихъ полнотѣ, могутъ быть весьма удобно помѣщены въ маломъ числѣ небольшихъ печатныхъ книгъ. Вотъ что̀ было весьма трудно и почти невозможно доказать безъ особаго собранія

или свода существующихъ законовъ, расположенныхъ по порядку статей проекта уложенія. Вотъ почему бо́льшая часть членовъ согласилась составить таковый сводъ, для совокупнаго разсмотрѣнія съ статьями проекта и для повѣрки оныхъ. Вотъ что́, при изданіи сего проекта въ видѣ настоящаго уложенія, казалось необходимо нужнымъ для удостовѣренія въ томъ, что въ немъ нѣтъ ничего вновь выдуманнаго и ничего другаго не исключено изъ существующихъ законовъ, кромѣ того, что́, по времени и обстоятельствамъ, сдѣлалось уже неудобоисполнимымъ, и наконецъ, для убѣжденія въ томъ, что существо законовъ въ новомъ уложеніи вполнѣ выписано и хотя въ самомъ краткомъ, однако же въ весьма ясномъ видѣ расположено по порядку предметовъ».

Сверхъ гражданскаго уложенія, коммиссія законовъ, при директорѣ ея, приступила еще къ составленію устава гражданскаго судопроизводства и уложеній уголовнаго и торговаго. Уставъ былъ почти окончен еще самимъ Сперанскимъ, прочее довершено уже послѣ, и все вмѣстѣ внесено въ государственный совѣтъ въ 1813-мъ и 1814-мъ годахъ, но разсмотрѣно только въ департаментѣ законовъ, и то́ не вполнѣ. Тогдашнее положеніе дѣлъ политическихъ и отсутствіе Государя не позволили окончательно заняться этими проектами.

II.

Законодательство текущее.

Для представленія *полнаго* перечня работъ Сперанскаго по текущему законодательству за время, когда онъ состоялъ при лицѣ Императора Александра, едва ли бы нашлись теперь нужные матеріалы, а между тѣмъ уже одинъ этотъ перечень

вѣрно послужилъ бы новымъ доказательствомъ гигантской, въ то время, производительности дѣятельнаго статсъ-секретаря. Не подлежитъ сомнѣнію одно: всѣ публичные акты тѣхъ годовъ, всѣ манифесты, важнѣйшіе именные указы, даже такія положенія, которыя, принадлежа непосредственно къ разнымъ частямъ управленія, долженствовали, казалось, истекать прямо отъ ихъ вѣдомствъ,—все это было не только написано Сперанскимъ, но большею частію имъ же и задумано. Имя его въ этихъ актахъ почти нигдѣ не оглашалось, но во всѣхъ онъ принималъ участіе. Та́къ, для примѣра, укажемъ хоть на Царскосельскій лицей, который, бывъ учрежденъ въ непосредственномъ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и подъ особенным покровительствомъ тогдашняго министра Разумовскаго, существованіемъ своимъ также былъ обязанъ благой мысли Сперанскаго. Въ 1815-мъ году, на вопросъ Масальскаго, гдѣ бы ему воспитывать своего сына, Сперанскій, совѣтуя помѣстить его въ лицей, писалъ: «училище сіе образовано и уставъ его написанъ мною, хотя и присвоили себѣ работу сію другіе» (*). Сколько, по всей вѣроятности, и

(*) Лицей былъ *первымъ* закрытымъ заведеніемъ въ Россіи, котораго уставъ запрещалъ «тѣлесныя наказанія». Сперанскій во всемъ шелъ впереди другихъ. Въ приведенной уже нами статьѣ г. Колбасина, И. И. Мартыновъ, бывшій въ эту эпоху директоромъ департамента народнаго просвѣщенія, разсказываетъ: «Его Величество изволилъ начертать главнѣйшія статьи постановленія сего заведенія (т. е. лицея) и возложить на графа А. К. Разумовскаго разсмотрѣть первоначальныя сіи статьи, сообразить съ существующими уже по части просвѣщенія постановленіями и сдѣлать въ нихъ перемѣны и пополненія, для начертанія постановленія лицея. Графъ дѣло сіе поручилъ мнѣ и существующее нынѣ постановленіе, разсмотрѣнное министромъ, вскорѣ поднесено было Императору и удостоено высочайшаго его утвержденія 19-го августа 1810-го года». Въ письмѣ своемъ Сперанскій, подъ именемъ написаннаго имъ устава лицея, безъ сомнѣнія разумѣлъ тѣ «главнѣйшія статьи постановленія», о которыхъ говоритъ Мартыновъ.

въ другихъ частяхъ было подобныхъ присвоеній, особливо послѣ того какъ авторъ ихъ лишился прежней силы, а съ нею и возможности отстаивать право собственности на умственное свое достояніе!

Но на двухъ постановленіяхъ мы должны остановиться нѣсколько долѣе. Оба, по своему вліянію на умы, составили, въ то время, эпоху; оба были очень важны въ видахъ государственныхъ; оба, наконецъ, присоединились къ числу главнѣйшихъ причинъ общественной непріязни противъ ихъ автора, но оба пережили его и живутъ еще и теперь: одно—въ полномъ своемъ объемѣ и дѣйствіи, другое—если не въ самой буквѣ, то въ благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ своихъ на народное просвѣщеніе. Мы говоримъ о двухъ знаменитыхъ указахъ 1809-го года: одномъ, касательно *придворныхъ званій*, другомъ—касательно *экзаменовъ на гражданскіе чины*.

Извѣстно, что, со времени Екатерины II-й, званія камеръ-юнкера и камергера, хотя бы кто получилъ ихъ и въ колыбели, давали прямо чинъ: первое 5-го, второе—4-го класса. При такомъ простомъ способѣ достигать высшихъ чиновъ безъ труда и въ праздности, молодые люди знатнѣйшихъ фамилій часто проводили жизнь въ одной свѣтской суетѣ, безъ всякихъ серьозныхъ занятій, а если и рѣшались иногда вступать въ дѣйствительную службу, то, безъ опытности, безъ дѣловаго приготовленія, съ однимъ поверхностнымъ, въ тогдашнее время бо́льшею частію Французскимъ воспитаніемъ, нерѣдко занимали, по придворнымъ своимъ чинамъ, прямо высшія мѣста, къ огорченію заслуженныхъ подчиненныхъ и даже къ разстройству самыхъ частей. Указъ 3-го апрѣля 1809-го (№23.559), никѣмъ нежданный, рѣшенный единственно между Сперанскимъ и Государемъ, положилъ тому конецъ. Этимъ указомъ повелѣвалось: имѣвшимъ уже званіе камергеровъ

и камеръ-юнкеровъ, которые не состояли въ военной или гражданской службѣ, избрать, въ теченіи двухъ мѣсяцовъ, родъ дѣйствительной службы; впредь эти званія, при пожалованіи ихъ вновь, считать отличіями, не приносящими никакого чина; наконецъ, всякому, принимаемому ко Двору въ упомянутыя званія, продолжать, вмѣстѣ съ исправленіемъ придворныхъ обязанностей, и дѣйствительную службу и проходить ее наравнѣ съ прочими дворянами, безъ чего онъ будетъ отставленъ.

Естественно что эта энергическая мѣра возбудила общій и горькій ропотъ въ тѣхъ, которыхъ ея послѣдствія должны были коснуться или въ ихъ настоящемъ положеніи, или въ будущихъ надеждахъ. Вся, такъ называемая аристократія наша вздрогнула отъ столь дерзновеннаго прикосновенія къ тому, что̀ она привыкла считать стариннымъ своимъ *правомъ*, и цѣлыми родами возстала противъ нововводителя, котораго, послѣ такой неслыханной наглости, уже, конечно, нельзя было не признать человѣкомъ самымъ опаснымъ, стремящимся къ уравненію всѣхъ состояній, къ демократіи и, оттуда, къ ниспроверженію всѣхъ основъ имперіи. Голоса́ тѣхъ, которые безпристрастно оцѣняли необходимость мѣры, вызванной не для насильственнаго привлеченія кого либо въ службу, а для освобожденія ея отъ людей неспособныхъ или неприготовленныхъ, исходили преимущественно изъ среднихъ и нижнихъ слоевъ общества и потому не могли покрыть вопля сильныхъ. Аристократія оскорблялась и выраженіями указа, въ которыхъ *дерзкій поповичъ* такъ позорно клеймилъ всѣхъ бывшихъ дотолѣ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, указывая чего *ожидаетъ* правительство въ будущемъ и чего, слѣдственно, дотолѣ *не было*. Въ самомъ дѣлѣ, указъ говорилъ: «Постановляя сіи правила, мы желаемъ утвердить и укоренить ту необходимую истину, что каждый родъ службы требуетъ ис-

полнителей, опытностію и постепеннымъ прохожденіемъ ея пріуготовленныхъ; что переходъ и внезапное помѣщеніе изъ одной службы въ другую всегда сопряжено бываетъ съ важными неудобствами, и что къ благоустройству разныхъ частей необходимо нужно, чтобъ каждый, при самомъ вступленіи въ обязанности общественныя, избралъ и предназначилъ себѣ родъ службы, военной, или гражданской, и, сходственно сему избранію, образуясь, въ той или другой, ученіемъ или опытами, слѣдовалъ бы своему назначенію неуклонно. Симъ образомъ каждая часть государственной службы будетъ имѣть исполнителей, свойственнымъ ей упражненіемъ и опытностію пріуготовленныхъ, минутными побужденіями неразвлекаемыхъ, но полагающихъ истинную честь и уваженіе въ отличномъ и непрерывномъ исполненіи того званія, къ коему они себя благовременно опредѣлили».

Неудовольствіе вельможъ нимало не испугало Сперанскаго. Самъ онъ, нѣсколько лѣтъ позже, наученный горькими опытами, писалъ одному изъ своихъ друзей: «успѣхи даютъ нѣкоторую ложную смѣлость и предпріимчивость, ослѣпляющую лучшіе умы». Въ описываемое нами время онъ былъ именно подъ вліяніемъ порывовъ такой предпріимчивой смѣлости, если и не ложной, если и оправдывавшейся благородными ея побужденіями, то по крайней мѣрѣ для него самого весьма опасной. Ропотъ, повторяемъ, нисколько его не устрашилъ. Черезъ четыре мѣсяца послѣ указа 3-го апрѣля состоялся другой (10-го августа, № 23.781), которымъ, при окончательномъ распредѣленіи камергеровъ и камеръ-юнкеровъ по разнымъ вѣдомствамъ и должностямъ, подтверждалось: «всѣхъ прочихъ, въ назначенный срокъ не предъявившихъ желанія поступить въ дѣйствительную службу, *числить въ отставкѣ*». Слѣдственно пред-

принятая мѣра была приведена въ дѣйствіе въ полномъ ея пространствѣ.

Второй указъ 1809-го года, изданный вскорѣ послѣ перваго (9 августа, № 23.771), былъ вызванъ другими обстоятельствами.

Въ продолженіе почти столѣтія, протекшаго со времени Петра Великаго, распорядокъ чинопроизводства и вообще чиновъ по гражданскому вѣдомству далеко уклонился отъ первоначальной идеи табели о рангахъ 1722-го года. Тогда *ранги*, т. е. чины, означали—какъ видно и изъ ихъ названій—самыя мѣста и не имѣли никакого значенія отдѣльнаго. Чинъ давался только должностію и безъ нея не могъ быть полученъ ни выслугою, ни особенными служебными отличіями. Коллежскій регистраторъ былъ регистраторъ коллегіи; коллежскій секретарь—секретарь коллегіи; коллежскій ассессоръ — ассессоръ или засѣдатель коллегіи, точно также какъ военный прапорщикъ есть прапорщикъ, поручикъ—поручикъ и т. п. Но потомъ все это постепенно перемѣшалось и измѣнилось, особенно когда Екатерина II назначила *сроки выслуги* для производства въ чины до коллежскихъ ассессоровъ (16 декабря 1790, № 16.930), а Павелъ I такое производство по срокамъ распространилъ до чина статскаго совѣтника (9 декабря 1799, № 19.219). Съ этого времени чины сдѣлались почетными титулами и чѣмъ-то самобытнымъ, совершенно независимымъ и отдѣльнымъ отъ мѣстъ.

Исправить эту несообразность кореннымъ переворотомъ, какъ онъ ни былъ желателенъ, казалось тогда неудобнымъ, даже невозможнымъ. Чины, въ данномъ имъ новомъ значеніи, при всей его странности, сроднились съ народными понятіями и обычаями, стали въ связь съ пріобрѣтеніемъ дворянства, съ переходомъ военныхъ офицеровъ въ гражданскую службу и со множествомъ другихъ отношеній общественной

жизни; наконецъ, принявъ видъ и значеніе наградъ за службу, они, при тщеславіи массъ, дали въ руки правительства и важное орудіе поощренія. Всякая крутая перемѣна могла имѣть сильное вліяніе на установившіяся временемъ общественныя отношенія и произвесть большія затрудненія при замѣщеніи должностей.

Ко всему этому присоединялось еще одно особенно уважительное обстоятельство.

Въ началѣ царствованія Александра I, послѣ учрежденія въ 1802-мъ году министерства народнаго просвѣщенія, было обнародовано (24 января 1803-го)—подъ названіемъ «Общихъ правилъ народнаго просвѣщенія»—нѣчто въ родѣ программы для будущихъ дѣйствій по этой части. Здѣсь постановлялось, чтобы, черезъ пять лѣтъ со времени вновь указаннаго тогда образованія училищъ въ каждомъ округѣ, болѣе никто не былъ опредѣляемъ къ должностямъ, требующимъ юридическихъ и другихъ познаній, не окончивъ ученія въ общественномъ или частномъ заведеніи. Составители этого правила основывали его на томъ предположеніи, что, съ открытіемъ университетовъ, гимназій и другихъ училищъ, всѣ свободныя состоянія, особенно же дворянство, поспѣшатъ воспользоваться новыми способами, предоставляемыми имъ къ образованію ихъ дѣтей. На дѣлѣ вышло иначе. Число учащихся въ новооткрытыхъ заведеніяхъ нимало не соотвѣтствовало издержкамъ, употребленнымъ на устройство послѣднихъ, и дворянство даже менѣе другихъ сословій показало стремленія содѣйствовать видамъ правительства. Происходило ли это отъ нѣкоторой безпечности, свойственной нашему національному характеру, или отъ равнодушія къ наукѣ, въ то время у насъ еще почти общаго, только обманутыя ожиданія явно указывали на необходимость пріискать средство болѣе понудительное, болѣе, такъ сказать, взыскательное,

такое средство, котораго уже невозможно было бы обойти, не отказавшись отъ всякой служебной будущности для своихъ дѣтей. Сперанскій изобрѣлъ это средство въ указѣ 6-го августа.

Въ концѣ лѣта 1809-го года Императоръ Александръ, бывъ опрокинутъ изъ экипажа при переѣздѣ, черезъ Петербургскую сторону, съ Каменнаго острова въ Петергофъ, повредилъ себѣ ногу. Этотъ ушибъ, котораго слѣдствія Государь чувствовалъ, какъ извѣстно, до самой своей кончины, принудилъ его оставаться въ Петергофѣ нѣсколько недѣль въ заперти. Тамъ-то и былъ обдуманъ, приготовленъ и подписанъ достопамятный указъ. Все было сдѣлано—такъ же какъ и при указѣ 3-го апрѣля—единственно между Государемъ и Сперанскимъ. Изъ посторонних знаалъ о предстоявшемъ одинъ только графъ Аракчеевъ, который и поспѣшилъ, вслѣдствіе того, предваряя изданіе новыхъ правилъ, исходатайствовать нѣсколькимъ изъ своихъ приближенныхъ завѣтные впредь чины коллежскаго ассессора и статскаго совѣтника.

Упомянувъ, прежде всего, о безуспѣшности мѣръ, предназначенныхъ въ «Общихъ правилахъ народнаго просвѣщенія», редакторъ указа продолжалъ: «Между тѣмъ всѣ части государственнаго служенія требуютъ свѣдущихъ исполнителей, и чѣмъ далѣе будетъ отлагаемо твердое и отечественное образованіе юношества, тѣмъ недостатокъ впослѣдствіи будетъ ощутительнѣе. Восходя къ причинамъ столь важнаго неудобства, Мы находимъ, между прочимъ, что главнымъ поводомъ къ оному есть удобность достигать чиновъ не заслугами и отличными познаніями, но однимъ пребываніемъ и счисленіемъ лѣтъ службы. Въ отвращеніе сего и дабы положить преграду исканіямъ чиновъ безъ заслугъ, а истиннымъ заслугамъ дать новое свидѣтельство Нашего уваженія, признали Мы нужнымъ постановить слѣдующее» и проч.

Сущность закона состояла въ томъ, чтобы впредь никого не производить въ чинъ коллежскаго ассессора, хотя бы онъ и выслужилъ опредѣленныя лѣта, безъ предъявленія свидѣтельства одного изъ Русскихъ университетовъ о томъ, что представляемый къ производству успѣшно окончилъ въ немъ курсъ, или, явясь на испытаніе, заслужилъ одобреніе въ своихъ знаніяхъ. Такое же университетское свидѣтельство установлялось и для производства въ статскіе совѣтники, съ тѣмъ еще, чтобы представляемый состоялъ на службѣ вообще не менѣе десяти лѣтъ и въ это время не менѣе двухъ лѣтъ занималъ одну изъ особо поименованныхъ должностей. Къ указу была приложена и программа предметовъ испытанія для необучавшихся въ университетахъ, по которой требовалось: «грамматическое знаніе Русскаго языка и правильное на немъ сочиненіе; знаніе по крайней мѣрѣ одного языка иностраннаго и удобность перелагать съ него на Русскій; основательное знаніе правъ естественнаго, Римскаго и частнаго гражданскаго, съ приложеніемъ послѣдняго къ Русскому законодательству, и свѣдѣнія въ государственной экономіи и законахъ уголовныхъ; основательное знаніе отечественной исторіи; исторія всеобщая, съ географіею и хронологіею; первоначальныя основанія статистики, особенно Русскаго государства; наконецъ знаніе по крайней мѣрѣ начальныхъ основаній математики и общія свѣдѣнія въ главныхъ частяхъ физики».

Если постановленіе о придворныхъ званіяхъ возбудило противъ Сперанскаго высшее сословіе, то легко представить себѣ какой вопль, за постановленіе объ экзаменахъ, поднялся противъ него въ многочисленномъ сословіи чиновниковъ, для которыхъ этимъ постановленіемъ такъ внезапно измѣнялись всѣ ихъ застарѣлыя привычки, всѣ цѣли, вся, можно сказать, жизнь. Но кричали не одни подьячіе. Карамзинъ, въ своей запискѣ, тоже

коснулся этого предмета. «Сдѣлавъ многое для успѣха наукъ въ Россіи—говорилъ онъ — и съ неудовольствіемъ видя слабую ревность дворянъ въ снисканіи ученыхъ свѣдѣній въ университетахъ, правительство желало принудить ихъ къ тому и выдало несчастный указъ объ экзаменахъ. Отнынѣ никто не долженъ быть производимъ ни въ статскіе совѣтники, ни въ ассессоры, безъ свидѣтельства о своей учености. Доселѣ въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ требовалось отъ чиновниковъ только необходимаго для ихъ званія: науки инженерной отъ инженера, законовѣдѣнія отъ судьи, и проч. У насъ председатель гражданской палаты обязанъ знать Гомера и Θеокрита, секретарь сенатскій свойства оксигена и всѣхъ газовъ (*), вице-губернаторъ — Пиθагорову фигуру, надзиратель въ домѣ сумасшедшихъ — Римское право, или умрутъ коллежскими и титулярными совѣтниками. Ни сорокалѣтняя дѣятельность государственная, ни важныя заслуги не освобождаютъ отъ долга знать вещи, совсѣмъ для насъ чуждыя и безполезныя. Никогда любовь къ наукамъ не производила дѣйствія столь несогласнаго съ ихъ цѣлью. Забавно, что сочинитель сего указа, предписывающаго всѣмъ знать реторику, самъ дѣлаетъ въ немъ ошибки грамматическія! Не будемъ говорить о смѣшномъ, замѣтимъ только вредное. Донынѣ дворяне и недворяне въ гражданской службѣ искали у насъ чиновъ, или денегъ: первое побужденіе невинно, второе опасно: ибо умѣренность жалованья производитъ въ корыстолюбивыхъ охоту мздоимства. Теперь, не зная ни физики, ни статистики, ни другихъ наукъ, для чего будутъ служить коллежскіе и титулярные совѣтники? Лучшіе, т. е. честолюбивые, возь-

(*) Острословіе увлекло здѣсь Карамзина за предѣлы истины. Въ программѣ не было, между предметами испытаній, ни Греческаго языка, ни химіи.

мутъ отставку, худшіе, т. е. корыстолюбивые, станутъ драть кожу и съ живаго и мертваго; уже видимъ и примѣры. Вмѣсто сего новаго постановленія, надлежало бы только исполнить сказанное въ уставѣ университетскомъ, что впредь молодые люди, вступая въ службу, обязаны предъявлять свидѣтельства о своихъ знаніяхъ. Отъ начинающихъ можно всего требовать; но кто уже давно служитъ, съ тѣмъ нельзя, по справедливости, дѣлать новыхъ условій для службы: онъ посѣдѣлъ въ трудахъ, въ правилахъ чести и въ надеждѣ имѣть нѣкогда чинъ статскаго совѣтника, ему обѣщанный закономъ, а вы нарушаете сей контрактъ государственный; вмѣсто всеобщихъ знаній, должно отъ каждаго человѣка требовать единственно нужныхъ для той службы, коей онъ желаетъ посвятить себя: юнкеровъ иностранной коллегіи испытывайте въ статистикѣ, исторіи, географіи, дипломатикѣ, языкахъ; другихъ—только въ знаніяхъ отечественнаго языка и права Русскаго, а не Римскаго, для насъ безполезнаго; третьихъ—въ геометріи, буде они желаютъ быть землемѣрами, и такъ далѣе. Хотѣть лишняго, или не хотѣть должнаго, равно предосудительно».

Карамзинъ и разныя другія лица, въ современныхъ запискахъ которыхъ мы находимъ почти тѣ же самыя укоризны и насмѣшки надъ указомъ (*), смотрѣли только на *одну часть* вопроса и съ этой стороны были, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, конечно, правы; но они оставляли безъ вниманія

(*) Въ числѣ ихъ не можемъ не упомянуть о забавномъ отзывѣ Магницкаго, который, впрочемъ уже гораздо позже (въ двадцатыхъ годахъ), въ званіи попечителя Казанскаго учебнаго округа, письменно доказывалъ передъ главнымъ правленіемъ училищъ, что указъ 6 августа 1809-го состоялся—дѣйствіемъ иллюминатовъ. «Сдѣлано—писалъ онъ—положеніе, по которому все, въ старомъ благочестіи воспитанное, отрѣзано отъ всякаго повышенія и надежды по службѣ, и замѣнено людьми новаго, разрушительнаго воспитанія» (!!).

другую его часть и оттого, слѣдуя лишь минутному увлеченію общаго неудовольствія, не хотѣли предугадать будущихъ послѣдствій новаго закона. Потомство должно быть безпристрастнѣе. Сознаваясь въ важныхъ недостаткахъ этого закона, въ незрѣлости его подробностей, въ самой даже, по видимому, странности его, отдадимъ справедливость и принесенной имъ огромной пользѣ. Многихъ изъ его недостатковъ можно было избѣжать, но тогда ослабилось и отсрочилось бы дѣйствіе общей мѣры, а государственный человѣкъ, для достиженія великой цѣли, иногда принужденъ допускать частныя и преходящія неудобства.

Важнѣйшими изъ такихъ неудобствъ въ практическомъ приложеніи указа 1809-го года оказались, на дѣлѣ, слѣдующія:

1) Не были приняты въ соображеніе практическія свѣдѣнія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ для службы особенно драгоцѣнныя. Оттого чиновники 9-го класса, не имѣвшіе аттестатовъ, но опытные и дѣловые, часто по необходимости стали назначаться на мѣста высшія, а чиновники 8-го и 5-го классовъ хотя съ аттестатами, но безъ навыка и дѣловыхъ способностей, занимать подчиненныя первымъ должности.

2) Постановляя правила слишкомъ общія, указъ не обнялъ многихъ частностей. Это дало, впослѣдствіи, поводъ къ разнымъ дополненіямъ и изъятіямъ, ослабившимъ силу указа для чиновниковъ однихъ вѣдомствъ на счетъ другихъ.

3) Предметы испытаній не были, какъ и Карамзинъ замѣчалъ, довольно соображены ни съ истинною потребностію, ни съ возможностію, потому что въ тогдашней Россіи, не смотря на все размноженіе съ 1802-го года учебныхъ заведеній, ихъ никакъ не достало бы въ мѣру требованій новаго закона, и еще менѣе существовало способовъ домашняго воспитанія, даже для людей съ состояніемъ.

4) Испытаніе, распространяясь и на состоявшихъ уже въ службѣ, отвлекало ихъ отъ должностныхъ занятій; людей въ зрѣлыхъ лѣтахъ сажало снова на ученическую скамью, унижая ихъ передъ товарищами, часто младшими и службою и опытностію; наконецъ требовало нерѣдко совершенно невозможнаго, когда въ мѣстѣ служенія чиновника не было ни высшаго, ни средняго учебнаго заведенія, либо у самаго чиновника не было средствъ или времени учиться.

5) Успѣхи ученаго приготовленія шли не такъ быстро, какъ, можетъ статься, при изданіи указа предполагалось, а потому къ большому числу чиновниковъ, лишенныхъ имъ права на производство, постепенно прибывало еще множество новыхъ, тоже безъ этого права, тáкъ, что дѣлалось все болѣе и болѣе труднымъ замѣщать должности.

6) Цѣль указа состояла главнѣйше въ томъ, чтобы мѣста были занимаемы людьми образованными и свѣдущими, а вмѣсто того испытанія производились не на должности, а на чины, т. е. на почетныя званія.

Кромѣ того, при послѣдующихъ пересмотрахъ указа 1809-го года, въ общихъ видахъ разсуждаемо было—и, конечно, очень справедливо—что экзаменъ *въ наукахъ* часто бываетъ совершенно ложнымъ мѣриломъ для сужденія о *дѣловой* способности чиновниковъ; что онъ только стѣсняетъ людей заслуженныхъ и практически изучившихъ свою часть, безъ усердія которыхъ могли бы ослабнуть и самыя дѣйствія правительства; что въ продолженіе службы начальство имѣетъ случай вѣрнѣе всякаго экзамена испытать способности чиновника; наконецъ что, при опредѣленіи къ высшимъ мѣстамъ, самая необходимость принуждаетъ иногда предпочитать опытность, навыкъ къ дѣламъ и разныя другія качества всѣмъ успѣхамъ въ школьной учености.

Но съ другой стороны неоспоримо и тó, что существовав-

шій до 1809-го года порядокъ производства въ чины настоятельно требовалъ сильныхъ мѣръ къ пресѣченію вкравшихся злоупотребленій, и что необходимо было распространить въ классѣ служащихъ вообще бо́льшую массу познаній. Срокъ, назначенный правилами 1803-го года (пять лѣтъ), прошелъ, а о строгомъ примѣненіи ихъ нельзя было и думать, потому что училища стояли полупустыя. Что̀ же оставалось дѣлать, какъ не дать людямъ, образованнымъ въ университетахъ и слѣдственно наиболѣе удовлетворявшимъ условію закона, по крайней мѣрѣ преимущество передъ всѣми другими и, съ тѣмъ вмѣстѣ, положить преграду такимъ повышеніямъ въ чины, ежегодно умножавшимся, которыя обращались только въ предосужденіе и во вредъ службѣ. Наконецъ указъ 1809-го года уменьшилъ, до нѣкоторой степени, притокъ (посредствомъ достиженія чина 8-го класса за одну кратковременную выслугу) новаго потомственнаго дворянства,—цѣль, которая, безъ сомнѣнія, также имѣлась въ виду при изданіи этого закона, хотя и не была въ немъ выражена. Но главнѣйшая его польза, важнѣйшій плодъ, заключались въ послѣдствіяхъ косвенныхъ. Указомъ 1809-го года возбуждено было, если еще не общее, то, на первый разъ, хотя въ высшихъ классахъ, стремленіе давать юношеству приличное образованіе. Сначала это возбужденіе было, такъ сказать, насильственное, наперекоръ правамъ и стариннымъ понятіямъ; потомъ, дѣйствіемъ времени и даннымъ единожды движеніемъ, оно вошло въ общую привычку, словомъ, изъ средства искусственнаго, обратилось въ естественный порядокъ вещей. Чиновники, уже находившіеся на службѣ, бывъ принуждены проходить или повторять школьный курсъ, свѣдѣніями своими, набранными наскоро, въ зрѣлыхъ лѣтахъ и только для выдержанія экзамена, конечно, не принесли пользы дѣлу науки, ни бо́льшей, черезъ нее, пользы

службѣ; но важно было то, что съ ними вмѣстѣ двинулось къ образованію и молодое поколѣніе. Всѣ, кому только можно было, принялись учиться, такъ что, съ теченіемъ времени, казенныхъ заведеній, сколько правительство ни умножало ихъ числа и ни распространяло ихъ состава, вездѣ стало недостаточно. Можно, кажется, безошибочно утверждать, что, въ этомъ отношеніи, законъ 1809-го года, не смотря на то, что дѣйствіе его, вскорѣ ослабленное разными перемѣнами и изъятіями, не было допущено до полнаго развитія, принесъ болѣе плода, нежели всѣ прочія мѣры, когда либо принятыя правительствомъ. Временныя несправедливости и неудобства указа прошли и изгладились, но данное имъ благодѣтельное направленіе осталось на вѣки.

Мы сейчасъ говорили о перемѣнахъ и изъятіяхъ, которымъ подвергся указъ 1809-го года. Общая въ немъ ломка началась тотчасъ по низверженіи Сперанскаго. Не далѣе какъ *черезъ четыре дня* послѣ высылки его изъ Петербурга, первый шагъ къ тому былъ сдѣланъ по министерствамъ военному и морскому. Указомъ 21 марта 1812 года (№ 25.047) повелѣно гражданскихъ чиновниковъ ихъ вѣдомства производить въ чины 8-го и 5-го классовъ не подвергая установленному испытанію, съ тѣмъ лишь, чтобы, послѣ такого производства, они, для сохраненія полученныхъ чиновъ, оставались въ тѣхъ же вѣдомствахъ. Поводомъ къ этому изъятію указъ приводилъ довольно странную причину, стоявшую въ противурѣчіи не только съ главными началами закона 1809-го года, но нѣкоторымъ образомъ и съ собственными своими основаніями. «Усмотрѣвъ—было тутъ сказано—изъ представленій вашихъ, что гражданскіе чины, по военному министерству и разнымъ его департаментамъ и мѣстамъ подчиненнымъ служащіе, бывъ обязаны употреблять все свое время на прак-

тическое познаніе разныхъ предметовъ, въ особенный составъ ихъ службы входящихъ, не могутъ пріуготовить себя къ испытанію въ наукахъ, по указу 6 августа 1809-го года къ производству въ чины потребныхъ, и что посему усердное прохожденіе ихъ службы и безпрерывное въ оной упражненіе лишаютъ ихъ того уравненія, въ коемъ должны они съ другими гражданскими чинами находиться,—повелѣваемъ и проч.»—Вслѣдъ за тѣмъ постепенно явились и другія многочисленныя исключенія. Сперва сравнены были съ университетами, по праву выдачи свидѣтельствъ, разныя высшія училища; потомъ, съ теченіемъ времени, совсѣмъ освобождены отъ предписанныхъ испытаній на чины какъ многія спеціальныя должности и цѣлыя обширныя вѣдомства, такъ и служившіе въ разныхъ отдаленныхъ краяхъ имперіи. Наконецъ, въ томъ же 1812-мъ году, слѣдственно всего черезъ три года послѣ изданія указа, уже повелѣно было учредить особый комитетъ для составленія *новыхъ* правилъ объ экзаменахъ. Начавшійся такимъ образомъ пересмотръ закона 1809-го года продолжался, съ разными видоизмѣненіями, какъ въ сказанномъ особомъ комитетѣ, въ коммиссіи составленія законовъ и потомъ во второмъ особомъ комитетѣ, учрежденномъ въ 1821-мъ году, такъ и въ государственномъ совѣтѣ, до 1834-го года, въ которомъ, положеніемъ 25 іюня, указъ 6-го августа вполнѣ и окончательно отмѣненъ.

Но дѣло уже было сдѣлано! Въ Россіи стали учиться....

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Финансовыя работы.

I.

Послѣ смерти умнаго, опытнаго и дѣловаго графа Васильева, который управлялъ министерствомъ финансовъ съ самаго его образованія, завѣдываніе этою частію въ 1807-мъ году ввѣрено было, съ званіемъ государственнаго казначея, добродушному, но слабому Голубцову, державшемуся на мѣстѣ преимущественно угодливостію требованіямъ военнаго министра Аракчеева. Осторожность и робость Голубцова не нравились Сперанскому, который считалъ его человѣкомъ, завязшимъ въ старой избитой колеѣ. 1 января 1810-го года, въ одинъ день съ открытіемъ преобразованнаго государственнаго совѣта и съ обновленіемъ всего состава высшаго управленія, когда Аракчеевъ перестал̀ъ быть военнымъ министромъ, министерство финансовъ, за отказомъ отъ него графа Кочубея (*), было поручено Гурьеву, дотолѣ товарищу министра финансовъ

(*) Переговоры о томъ съ Кочубеемъ шли въ ноябрѣ 1809 года. Мы имѣли въ рукахъ два письма, которыми онъ усердно просилъ Сперанскаго отклонить отъ него предполагавшееся назначеніе. Они любопытны какъ доказательство, что все тогда дѣлалось черезъ Сперанскаго, и еще болѣе какъ свидѣтельство перемѣны ролей между переписывавшимися, если вспомнить, что Сперанскій не болѣе какъ за три года передъ тѣмъ вышелъ изъ подчиненности того, который теперь искалъ его ходатайства у Государя. Въ одномъ изъ этихъ писемъ Кочубей прибавлялъ: «я изъясняюсь съ вами искренно и тáкъ, какъ можетъ мало кто захотѣлъ бы изъясняться съ человѣкомъ, довѣреннымъ у Государя; но я знаю васъ и надѣюсь точно, что письменныя и словесныя сужденія мои съ вами останутся въ собственномъ вашемъ свѣдѣніи, доколѣ не будетъ надобности гдѣ либо ихъ заявить».

и завѣдывавшему удѣлами, а званіе государственнаго казначея упразднено (*).

Положеніе нашихъ финансовъ, вслѣдствіе предшедшихъ войнъ и другихъ причинъ, болѣе отдаленныхъ, было, въ то время, самое печальное. Издавна принятая система покрывать годовые дефициты новыми выпусками ассигнацій и такими же выпусками совершать почти всѣ главные обороты казны, возбуждала основательныя опасенія людей болѣе дальновидныхъ; но и всякому, даже самому обыкновенному уму было ясно, что этотъ источникъ не можетъ быть неизсякаемымъ. Постепенный упадокъ цѣнности бумажныхъ денежныхъ представителей съ первоначальнаго ихъ выпуска (въ 1787-мъ году) служилъ грознымъ предостереженіемъ для будущаго. Нельзя было безъ справедливаго опасенія смотрѣть на такой упадокъ; нельзя было и видѣть равнодушно, что средства, предлагаемыя къ восполненію недостатковъ, состояли снова—въ умноженіи

(*) Мягкосердечный и добрый Голубцовъ не сохранилъ, за внезапное устраненіе его отъ министерства, никакого злопамятства къ Сперанскому. Вотъ что́, 5 декабря 1816-го года, онъ писалъ бывшему государственному секретарю: «Я препровождаю жизнь спокойную и безмятежную, и если бы иногда болѣзненные мои припадки, проистекающіе отъ долговременной и тяжкой службы, не тревожили меня, то былъ бы еще спокойнѣе. Я хочу открыть вамъ душу и надѣюсь, что вы мое чистосердечіе примете съ доброй стороны. Въ первый годъ моей отставки винилъ я въ душѣ моей Михаила Михайловича; но по прошествіи года, когда чадъ изъ головы вышелъ, когда мракъ, отягчавшій мои мысли, изчезъ: тогда не только не винилъ, но благодарилъ Михаила Михайловича. При всегдашней моей ретивости и заботливости къ дѣламъ и по чувствительному моему характеру, не знаю, что́ бы со мною случилось; думаю, что меня бы давно на свѣтѣ не было. Благодареніе Всевышнему Создателю за спасеніе меня. Мнѣ теперь 58-й годъ; подвигаюсь къ шестидесятымъ,—тѣмъ лѣтамъ, въ которыя должно обращать мысли болѣе къ вѣчности, нежели къ мірскимъ суетамъ. Меня теперь утѣшаютъ священныя книги, которыми занимаюсь».

тѣхъ же представителей. Безпокойство это должно было возрасти до высшей степени, когда, при предварительномъ обозрѣніи финансоваго положенія на 1810 годъ, открылся дефицитъ въ 105,000,000 р., а къ его покрытію не оказывалось никакихъ другихъ способовъ. Поступило множество разнородныхъ проектовъ, но всѣ они представляли облегченія минутныя и притомъ вредныя въ своихъ послѣдствіяхъ. 125,000,000 дохода, 230,000,000 расхода, 577,000,000 долга, ни малѣйшаго запаснаго фонда, ни одного готоваго источника, управленіе казначейства самое нестройное—вотъ какою была исходная точка, отъ которой надлежало идти къ исправленію нашихъ финансовъ, къ открытію корня зла и къ возможному уничтоженію его. Сперанскій, занятый, среди множества особыхъ порученій, составленіемъ организаціонныхъ законовъ и гражданскаго уложенія, умѣлъ, при изумительной своей дѣятельности, найти время вникнуть и въ этотъ предметъ. Въ частыхъ своихъ бесѣдахъ съ Государемъ, онъ убѣдился и старался доказать, что финансовыя наши затрудненія происходятъ наиболѣе отъ ложныхъ началъ, на которыхъ дотолѣ велось ихъ управленіе. Вслѣдствіе того, въ ноябрѣ 1809-го года, уже почти наканунѣ замѣщенія Голубцова Гурьевымъ, Сперанскому было поручено составить опредѣлительный и твердый планъ финансовъ. Такимъ образомъ этотъ Протей вступалъ опять на новое, совсѣмъ еще незнакомое ему поприще—государственнаго хозяйства.

Въ Европѣ господствовали въ то время, почти безусловно, идеи геніальнаго Адама Смита. Но внеся сочиненіемъ своимъ многія великія истины въ науку народнаго хозяйства, онъ пустилъ въ ходъ и нѣсколько мнѣній болѣе смѣлыхъ нежели основательныхъ. Нѣкоторые изъ подобныхъ парадоксовъ, пройдя черезъ руки Французскихъ и Нѣмецкихъ экономистовъ, имѣвшихъ притязаніе дополнить

и усовершить его систему, разлились по Европѣ въ видѣ истинъ столь же безспорныхъ и непреложныхъ, какими были прочія его идеи. Государственные люди, усвоившіе себѣ экономическія понятія изъ этихъ писателей, покушались приложить теоріи Смита къ практикѣ управленія; успѣхъ не вездѣ соотвѣтствовалъ ожиданіямъ. Съ другой стороны вопросы, возбужденные славнымъ Англичаниномъ касательно основныхъ стихій промышленности и матеріальныхъ силъ народа, нигдѣ не были подвергнуты изслѣдованію столь глубокому, какъ въ собственномъ его отечествѣ. Рикардо, Мальтусъ и другіе писатели, разбирая эти вопросы въ Англіи передъ соединеннымъ судомъ публики и правительства, удостовѣрились въ томъ, ка́къ еще далеко отстояло отъ полноты разрѣшеніе главныхъ даже задачъ, ка́къ мало были изчерпаны представлявшіяся данныя и ка́къ, наконецъ, при сложности фактовъ и многоразличіи результатовъ, обманывавшихъ иногда на дѣлѣ всѣ разсчеты теоріи, трудно было остановиться здѣсь на чемъ либо безусловномъ и непреложномъ. Если существованіе такихъ трудностей было усмотрѣно въ краѣ высшей образованности и публичности, въ самой родинѣ Смитова ученія, гдѣ, впрочемъ, разнообразіе системъ никогда не задерживало развитія народнаго богатства; то легко было предвидѣть, какими, несравненно еще бо́льшими затрудненіями будетъ сопровождаться приложе́ніе этихъ теоремъ къ государству съ другою формою правленія, съ столь малою, по соразмѣрности, степенью просвѣщенія и съ совершеннымъ отсутствіемъ гласности и общественнаго мнѣнія. Но Сперанскаго, при стремленіи его исправить и обновить все старое и вездѣ оставить слѣды своей дѣятельности, никогда не пугали трудности. Въ дѣлѣ, гдѣ многое, для успѣха, должно было обусловливаться самымъ близкимъ знаніемъ края и его силъ, онъ отважился идти впе-

редъ съ однимъ свѣтильникомъ науки, еще не вполнѣ утвердившейся, и вообще тогда, въ началахъ своихъ, а тѣмъ болѣе въ примѣненіяхъ, еще весьма шаткой. Нѣкоторыя изъ многочисленныхъ переложеній Англійскаго ученаго, слитыя съ умозрѣніями Французскихъ экономистовъ и разведенныя многословными комментаріями Нѣмецкихъ писателей той эпохи, проникли и въ Петербургъ. Но, бывъ преподаваемы и при Дворѣ (академикомъ Шторхомъ) и въ учебныхъ заведеніяхъ (профессоромъ Балугьянскимъ), эти теоріи долго оставались безъ всякаго вліянія и воздѣйствія на мѣры правительства. Сперанскій первый у насъ покусился ввести ихъ въ практику.

Чтобы обозрѣть труды его по этой части, намъ должно возвратиться нѣсколько назадъ.

Нѣкто Орлай, родомъ Карпатороссъ, окончивъ университетскій курсъ въ своемъ отечествѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь, перейдя изъ Грекоунитскаго исповѣданія въ православіе, рѣшился прослушать новый курсъ въ Александроневской семинаріи, въ то самое время когда тамъ обучался Сперанскій. Потомъ онъ посвятилъ себя медицинѣ и окончилъ еще третій курсъ въ медико-хирургической академіи, гдѣ и остался профессоромъ, состоя, въ тоже время, секретаремъ при довѣренномъ лейбъ-медикѣ Александра Виллie. Въ 1804 году, вслѣдствіе рекомендаціи Орлая, пущенной въ ходъ черезъ Виллie, выписаны были, на открывшіяся въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ профессорскія каѳедры, три его соотечественника: Балугьянскій, Лоди и Кукольникъ, которыхъ Новосильцовъ причислилъ всѣхъ трехъ и къ коммиссіи составленія законовъ, давъ тамъ первому мѣсто референдарія по части политической экономіи, финансовъ и публичнаго права. Орлай представилъ Балугьянскаго старому своему соученику по семинаріи, управлявшему въ то время второю экспедиціею ми-

нистерства внутреннихъ дѣлъ. Пріемъ былъ, по обыкновенію, самый вѣжливый и привѣтливый; но этимъ, покамѣстъ, и ограничились ихъ сношенія. Тогда же Гурьевъ, еще только товарищъ министра финансовъ, просилъ Балугьянскаго изложить его мысли и предположенія о средствахъ къ лучшему устройству нашихъ финансовъ. По назначеніи Сперанскаго присутствующимъ въ совѣтѣ коммиссіи законовъ, Балугьянскій почелъ долгомъ свою работу по этому порученію, уже приближавшуюся къ окончанію, показать новому своему начальнику. Послѣдній похвалилъ ее и настоялъ на продолженіи, а между тѣмъ, по рекомендаціи другаго чиновника коммиссіи, Вирста, которому пріобрѣли нѣкоторую извѣстность въ публикѣ финансовыя его сочиненія, выписалъ изъ Харькова профессора Якоби, вызваннаго въ тамошній университетъ изъ Галле во вниманіе къ изданной имъ книгѣ о банкахъ. Изъ этихъ трехъ лицъ, т. е. Балугьянскаго, Вирста и Якоби, Сперанскій образовалъ, для составленія финансоваго плана, особый комитетъ. Но совокупный ихъ трудъ не удовлетворилъ его и онъ предпочелъ обратиться къ тѣмъ идеямъ, которыя были изложены въ прежней работѣ Балугьянскаго. Послѣдній, человѣкъ добрый, рыцарь благородства, полный усердія и очень ученый, но вовсе не практическій (*), написалъ, вслѣдствіе того, обширную записку на Французскомъ языкѣ, которую Сперанскій переложилъ на Русскій, но въ другой формѣ и со многими перемѣнами и дополненіями. Въ этомъ видѣ записка была потомъ разсматриваема и обсуживаема, въ домашнихъ совѣщаніяхъ, за обѣдами у графа Северина Потоцкаго (тогда еще сенатора, а 1-го января 1810 года назначеннаго членомъ государственнаго совѣта), въ которыхъ,

---

(*) Мы будемъ еще имѣть случай подробнѣе говорить о немъ въ послѣдней части нашего труда.

сверхъ Сперанскаго, участвовали только адмиралъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, Кочубей, Кампенгаузенъ и Балугьянскій. Наконецъ все подверглось оффиціальному еще пересмотру въ особомъ комитетѣ, собиравшемся у Гурьева, и результатъ сказанныхъ совѣщаній и пересмотровъ—окончательно изготовленный планъ финансовъ—былъ, какъ мы говорили, врученъ Императоромъ Александромъ предсѣдателю государственнаго совѣта въ самый день его открытія (1-го января 1810-го года). Объ этомъ планѣ упоминалось и въ томъ манифестѣ, при которомъ было издано образованіе совѣта. «Настоящее положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ — всенародно возвѣщалъ манифестъ—требуетъ неукоснительнаго разсмотрѣнія и опредѣленія. На сей конецъ доставимъ Мы совѣту планъ финансовъ, составленный на началахъ, части сей наиболѣе свойственныхъ. Главныя основанія сего плана состоятъ въ томъ, чтобъ всевозможнымъ сокращеніемъ издержекъ привести ихъ въ надлежащую соразмѣрность съ приходами, установить во всѣхъ частяхъ управленія истинный разумъ доброй экономіи, и самыми дѣйствительными мѣрами положить твердое основаніе постепенной уплатѣ государственныхъ долговъ, коихъ ненарушимость, удостовѣренную всѣми государственными богатствами, Мы всегда признавали и будемъ признавать однимъ изъ важнѣйшихъ и неприкосновенныхъ обязательствъ Нашей имперіи».

Самый планъ, составлявшій рукопись въ нѣсколько сотъ листовъ, не былъ, вопреки обыкновенію, принятому Сперанскимъ по другимъ дѣламъ, напечатанъ даже и для членовъ совѣта. Сверхъ обширнаго введенія, онъ содержалъ въ себѣ 238 статей текста, или настоящихъ предположеній. Главная идея, которую старался провести авторъ, заключалась въ томъ, что всякій финансовый планъ, указывающій способы легкіе и не полагающій никакого ограниченія

въ расходахъ, есть явный обманъ, влекущій государство въ погибель. «Тотъ — писалъ Сперанскій — кто рѣшится предлагать или защищать такіе планы, обличитъ только свое неразуміе, или своекорыстіе. Общее правило во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ: всѣ великія предпріятія совершаются трудомъ, твердостію и терпѣніемъ. Чтобъ вывесть Россію изъ несчастнаго ея финансоваго положенія, нужны сильныя мѣры и важныя пожертвованія. Подъ именемъ *сильныхъ мѣръ* здѣсь разумѣется та непреоборимая твердость, съ какою принятому разъ плану должно слѣдовать, отражая всѣ мелкія уваженія, кои ему противупоставляются, и не устрашаясь ропотомъ, слухами или злословіемъ. Подъ именемъ *пожертвованій*—тотъ духъ умѣренности и экономіи, съ коимъ и самыя полезныя начинанія должны быть предпріемлемы, а иногда и предпріятыя уже останавливаемы».

Департаментъ экономіи, на разсмотрѣніе котораго это дѣло сначала поступило, состоялъ тогда изъ преждебывшаго морскаго министра, выше нами названнаго адмирала Мордвинова, изъ графа Кочубея, Александра Александровича Саблукова, Ивана Васильевича Тутолмина и графа Северина Потоцкаго. Мордвиновъ, человѣкъ съ энциклопедическими свѣдѣніями, съ блестящимъ даромъ слòва и искуснымъ перомъ, пользовался большою популярностію въ публикѣ за независимость своихъ мнѣній и за безстрашное, энергическое предстательство во всемъ, что̀ онъ считалъ общественною пользою, законностію и неприкосновенностію частныхъ правъ, и пр. (*). Впро-

(*) Сперанскій называлъ его человѣкомъ съ умомъ обширнымъ, но «подавляемымъ забѣгами воображенія». Разныя мнѣнія Мордвинова по государственнымъ вопросамъ, которыя, съ недавнихъ поръ, стали появляться у насъ въ печати,—новость только для теперешняго поколѣнія. Въ свое время авторъ самъ любилъ распространять ихъ въ публикѣ, между которою они всегда расходились во множествѣ экземпляровъ.

чемъ, при нѣкоторомъ знаніи характера Мордвинова, склонить его на свою сторону было не всегда трудно. Сверхъ того онъ, Кочубей и Потоцкій—всѣ трое въ то время сторонники Сперанскаго—считали себя, по участію въ предварительныхъ совѣщаніяхъ объ этомъ дѣлѣ, нѣкоторымъ образомъ и составителями плана, представленнаго теперь на ихъ разсмотрѣніе. Остальные два члена: Саблуковъ и Тутолминъ, были люди весьма почтенные, но дѣловые рутинисты, безъ особыхъ свѣдѣній въ финансовой наукѣ. И они въ департаментѣ экономіи, и прочіе члены совѣта въ общемъ собраніи, когда дѣло было туда перенесено, не могли ни обсудить его спеціально, ни противостоять данному свыше направленію, если бы даже и имѣли нужныя къ тому свѣдѣнія и силы. Огромное большинство одобрило всѣ предложенныя въ планѣ мѣры, и не далѣе какъ всего через мѣсяцъ отъ внесенія его въ совѣтъ уже появился манифестъ 2-го февраля 1810-го года (№ 24.116), въ которомъ оглашались общія начала предпринимаемыхъ операцій. Введеніе этого манифеста такъ необходимо для уразумѣнія всего послѣдующаго, что мы, какъ оно ни длинно, должны передать его здѣсь вполнѣ. Вотъ подлинныя его слова:

«Съ того времени, какъ основался въ Европѣ общественный кредитъ, разныя державы искали въ немъ способовъ къ расширенію ихъ промышленности и къ удобнѣйшему движенію народнаго богатства. Отсюда возникли учрежденія банковъ и ихъ кредитныхъ бумагъ, подъ разными именованіями извѣстныхъ.

«Учрежденіе банковъ въ Россіи имѣло подобныя сему основанія. Утверждаясь на непреложности данныхъ имъ законовъ, установленія сіи, строгою точностію ихъ платежей, неприкосновенностію ихъ залоговъ, умѣренностію и хозяйственнымъ распорядкомъ ихъ прибылей, привлекли и сохранили общее къ себѣ довѣріе. Милліоны частныхъ ка-

питаловъ, ежегодно имъ ввѣряемыхъ и всегда, по востребованію, въ положенный срокъ возвращаемыхъ, служатъ очевиднымъ сему доказательствомъ. Не было и не будетъ, безъ сомнѣнія, никогда примѣра, чтобы банкъ государственный, въ какомъ бы то ни было случаѣ, остановилъ или отсрочилъ свои платежи.

«Таково всегда было положеніе нашихъ банковъ по всѣмъ ихъ связямъ съ частными лицами. Открывая промышленности удобную и вѣрную ссуду, они способствовали движенію капиталовъ и поощренію народнаго трудолюбія. Симъ исполнили они первую и главную цѣль ихъ установленія.

«Впослѣдствіи времени, къ сей главной цѣли присоединилась другая. Наставшія войны представили необходимымъ распространить кредитъ банковъ въ пособіе чрезвычайнымъ государственнымъ нуждамъ. Симъ образовались внутренніе государственные долги. Воспріявъ начало свое вскорѣ послѣ 1786-го года, они возрастали со временемъ и пріумножались по мѣрѣ того, какъ чрезвычайныя обстоятельства требовали чрезвычайныхъ мѣръ.

«Источники государственныхъ богатствъ, изъ коихъ многіе, въ другихъ странахъ истощенные, у насъ еще остались неприкосновенными, обезпечивали всегда долги сіи съ несравненнымъ превосходствомъ. Сіе убѣжденіе было причиною, что во все теченіе предшествовавшихъ лѣтъ не было установлено постоянной системы къ ихъ уплатѣ.

«Съ возшествіемъ Нашимъ на престолъ Мы обратили на предметъ сей особенное вниманіе. Нарочитымъ сокращеніемъ издержекъ и строгимъ наблюденіемъ экономіи, Мы желали положить твердое основаніе къ постепенному прежнихъ долговъ погашенію. Первыя лѣта царствованія Нашего, миромъ и тишиною сопровождаемыя, благопріят-

ствовали намѣреніямъ Нашимъ. Счастливое ихъ начало представляло основательныя надежды къ дальнѣйшему ихъ событію. Извѣстно, какое возвышеніе воспріялъ тогда какъ внутренній, такъ и внѣшній кредитъ государственный.

«Но посреди сихъ надеждъ, покой Европы поколебался. Возстали сильныя войны. Россія, по положенію ея, не могла не принять въ нихъ участія; и хотя, въ семъ общемъ потрясеніи, отечество наше пребыло незыблемо и неприкосновенно и даже новыми пріобрѣтеніями расширило свои предѣлы, но чрезвычайныя обстоятельства требовали чрезвычайныхъ усилій.

«Многократными и самыми положительными опытами удостовѣрены Мы всегда были, что отечество наше въ трудныхъ положеніяхъ всегда можетъ найти источникъ своихъ доходовъ во внутреннихъ пособіяхъ. Но, въ быстромъ и непрерывномъ движеніи дѣлъ военныхъ, невозможно было ни опредѣлить съ точностію мѣры сихъ пособій, ни расположить ихъ уравнительно.

«Такимъ образомъ долги государственные по необходимости возрастали, и хотя общее довѣріе къ банкамъ, основанное на положительныхъ и вещественныхъ государственныхъ имуществахъ, осталось неприкосновеннымъ и ассигнаціи сохранили свободный и обширный ихъ ходъ; но сравнительное ихъ достоинство въ отношеніи къ серебру унизилось; цѣны на всѣ вещи возрасли; разныя состоянія людей потерпѣли отъ сего великое отягощеніе, между тѣмъ какъ другіе сдѣлали, отъ сего же самаго, нарочитые прибытки, и такимъ образомъ долги государственные, возрастая ежегодно и не имѣя срочной и опредѣлительной уплаты, обратились въ дѣйствительный и неуравнительный налогъ.

«Измѣряя тяжесть сего налога настоящимъ его дѣй-

ствіемъ, удобно исчислить дальнѣйшія его послѣдствія. Надлежало благовременно положить преграду симъ послѣдствіямъ и обратиться къ мѣрамъ постепенной долговъ уплаты.

«Первое основаніе уплаты долговъ есть—остановить ихъ пріумноженіе.

«Но среди войны, еще продолжающейся, и при нарочитомъ возвышеніи цѣнъ на всѣ казенныя потребности, безъ сильныхъ мѣръ и безъ всякихъ пособій достигнуть сего невозможно.

«Пособія сіи на 1810-й годъ должны быть весьма важны. Въ теченіи сего года средствами, на мѣрѣ уже положенными, многіе источники государственныхъ доходовъ безъ малѣйшаго народу отягощенія будутъ пріуготовлены и открыты; но средства, на нынѣ текущій годъ пріемлемыя, по самой настоятельности нуждъ, ограничиваются двумя: всевозможнымъ сокращеніемъ расходовъ и пріумноженіемъ въ существующихъ податяхъ и налогахъ.

«Расходы государственные, не взирая на всю трудность настоящихъ обстоятельствъ, сокращены на сей годъ болѣе нежели 20 милліонами рублей.

«Настоящіе подати и налоги, при первоначальномъ ихъ установленіи, были весьма умѣренны. Впослѣдствіи, уменьшаясь съ умноженіемъ ассигнацій, они, въ ущербъ казны, упали во всѣхъ частяхъ болѣе нежели вдвое. Ущербъ сей, въ теченіи минувшихъ лѣтъ, вознаграждаемъ былъ внутренними долгами. Посему умѣренное возвышеніе податей, установляемое именно на тотъ конецъ, дабы отмѣнить и уничтожить ежегодный налогъ, въ видѣ долговъ доселѣ существовавшій, дабы положить надежныя основанія ихъ уплатѣ, дабы поддержать самый кредитъ государственныхъ ассигнацій, дабы постановить твердое начало лучшему устройству финансовъ и единовременнымъ уси-

ліемъ преградить навсегда ихъ затрудненія, дабы дать первое движеніе тѣмъ мѣрамъ, кои въ теченіи сего года должны быть постепенно пріуготовлены и приведены къ исполненію,—умѣренное возвышеніе податей, установляемое въ семъ видѣ и съ сими точными предположеніями, безъ сомнѣнія будетъ признано, всѣми благомыслящими, мѣрою столько же необходимою, какъ и для государства полезною.

«По симъ уваженіямъ, внявъ мнѣнію государственнаго совѣта, признали Мы нужнымъ постановить слѣдующее и пр.»

За тѣмъ слѣдовали распорядительныя статьи. Не выписывая ихъ отъ слова до слова, мы представимъ только главную ихъ сущность:

1) Всѣ находящіяся въ обращеніи ассигнаціи *признаются дѣйствительнымъ государственнымъ долгомъ, обезпеченнымъ «на всѣхъ богатствахъ имперіи»*.

2) Новый выпускъ ассигнацій пресѣкается.

3) Для удобнѣйшаго обращенія ассигнацій и промѣна ветхихъ на новыя и крупныхъ на мелкія, во всѣхъ губернскихъ и другихъ многолюдныхъ городахъ учреждаются размѣнныя конторы.

4) Когда, для уменьшенія количества обращающихся ассигнацій и для уплаты государственныхъ долговъ, признано будетъ нужнымъ открыть срочный внутренній заемъ, то подробности его возвѣстятся особымъ манифестомъ.

5) Послѣ сдѣланнаго уже на 1810 годъ уменьшенія расходовъ болѣе нежели на 20,000,000 рублей, департаментъ экономіи продолжаетъ пересматривать расходы и наблюдать за сокращеніемъ ихъ во все теченіе года, съ тѣмъ чтобы сбереженія, имѣющія отъ того произойти, были отложены на уплату государственныхъ долговъ и на непредвидимыя издержки.

6) Впредь всѣ чрезвычайные расходы разрѣшаются не иначе, какъ по разсмотрѣніи представленій, входящихъ о нихъ отъ министерствъ, въ государственномъ совѣтѣ (*).

7) Всѣ казенныя экономическія суммы, какого бы то ни было вѣдомства, считаются принадлежащими казначейству и выдачи изъ нихъ производятся не иначе, какъ по представленію министра финансовъ въ государственный совѣтъ.

8) Всѣ статьи казенныхъ доходовъ, въ какомъ бы отдѣльномъ управленіи онѣ ни состояли, считаются также принадлежащими казначейству и сверхъштатныя изъ нихъ назначенія подчиняются тому же порядку.

9) Недостатокъ въ доходахъ, который произойдетъ черезъ отмѣну дальнѣйшаго выпуска ассигнацій, восполняется опредѣленными въ манифестѣ прибавками къ существующимъ податямъ и налогамъ, впредь до окончательнаго и лучшаго въ нихъ распорядка, и установленіемъ вновь разныхъ другихъ сборовъ.

10) Какъ и этими прибавками и новыми сборами не могутъ быть вполнѣ покрыты всѣ необходимые расходы 1810-го года, а въ такомъ затруднительномъ положеніи «потребно пособіе отъ дворянскаго сословія, коего ревность «и усердіе къ пользамъ отечества во всѣхъ чрезвычай-«ныхъ обстоятельствахъ всегда предшествовали всѣмъ «другимъ состояніямъ и служили имъ примѣромъ и по-«ощреніемъ: то, дабы опредѣлить сему пособію точную «мѣру, полагается со всѣхъ помѣщичьихъ имѣній, не ис-«ключая и удѣльныхъ и прочихъ, императорской фамиліи «принадлежащихъ, собрать, единовременно и *единственно «на сей 1810-й годъ*, умѣренную часть чистаго ихъ дохода,

(*) О порядкѣ этихъ представленій и вообще о назначеніи чрезвычайныхъ издержекъ, послѣ (22 марта) былъ данъ еще особый указъ министру финансовъ (№ 24.164).

«разчисляя оный по количеству недвижимыхъ ихъ иму-«ществъ, въ деревняхъ состоящихъ, по 50-ти коп. съ каж-«дой ревизской души».

11) Всѣ прибавки въ податяхъ установляются *только на 1810-й годъ.*

Въ заключеніе объявлялось, что «роспись государствен-«ныхъ доходовъ и расходовъ на будущее время, начиная «съ 1811-го года, будетъ возвѣщаема благовременно».

Вмѣстѣ съ манифестомъ разослано было и сокращенное извлеченіе изъ плана финансовъ, или, какъ назвали эту бумагу, *разумъ манифеста.* Она, въ ученыхъ фразахъ, малопонятныхъ для массы публики, объясняла: 1) что истинную государственную монету составляло у насъ всегда серебро, а не мѣдь; 2) что ассигнаціи утратили свою цѣнность отъ излишества ихъ выпусковъ, почему, для возстановленія ихъ достоинства, достаточно уменьшить ихъ количество; 3) что такое уменьшеніе надлежитъ произвести черезъ вымѣнъ ассигнацій на серебро и уничтоженіе вымѣненныхъ.

Оба эти акта, манифестъ и выпущенная, вмѣстѣ съ нимъ, оправдательная, такъ сказать, записка, не могли не произвести сильнаго движенія въ умахъ. Торжественное и всенародное сознаніе, съ одной стороны, что финансы наши прежде были *худо управляемы;* съ другой—что отъ такого управленія казна вовлеклась въ значительные внутренніе долги и на покрытіе расходовъ *недостаточно обыкновенныхъ средствъ государства,* — подобное сознаніе было, для массы, такою же новизною, какъ и объявленіе вдругъ ассигнацій *государственнымъ долгомъ* (*),

(*) «Такъ какъ и *всегда* онѣ признаваемы были»—говорилось въ манифестѣ. Но это правило, справедливое *въ теоріи*, никогда и нигдѣ не было у насъ оглашено правиломъ *законнымъ*, и никогда не разумѣлось такъ

какъ обѣщаніе никогда ихъ впредь не пріумножать, какъ, наконецъ, призваніе на принимаемыя правительствомъ мѣры «одобренія людей благомыслящихъ». Но еще гораздо болѣе, чѣмъ этими отвлеченными теоріями, народъ былъ взволнованъ матеріальнымъ ихъ результатомъ, т. е. сильнымъ возвышеніемъ всѣхъ налоговъ, и притомъ въ такую эпоху, когда, отъ блокады всѣхъ пристаней, вывозъ нашихъ произведеній и вообще вся торговля почти совершенно остановились. Неотразимая сила событій и государственныхъ нуждъ, приведшая правительство къ необходимости огласить состояніе дѣлъ и предпринять столь рѣшительную мѣру, осталась, для большинства публики, какъ и часто бываетъ, непонятною; видѣли лишь временныя неудобства и тяжелыя пожертвованія, привязывались, мимоходомъ, къ новымъ, небывалымъ выраженіямъ, и на такихъ привязкахъ строили самыя нелѣпыя толкованія, которыя врагами Сперанскаго выставлялись въ видѣ общаго мнѣнія и государственной тревоги.....

Но Сперанскій, оставаясь вѣрнымъ выраженному имъ правилу: «не устрашаться ропотомъ, слухами, или злословіемъ», продолжалъ безстрашно развивать свою систему. 1810-й годъ, 1811-й и первые мѣсяцы 1812-го представили рядъ огромныхъ финансовыхъ операцій, истекшихъ изъ той начальной программы, которая была предначертана въ манифестѣ 2-го февраля. Всѣ онѣ предлагались исключительно государственнымъ секретаремъ и хотя были проводимы черезъ совѣтъ, но подносились къ высочайшему утвержденію опять тѣмъ же государственнымъ секретаремъ, а Государь, если въ совѣтѣ и бывали возраженія, или разногласія, всегда принималъ сторону и мнѣніе Спе-

---

въ практикѣ. Въ народномъ понятіи ассигнаціи считались не за долгъ, а за деньги.

ранскаго. Власть послѣдняго по совѣту, обнимая и вступленіе, и производство, и окончаніе дѣлъ, простиралась до того, что онъ же объявлялъ высочайшія повелѣнія самому его предсѣдателю. На министрѣ финансовъ, при такомъ порядкѣ, лежало почти только одно исполненіе мѣръ, предложенныхъ и постановленныхъ не рѣдко противъ его убѣжденія. Въ началѣ Гурьевъ, и самымъ своимъ мѣстомъ обязанный Сперанскому, по необходимости, покорялся силѣ обстоятельствъ; но потомъ, когда всѣ собственныя его представленія были постоянно отвергаемы совѣтомъ и когда къ этому присоединились еще разныя несогласія между нимъ и государственнымъ секретаремъ по внутреннему устройству министерства финансовъ, наступило охлажденіе, увлекшее, напослѣдокъ, Гурьева почти явно въ противный лагерь.

II.

Изъяснивъ, такимъ образомъ, какъ и черезъ кого шли работы по финансовой части, окинемъ теперь быстрымъ взглядомъ, что̀ и какъ, послѣ манифеста 2-го февраля 1810 года, совершено было по этой части въ описываемую нами эпоху общихъ государственныхъ преобразованій. Если изложеніе этихъ финансовыхъ операцій можетъ имѣть нѣкоторый интересъ, конечно, только для спеціалистовъ, то все таки, въ общей картинѣ дѣятельности Сперанскаго, невозможно обойти столь важныхъ ея предметовъ. Главнѣйшими изъ нихъ были:

Прекращеніе выпуска ассигнацій;
Капиталъ погашенія;
Монетная система;
Устройство доходовъ и расходовъ;
Внѣшняя торговля.

1. Прекращеніе выпуска ассигнацій.

При подробномъ разсмотрѣніи финансоваго положенія 1810-го года обнаружилось значительное количество расходовъ, неисполненныхъ отъ прошлыхъ лѣтъ и для удовлетворенія которыхъ были предназначены, хотя еще и не выпущены, новыя ассигнаціи. Кромѣ того самый распорядокъ расходовъ на 1810 годъ представлялъ, какъ уже сказано, дефицитъ свыше 100,000,000. Покрывъ часть его новыми, по манифесту 2-го февраля, налогами и экономическими суммами, правительство, для пополненія остальнаго, не имѣло инаго средства, какъ обратиться къ тѣмъ ассигнаціямъ, которыхъ выпускъ уже былъ опредѣленъ въ прошедшемъ году, на сумму 43,060,000 р.

Такимъ образомъ прекращеніе выпуска ассигнацій, обнародованное въ началѣ 1810-го года, на самомъ дѣлѣ получило дѣйствіе не прежде какъ въ 1811-мъ.

2. Капиталъ погашенія.

Въ началѣ 1810-го года положеніе внутреннихъ долговъ представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

Ассигнацій въ обращеніи на . .	577,000,000 р. (*).
Долговъ кредитнымъ установленіямъ	91,000,000
	668,000,000
Наличнаго имущества ассигнаціоннаго банка	182,000,000
Слѣдовательно всего долга . .	486,000,000
А какъ ежегодный оборотъ государственныхъ доходовъ требовалъ 200,000,000, то всей массы подлежавшихъ къ погашенію ассигнацій было .	286,000,000

(*) Всѣхъ показывалось собственно 577,510,900 р.; но манифестомъ 2 апрѣля 1810 года (№ 24.197) опредѣлено ограничить ихъ число круглою суммою 577,000,000, а превышавшее количество уничтожить.

Капиталъ для погашенія этихъ 286,000,000 полагалось составить посредствомъ продажи ненаселенныхъ государственныхъ имуществъ и займа въ ассигнаціяхъ. О томъ и о другомъ, въ совокупности, 27-го мая 1810 года послѣдовалъ манифестъ (№ 24.244), котораго сущность состояла въ слѣдующемъ:

а) По отдѣленіи изъ государственныхъ имуществъ, «кои—какъ выражался манифестъ—всегда служили ассиг-«націямъ залогомъ», извѣстной части, обращать изъ нея ежегодно опредѣленное количество, въ теченіе пяти лѣтъ, въ частную собственность, посредствомъ публичной продажи.

б) Къ покупкѣ, изъ числа сказанныхъ имуществъ, оброчныхъ статей и лѣсовъ допустить всѣ состоянія, а къ покупкѣ земель, сверхъ дворянства, также купечество высшихъ разрядовъ и иностранныхъ капиталистовъ, съ предоставленіемъ имъ владѣть тѣми имѣніями на правѣ помѣщичьемъ.

в) Всѣми суммами, имѣющими поступить отъ такой продажи, управлять,—безъ всякой зависимости отъ казначейства и съ публичнымъ каждый годъ отчетомъ—особенному установленію, которое составить изъ лицъ отъ короны и по выбору купечества и назвать *коммиссіею погашенія долговъ*.

г) Для погашенія долговъ открыть внутренній заемъ, на сумму не свыше, во всякомъ случаѣ, 100,000,000 руб., раздѣленныхъ на пять частей (по 20,000,000 въ каждой), съ тѣмъ, чтобы поступающія отъ вкладчиковъ ассигнаціи предавать публично сожженію (*).

(*) Суммы по займу дозволялось принимать также билетами банковыми и ломбардными, какъ, по свойству своему, однозначащими съ ассигнаціями.

д) Коммиссіи погашенія долговъ, принимая капиталы займа, не менѣе 1000 р., отъ лицъ всѣхъ состояній, выдавать на нихъ облигаціи, уплачивать ежегодно проценты (но не проценты на проценты) и, по истеченіи срока, возвращать капиталъ, производя всѣ эти платежи серебряною монетою, или золотомъ по курсу его на серебро.

е) Обращеніе облигацій коммиссіи между частными лицами предоставить на добрую ихъ волю; въ казенные же залоги и при покупкѣ имуществъ принимать эти облигаціи по ассигнаціонной ихъ цѣнѣ.

ж) Пріемъ капиталовъ для первой части займа открыть съ 15-го іюля 1810 года, съ платежемъ по 6-ти процентовъ на серебряный рубль и съ возвращеніемъ въ 1817-мъ году, а въ случаѣ вклада безсрочнаго принимать за серебряный рубль по 150-ти коп. ассигнаціями, съ процентами по 4%.

Вслѣдъ за тѣмъ изданъ былъ и уставъ коммиссіи погашенія долговъ (6 іюля 1810, № 24.287), а манифестомъ 10 сентября (№ 24.346) опредѣлены ближайшія правила и условія для предназначенной продажи государственныхъ имуществъ.

Подписка на первую часть займа кончилась 27 мая 1811-го года. 6½ мил. рублей было внесено ассигнаціями, остальное—банковыми и ломбардными билетами.

Государственныхъ имуществъ предназначалось продать всего на 183,000,000 р., и изъ того числа до 1811-го года было объявлено въ продажу на 4,429,000 р. сер. и на 5,148,000 р. ассиг. Но дѣйствительно было продано только на 292,458 руб. сер., на 159,000 облигаціями и на 1,367,000 ассигнаціями.

Причина малаго успѣха этой операціи приписывалась: 1) той неизвѣстности, которою до 1810-го года было покрыто все управленіе казенныхъ имуществъ, что̀, при необходимости предварительныхъ описей, не позволило начать продажу

ранѣе марта 1811-го года; 2) тому, что продажа была начата не съ оброчныхъ статей, а съ пустопорожнихъ земель, арендъ и отдаленныхъ лѣсовъ, на которые нашлось менѣе покупщиковъ; 3) преувеличенной оцѣнкѣ; наконецъ 4) бездѣйствію мѣстныхъ коммиссій, которыхъ члены, бывъ заняты другими должностями, не находили, въ этомъ безмездномъ и временномъ служеніи, никакой для себя выгоды.

Такая неудача была, однако, тѣмъ непріятнѣе, что, и за всѣми вновь придуманными способами, невозможно было ожидать—*даже на бумагѣ*—чтобъ продажа, при самомъ высшемъ ея размѣрѣ, доставляла болѣе 20,000,000 р. въ годъ, что̀ значило провести, въ непрерывной заботѣ о погашеніи ассигнацій, по крайней мѣрѣ—24 года. Этимъ указывалась необходимость пріискать средство болѣе сильное и болѣе дѣйствительное. Сперанскій пришелъ къ нему слѣдующимъ разсужденіемъ:

«Ассигнаціи—говорилъ онъ—съ 1787-го года постепенно были пріумножаемы въ пособіе возраставшимъ государственнымъ нуждамъ, а налоговъ, соразмѣрныхъ нуждамъ, въ это время почти не было. Между тѣмъ многія состоянія отъ пріумноженія ассигнацій получили пользу и многія статьи казенныхъ доходовъ и даже знатные капиталы были даромъ, безъ всякаго возмездія, обращены въ частную собственность (пожалованіемъ имѣній и надѣленіемъ казенныхъ крестьянъ). Потому на ассигнаціи нельзя смотрѣть иначе, какъ на долги государственные, составленные на счетъ тѣхъ податей, которыя, по нуждамъ имперіи, были необходимы. Слѣдственно платить всю массу ихъ одними средствами правительства, тогда какъ часть ихъ замѣнила дѣйствительные налоги и подати, было бы и несправедливо и противно всякому здравому разсчету». Выводя отсюда, что часть податей, по самой строгой правотѣ, должна принадлежать капиталу погашенія, Сперанскій предложилъ уста-

новить, *собственно на этотъ предметъ*, особые новые налоги. Мы скажемъ о томъ подробнѣе ниже, когда будетъ рѣчь объ устройствѣ государственныхъ доходовъ, такъ какъ и эта мѣра была, *въ сущности*, однимъ лишь благовидно прикрытымъ способомъ къ ихъ подкрѣпленію.

3. Монетная система.

Здѣсь предположенія Сперанскаго основаны были на слѣдующихъ соображеніяхъ:

Три разныя монеты: серебро, мѣдь и ассигнаціи признаются у насъ государственными, ходячими и законными. Но какъ онѣ издавна потеряли бывшее между ними единство и, сходствуя въ именованіи, получили каждая свою цѣну и свое отдѣльное значеніе, то необходимо опредѣлить, какая изъ нихъ должна быть признаваема законною единицею и мѣрою всѣмъ прочимъ. Сверхъ того, какъ мѣдная монета имѣла у насъ всегда свойство ассигнаціонное, т. е. нарицательное ея достоинство всегда превышало истинную ея цѣну на серебро, и какъ потому въ монетной нашей системѣ должно полагать два рода ассигнацій: мѣдныя и бумажныя, то, постановивъ правила погашенія послѣднихъ, должно бы опредѣлить и отношеніе первыхъ къ серебру. Отсюда родилась у Сперанскаго мысль, исключивъ совсѣмъ мѣдь изъ монетъ государственныхъ, обратить ее въ биллонъ, т. е. приведя всю массу мѣди, постепенно, въ низшее достоинство посредствомъ передѣла, часть ея обращать въ серебро, а другую, и самую меньшую, выпускать въ мелкой размѣнной монетѣ, которая сама собою нечувствительно обратится въ биллонъ.

Въ этомъ смыслѣ послѣдовали два манифеста: одинъ 20 іюня (№ 24.264), другой 29 августа 1810-го года (№ 24.334).

Ставя въ главу всей операціи два начала: чтобъ внезап-

ными перемѣнами, какъ бы онѣ ни были выгодны для казны, не навлечь какого либо ущерба частнымъ пользамъ, и чтобъ монетную систему установить на правилахъ твердыхъ, для всей имперіи единообразныхъ и общему довѣрію свойственныхъ,—*первый* манифестъ опредѣлялъ, между разными подробностями, слѣдующія основныя начала:

а) Установленіе главною, непремѣняемою и законною мѣрою (монетною единицею) всѣхъ обращающихся въ государствѣ монетъ серебрянаго рубля прежняго достоинства, безъ изъятія, впрочемъ, изъ свободнаго обращенія и прочихъ серебряныхъ монетъ разныхъ пробъ и вѣса, а равно монетъ золотыхъ.

б) Выпускъ новой размѣнной монеты: серебряной въ 20, 10 и 5 копѣекъ и мѣдной въ 2, 1 и ½ коп.

в) Изъятіе изъ обращенія старыхъ мѣдныхъ денегъ, но не иначе, какъ по мѣрѣ выпуска новой размѣнной монеты въ количествѣ достаточномъ для удовлетворенія всѣхъ надобностей.

г) Запрещеніе частнымъ людямъ перелива мѣдной монеты, подъ тѣми же наказаніями, какъ за дѣланіе фальшивой монеты.

д) Установленіе, чтобы съ 1811-го года всѣ законные акты были писаны вездѣ на Русскую монету, и чтобы во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ счетъ на монету иностранную былъ прекращенъ.

е) Запрещеніе съ 1812-го года хода и привоза иностранной мелкой размѣнной монеты (биллона).

Во *второмъ* манифестѣ установлялись проба и вѣсъ серебряной размѣнной и достоинство новой мѣдной монеты, съ перемѣною внѣшней формы всѣхъ вообще монетъ.

Наконецъ, мнѣніемъ государственнаго совѣта 29 августа 1810-го года (№ 24.335) опредѣлено: всѣ казенные подряды и поставки заключать впредь на серебро,

«съ платежемъ ассигнаціями по среднему курсу ближайшихъ къ платежу четырехъ мѣсяцовъ въ С.-Петербургѣ»; а предназначенное, въ планѣ финансовъ, переложеніе на серебро и всѣхъ счетовъ, съ опредѣленіемъ ежегодно постояннаго курса ассигнаціямъ, предоставить еще ближайшему усмотрѣнію министра финансовъ (*).

Вмѣстѣ съ этими узаконеніями, обнародованными въ общее свѣдѣніе, были сдѣланы и нѣкоторыя распоряженія безгласныя, относившіяся собственно до внутренняго исполненія, именно: 1) постановлено въ теченіе первыхъ лѣтъ усилить сколько можно выпускъ серебряной размѣнной монеты, въ замѣнъ мѣдной; 2) утвержденъ порядокъ, какимъ образомъ продавать мѣдь на серебро; 3) опредѣлено выпускать мѣдной монеты въ видѣ биллона не болѣе какъ отъ 8,000,000 до 10,000,000 р.; остальную же, которой полагалось всего до 50,000,000, превращать продажею въ размѣнное серебро.

Но изъ числа этихъ распоряженій:

Первое не было приведено въ дѣйствіе потому, что заграничные расходы требовали усилить выпускъ руб-

---

(*) Гурьевъ сперва долго не отвѣчалъ на это предположеніе; но въ началѣ 1812-го года, когда уже былъ въ распрѣ съ Сперанскимъ и пересталъ его беречь, отозвался, что «опредѣленіе ежегодно *постояннаго* курса ассигнаціямъ на серебро представитъ самыя важныя неудобства; что ни одно правительство не надѣялось симъ средствомъ поправить достоинство своихъ кредитныхъ бумагъ, ни уменьшить замѣшательство, съ упадкомъ ихъ сопряженное; что пресѣченіе выпуска ассигнацій и мѣры къ ихъ погашенію уже предохраняютъ ихъ отъ бóльшаго паденія и ведутъ къ улучшенію ихъ достоинства; что новое, посреди сей операціи, установленіе постояннаго для нихъ курса показало бы недовѣрчивость къ успѣшности первой мѣры и, наконецъ, что какъ невозможно однимъ предписаніемъ придать постоянство вещи, по существу своему его не имѣющей, то распоряженіе такого рода обратилось бы только къ поощренію ажіотажа».

левой монеты, на что и обратилась бóльшая часть серебра, находившагося тогда въ распоряженіи правительства. Въ теченіе 1811-го года сдѣлано было рублевой монеты на . . . . 1,476,000 р.
размѣнной . . . . 420,000 —
1,896,000 р.

Сверхъ того передѣлано изъ частнаго серебра на . . . . 447,663 р.

Второе распоряженіе осталось безъ исполненія потому, что не было достаточныхъ доказательствъ въ удостовѣреніе выгодности этой операціи.

Третье не могло быть исполнено безъ двухъ первыхъ.

«Слѣдственно—писалъ Сперанскій незадолго до своего паденія,—новая монетная система, въ собственномъ ея смыслѣ, не приведена еще въ дѣйствіе,»—вину въ чемъ онъ слагалъ на министерство финансовъ.

4) Устройство государственныхъ доходовъ и расходовъ.

На 1810-й годъ, за сокращеніемъ издержекъ и за увеличеніемъ доходовъ новыми, по манифесту 2-го февраля, налогами, расходы, по росписи, были уменьшены до 184,000,000, а доходы доведены до 209,000,000. Такимъ образомъ долженъ былъ образоваться *остатокъ* на чрезвычайныя нужды до 24,000,000.

Но дѣйствительный оборотъ 1810-го года составилъ слишкомъ 241,000,000 р. и потому, вмѣсто ожиданнаго остатка, оказалось необходимымъ къ первоначальной росписи добавить еще, на чрезвычайныя нужды, 56,000,000.

Сверхъ всѣхъ новыхъ сборовъ и прибавокъ, установленныхъ манифестомъ 2-го февраля, въ томъ же 1810 году была наложена довольно сильная пошлина на продажу ви-

на въ губерніяхъ Малороссійскихъ, Западныхъ и Остзейскихъ, гдѣ до тѣхъ поръ она производилась безъ всякаго ограниченія. Такой новый сборъ опредѣленъ былъ «какъ необходимое слѣдствіе общей связи государственныхъ нуждъ и уравнительнаго расположенія доходовъ, въ составѣ коихъ всѣ состоянія должны участвовать по мѣрѣ ихъ промышленности и прибытковъ» (манифесты 29 сентября (№ 24.361) и 29 ноября 1810 года (№ 24.442).

Слѣдующій 1811 годъ начался тѣмъ, что налоги, установленные манифестомъ 2-го февраля 1810-го *единовременно*, въ видѣ особенной и чрезвычайной помощи, необходимой по обстоятельствамъ *того года*, обращены въ *постоянные*. И невозможно было иначе, потому что не только обстоятельства 1810-го года продолжались и въ 1811-мъ во всей ихъ силѣ, но еще грозила новая война.

«Разсмотрѣвъ настоящее положеніе государственныхъ доходовъ—говорилъ манифестъ 25-го января 1811-го года (№ 24.494),—Мы находимъ, что мѣрами, въ теченіи минувшаго года принятыми, доходы государственные получили знатное приращеніе. Въ однихъ доходахъ постоянныхъ, не считая временныхъ и случайныхъ, приращеніе сіе простиралось нынѣ болѣе нежели до 100,000,000 руб. Такимъ образомъ, сохраняя во всей силѣ и неприкосновенности постановленіе о пресѣченіи выпуска ассигнацій, въ манифестѣ 2-го февраля изображенное, *яко одинъ изъ коренныхъ законовъ имперіи Нашей* (*), обрѣтаемъ Мы въ настоящемъ положеніи доходовъ достаточные способы не только удовлетворить, *безъ новыхъ налоговъ*, всѣмъ расходамъ, на сей годъ предстоящимъ, но и оказать въ нѣкоторыхъ изъ нихъ возможное облегченіе».

Между тѣмъ такое «облегченіе» ограничилось единствен-

(*) Эти и далѣе слѣдующія курсивныя слова были напечатаны курсивомъ и въ подлинномъ текстѣ манифеста.

по отмѣною 50-ти копѣечнаго сбора съ доходовъ помѣщичьихъ и удѣльныхъ (*); послѣже, въ продолженіе 1811-го года, хотя дѣйствительно не было сдѣлано никакого возвышенія въ *податныхъ* окладахъ, но изданъ манифестъ о новой народной переписи (18-го мая, № 24.635), значительно увеличившій число платящихъ; установлена, со введеніемъ вольной соляной продажи, пошлина при пріемѣ соли отъ источниковъ и изъ магазиновъ (манифестъ 5-го ноября, № 24.851); сильно возвышена винная пошлина въ привиллегированныхъ губерніяхъ (манифестъ 11-го декабря, № 24.913) и, накопецъ, при объявленіи рекрутскаго набора по 4 съ 500, дозволено, за извѣстное число рекрутъ, вмѣсто поставки ихъ натурою, вносить по 2,000 руб. за каждаго (манифестъ 5-го ноября, № 24.853), что также доставило немаловажную сумму. Нужды государства не терпѣли отсрочки и не во власти правительства было ихъ умѣрить.

Балансъ въ этомъ (1811-мъ) году былъ слѣдующій:

Расходы	274,000,000 р.
Доходы	280,000,000 —
Остатокъ на чрезвычайныя издержки	6,000,000 —
Къ тому заимствовано изъ учетныхъ конторъ и издержано на счетъ доходовъ будущаго года	13,000,000.
Весь оборотъ . . .	293,000,000.

Финансовое положеніе на 1812-й годъ представлялось опять самымъ мрачнымъ. Расходовъ предвидѣлось на сумму до 340,000,000 р., а доходы, при всѣхъ прибавочныхъ и новыхъ налогахъ двухъ прошлыхъ годовъ, не превышали 234,000,000 р., слѣдственно былъ дефицитъ въ 106,000,000. Уже и въ государственномъ совѣтѣ начали возникать опа-

(*) Сборъ этотъ въ 1810 году доставилъ до 5,000,000 руб.

сенія и упреки. Гурьевъ, у котораго въ эту эпоху не рѣдко происходили весьма горячія сцены съ государственнымъ секретаремъ, даже во время засѣданій,—Гурьевъ, возставая противъ его теорій, писалъ: «превозмогающая сила обстоятельствъ не рѣдко противится безусловному приложенію чистыхъ началъ государственной экономіи, сколько бы оныя сами по себѣ ни были неоспоримы и истинны». Другой членъ совѣта, адмиралъ Павелъ Васильевичъ Чичаговъ, шелъ еще далѣе. Набрасывая тѣнь на все дотолѣ сдѣланное, онъ, въ поданномъ имъ особомъ мнѣніи, выражался такъ: «Нѣсколько уже лѣтъ какъ мы находимся въ ожиданіи годъ отъ году полезныхъ послѣдствій отъ пріемлемыхъ мѣръ. Но самый опытъ, продолжающійся чрезъ все сіе время, удостовѣряетъ въ ихъ неуспѣшности и собственное даже признаніе доказываетъ ихъ неосновательность, какъ напримѣръ: усмотрѣнная неудача въ продажѣ земель, по неимѣнію къ тому необходимыхъ предварительныхъ свѣдѣній, бездѣйствіе погасительной системы и разныя другія дѣйствія, безуспѣшностію своею довѣріе истребляющія и производящія опасенія въ народѣ. Довольно токмо обратиться къ состоянію, за два или за три года передъ симъ, внѣшняго курса, внутренней цѣны денегъ, ихъ количества, къ истребленному довѣрію, чтобы увидѣть какое, по всѣмъ симъ частямъ, въ короткое время послѣдовало паденіе. Отдаленныя внѣшнія причины хотя и могли имѣть нѣкоторое на сіе вліяніе, но довольно было и своихъ домашнихъ, чтобы произвести дѣйствія, рождавшіяся почти за каждымъ новымъ постановленіемъ». . . . .

Пока непріятели Сперанскаго изливались такимъ образомъ въ укоризнахъ его мѣрамъ, государственныя нужды дѣлались все болѣе и болѣе настоятельными; не довольно было упрековъ за прошедшее: надлежало выдти изъ настоящаго. . . . .

Здѣсь взялъ инициативу уже самъ министръ финансовъ, представя, для покрытія дефицита, цѣлую систему новыхъ налоговъ, въ томъ числѣ: подать съ частныхъ доходовъ всѣхъ родовъ, отъ которой онъ разсчитывалъ получить до 30,000,000 руб., введеніе особой контрактной бумаги равной по цѣнѣ съ крѣпостною, и пошлины при переходѣ наслѣдствъ. Сверхъ того онъ предполагалъ занять въ разныхъ установленіяхъ 15,296,000 руб. При такихъ пособіяхъ министръ надѣялся довести смѣту доходовъ до 341,000,000р. Изъ членовъ департамента экономіи, которые разсматривали первоначальный финансовый планъ, въ это время оставался одинъ только Мордвиновъ; прочіе были замѣщены графомъ Юліемъ Помпеевичемъ Литтою и графомъ (послѣ княземъ) Александромъ Николаевичемъ Салтыковымъ. Первый изъ нихъ, владѣлецъ огромнаго богатства, умѣлъ превосходно устроить собственное свое состояніе, но мало тогда зналъ науку государственную и даже худо понималъ по-русски, а Салтыковъ, человѣкъ очень умный и образованный, всегда былъ болѣе дипломатомъ. При такомъ новомъ составѣ департамента и при краткости времени, остававшагося для соображенія дѣла въ общемъ собраніи совѣта, все бремя снова легло на одного государственнаго секретаря. Огромный журналъ 31-го декабря 1811 года, въ которомъ обозрѣвалось все движеніе предпринятыхъ дотолѣ финансовыхъ операцій и изъ котораго истекли потомъ всѣ дальнѣйшія распоряженія, былъ составленъ и написанъ—самимъ Сперанскимъ.

Обратясь, въ этомъ журналѣ, сперва къ *расходамъ*, совѣтъ или, лучше сказать, Сперанскій, устами совѣта, разсуждалъ, что государство находится *въ военномъ состояніи*, почему издержки на содержаніе военныхъ силъ должны быть удовлетворены безъ всякаго сокращенія, а прочія, напротивъ, по возможности уменьшены. Съ такими убав-

ками всѣ расходы на 1812 годъ были ограничены 326,406,000 руб., а за исключеніемъ изъ текущихъ расходовъ платежа разныхъ долговъ—284,659,000 руб.

Перейдя къ *доходамъ*, совѣтъ отвергнулъ изъ числа предположеній министра финансовъ: налогъ на доходы; введеніе контрактной бумаги по цѣнѣ крѣпостной; пошлину при переходѣ наслѣдствъ, и новый внутренній заемъ. «Но какъ—далѣе говорилъ совѣтъ—наполнивъ текущіе расходы займами и чрезвычайными суммами и не принявъ сильныхъ мѣръ къ уплатѣ долговъ, правительство въ концѣ года найдется снова въ тѣхъ же затрудненіяхъ: то рано или поздно должно, по всей необходимости, придти къ двумъ кореннымъ правиламъ, которыя, въ планѣ финансовъ, поставлялись основаніемъ всему дѣлу, и именно: 1) чтобы ежегодные доходы поставить въ независимость отъ движенія кредитной системы, и 2) чтобъ усилить капиталъ погашенія».

Съ этою цѣлью совѣтъ положилъ:

1) Государственные доходы и расходы устроить такъ, чтобъ они были уравнены между собою безъ всякихъ новыхъ налоговъ.

2) Всѣ государственные долги, какого бы рода они ни были, соединить въ одну массу, ввѣривъ управленіе ихъ коммиссіи погашенія долговъ, прежде для однѣхъ ассигнацій учрежденной.

3) Для уплаты и постепеннаго погашенія долговъ передать въ эту коммиссію, сверхъ суммъ отъ продажи государственныхъ имуществъ, еще разныя статьи государственныхъ доходовъ, установивъ для того опять новые налоги и прибавку въ прежнихъ.

Выгоды отъ такого распорядка журналъ доказывалъ тѣмъ: 1) что новые налоги удобнѣе могутъ быть установлены *для уплаты долговъ*, чѣмъ на покрытіе *ежегодныхъ*

расходовъ; 2) что, бывъ наложены для уплаты долговъ, они, по существу ихъ предназначенія, будутъ временными и самые отчеты коммиссіи откроютъ каждому возможность изчислить время ихъ сложенія; 3) что такимъ средствомъ усилится довѣріе къ мѣрамъ, принимаемымъ для погашенія долговъ, слѣдственно и къ мѣрамъ для возвышенія курса ассигнацій, и 4) что имъ прекратится, на будущее время, и то смѣшеніе, по которому капиталы, предназначавшіеся на погашеніе долговъ, были истощаемы на ежегодные расходы. Если же нѣкоторые налоги и будутъ отъ этого, конечно, въ значительной степени возвышены, то въ стѣсненномъ финансовомъ положеніи всѣ способы легкіе и мгновенные, какъ то займы, отсрочки и тому подобныя поправленія, не только неудобны, но даже и бѣдственны.

Послѣдствіемъ этихъ разсужденій были:

а) Манифестъ 29-го января 1812 года (№ 24.976), въ которомъ «какъ доходы и расходы государственные *найдены въ надлежащей между собою соразмѣрности*», повелѣвалось всѣ текущіе расходы на 1812 годъ удовлетворить изъ существующихъ доходовъ.

б) Манифестъ 11-го февраля (№ 24.992), въ которомъ, съ преобразованіемъ коммиссіи погашенія долговъ въ соотвѣтственность новому, болѣе обширному кругу ея дѣйствія, опредѣлялось, *для ускоренія уплаты государственныхъ доловъ и для утвержденія и возвышенія государственнаго кредита*, учредить временныя прибавки въ податяхъ и новыя пошлины, съ предназначеніемъ ихъ *единственно* на погашеніе долговъ (*).

(*) *Прибавки*, частію въ весьма значительномъ количествѣ, сдѣланы были въ податяхъ подушной и оброчной (объ этой собственно прибавкѣ послѣдовалъ потомъ дополнительный указъ 20-го февраля, № 24.999, которымъ увеличенъ еще сборъ съ мѣщанъ по 3 руб. съ души), въ сборѣ съ купеческихъ капиталовъ, въ пошлинахъ съ чаю, пива, гербовой бумаги, паспортовъ, подорожень, пересылки писемъ и посылокъ и част-

Очевидно, что если *первый* изъ этихъ актовъ, служа лучшимъ доказательствомъ успѣха новопринятыхъ финансовыхъ мѣръ, долженъ былъ примирить съ ними всѣхъ людей мыслящихъ и непредубѣжденныхъ, то *второй* не могъ не уничтожить опять благопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго первымъ. Съ одной стороны, журналъ и разсужденія государственнаго совѣта оставались тайною его архива; съ другой, при молчаніи правительства о собиравшейся надъ Россіею тучѣ, вдругъ, спустя нѣсколько дней послѣ манифеста 29-го января, удостовѣрявшаго что доходы и расходы государственные находятся *въ надлежащей между собою соразмѣрности*, неожиданно являлся другой, которымъ, подъ предлогомъ *погашенія прежнихъ долговъ*, значительно возвышались налоги. Можетъ быть, если бы правительство тогда же рѣшилось открыть настоящее положеніе дѣлъ и причину принимаемыхъ имъ чрезвычайныхъ предосторожностей, то публика поняла бы необходимость общаго заблаговременнаго пожертвованія; ожидаемою грозою заглушился бы ропотъ частнаго интереса и отозвалось бы, какъ было впослѣдствіи, патріотическое чувство. Но такая предусмотрительная откровенность не входила въ число аксіомъ тогдашней государственной науки, или, точнѣе сказать, служебной практики. Прикрывать язвы, маскировать бѣду до послѣдней минуты, казалось верхомъ государственной прозорливости и тонкаго искусства, и это несчастное ученіе господствовало не у насъ однихъ, но было общимъ во всѣхъ Европейскихъ кабинетахъ, кромѣ развѣ Англіи, гдѣ оно, однако жъ, также имѣло своихъ адептовъ,

---

ныхъ горныхъ заводовъ. *Новыя пошлины* установлены съ торгующихъ крестьянъ, которые до тѣхъ поръ ничего не платили (кромѣ столицъ). Наконецъ учрежденъ еще сборъ съ помѣщичьихъ доходовъ по добровольному ихъ объявленію.

по крайней мѣрѣ на дѣлѣ. Не удивительно послѣ того, если въ новомъ манифестѣ толпа увидѣла лишь новую народную тягость, ничѣмъ, по видимому, неоправдываемую; увидѣла явное противорѣчіе съ недавнимъ, утѣшительнымъ объявленіемъ; увидѣла, наконецъ, произволъ, шаткость принимаемыхъ мѣръ, обольстительную фантасмагорію, и за все это налегла своими обвиненіями — на Сперанскаго, какъ на зачинщика всѣхъ новыхъ выдумокъ. Враги и завистники его не замедлили, разумѣется, воспользоваться усилившимся противъ него озлобленіемъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ очень хорошо была извѣстна настоятельная причина новыхъ налоговъ; но своекорыстнымъ честолюбцамъ выгоднѣе было притворяться, что они раздѣляютъ общее непониманіе; отечество, общее благо, стояли для нихъ на второмъ планѣ.

Какъ бы то ни было, правительство достигло минутной своей цѣли; роспись 1812-го года обѣщала, со включеніемъ новыхъ налоговъ, доходъ въ 378,000,000 руб.

Манифестомъ 11-го февраля 1812 года (съ прибавленіемъ къ нему указа 20-го февраля) Сперанскій завершилъ свою финансовую администрацію. Тѣ акты, которые мы еще изчислимъ, предшествовали этому манифесту по времени.

5) Внѣшняя торговля.

Послѣ блестящаго положенія вексельнаго нашего курса въ 1803-мъ году, онъ началъ постепенно колебаться и наконецъ, во второй половинѣ 1810-го, пониженіе его приняло видъ совершеннаго упадка. Въ коммерческомъ мірѣ это вліяніе приписывалось, частію, повсемѣстному, отъ политическихъ событій того времени, потрясенію до-

вѣрія къ общественной безопасности, частію же—хотя и втайнѣ — новымъ нашимъ финансовымъ операціямъ, но больше всего—невыгодности торговаго баланса, происшедшей отъ принятія нами континентальной системы, одного изъ бѣдственныхъ порожденій Тильзитскаго мира. Англія, вывозившая прежде изъ Россіи болѣе, нежели всѣ остальныя державы Европы вмѣстѣ, стала во враждебное къ намъ положеніе и нашъ отпускъ туда сырыхъ матеріаловъ пресѣкся. Лишь Американцы, не бывъ въ разрывѣ съ Англичанами, продолжали свободно плавать по морямъ и они одни служили намъ посредниками для полученія колоніальныхъ товаровъ; но ихъ торговля не могла равняться съ потеряннымъ для Россіи Англійскимъ рынкомъ. Нарушеніе всякаго равновѣсія во внѣшней нашей торговлѣ и стремительный упадокъ курса имѣли непосредственное вліяніе и на всѣ внутренніе обороты, и на положеніе государственнаго кредита вообще. Александръ съ сердечнымъ сокрушеніемъ смотрѣлъ на такой порядокъ вещей; но какъ явная распря съ Наполеономъ еще не соотвѣтствовала интересамъ Россіи (мы говоримъ здѣсь о 1810-мъ годѣ), то нужна была особенная осторожность, чтобы отстранить все, что́ творцу континентальной системы могло служить поводомъ къ разрыву. Эта осторожность высказывалась тогда во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства, даже во всемъ, что́ писали въ то время отъ его имени. Такъ, въ сентябрѣ 1810-го года, Мордвиновъ, въ журналѣ департамента экономіи, говорилъ: «Нельзя намъ, безъ явнаго оскорбленія, и помыслить, чтобы союзницѣ нашей (Франціи) пріятно было видѣть насъ столь жестоко изнуряемыхъ во внутреннихъ силахъ нашихъ, и чтобъ оная не могла охотно соглашаться на мѣры, изыскуемыя нами для извлеченія себя изъ столь болѣзненнаго положенія». Эти мѣры и были изысканы государственнымъ се-

кретаремъ. Собравъ, съ вѣдома и согласія Государя, особый комитетъ изъ представителей почетнѣйшихъ нашихъ торговыхъ домовъ, онъ соображенія ихъ, вмѣстѣ съ собственными своими мыслями, сообщилъ министру финансовъ, еще бывшему въ то время въ дружественныхъ съ нимъ отношеніяхъ. Министръ облекъ все это въ форму представленія государственному совѣту, и такимъ образомъ проектъ объ устройствѣ внѣшней нашей торговли пошелъ отъ лица Гурьева, но истиннымъ творцомъ его былъ также Сперанскій.

Представленныя мѣры относились къ двумъ главнымъ предметамъ: I) къ сокращенію привоза и самыхъ требованій иностранныхъ товаровъ, II) къ облегченію и поощренію вывоза нашихъ товаровъ.

Въ отношеніи къ *первому предмету* предлагалось:

а) Запретить привозъ предметовъ роскоши и вообще тѣхъ, которые не принадлежатъ къ необходимымъ.

б) Возвысить пошлину на товары дозволенные.

в) Уменьшить число пунктовъ, къ которымъ дозволяется привозъ.

г) Дополнить правила для коносаментовъ и декларацій, къ бо́льшему затрудненію недозволеннаго привоза.

д) Усугубить таможенный присмотръ.

е) При составленіи на этихъ основаніяхъ тарифа:

Для *привозныхъ* товаровъ: 1) предметы необходимые и общеполезные оставить, по прежнему, безъ пошлины; 2) сырые товары, нужные какъ матеріалъ для нашихъ промышленныхъ заведеній, обложить пошлиною отъ 1-го до 5-ти, а другіе, менѣе общепотребные, отъ 5-ти до 10-ти процентовъ ихъ цѣны; 3) товары, принадлежащіе къ роскоши, но отъ привычки къ нимъ сдѣлавшіеся необходимыми,—отъ 10-ти до 50-ти процентовъ; 4) мануфактурные товары вообще—отъ 10-ти до 50-ти.

Для товаровъ *отпускныхъ:* 1) сырые товары, производимые и въ другихъ государствахъ, оставить безъ пошлинъ, или обложить, частію, отъ 1-го до 10-ти процентовъ; 2) такіе, которые составляютъ исключительную принадлежность Россіи, обложить отъ 2-хъ до 15-ти процентовъ; 3) товары выдѣланные, въ поощреніе внутреннихъ фабрикъ, оставить безъ пошлинъ и только самую малую часть ихъ обложить отъ 1-го до 9-ти процентовъ.

Въ отношеніи ко *второму* предмету, по причинѣ громоздкости и тяжести бо́льшой части нашихъ произведеній, не допускающихъ сухопутнаго ихъ перевоза и требующихъ всевозможныхъ облегченій въ отправленіи моремъ, признано было необходимымъ, за малочисленностію собственныхъ нашихъ морскихъ судовъ, устранить всѣ затрудненія въ допущеніи къ нашимъ портамъ иностранныхъ нейтральныхъ судовъ. «Извѣстно—говорилось въ представленіи—что не столько строгость правилъ, постановленныхъ для нейтральной навигаціи, сколько медленность и проволочка въ разсмотрѣніи документовъ корабельныхъ и въ рѣшеніи дѣлъ сего рода стѣсняютъ торговлю, обременяя ее убытками, съ потерею времени сопряженными, и опасаться должно, что страхъ, наведенный кораблехозяевамъ медленностію, которой они въ семъ (1810-мъ) году подвержены были въ рѣшеніи дѣлъ не только о корабляхъ съ грузомъ, но и о тѣхъ, которые приходили съ баластомъ, сильно подѣйствуетъ на вывозъ нашихъ произведеній въ будущемъ году, умаливъ число приходящихъ въ наши порты кораблей, если теперь же не сдѣлать распоряженій, чтобъ успокоить ихъ отъ опасенія подобныхъ проволочекъ». Вслѣдствіе того предлагалось постановить правила, по которымъ портовыя наши таможни могли бы сами собою немедленно рѣшать дѣла о нейтральности судовъ и допускать ихъ къ нагрузкѣ нашими товарами, а съ тѣмъ вмѣстѣ означить случаи, въ которыхъ

сомнѣнія въ корабельныхъ документахъ должно представлять на разрѣшеніе высшаго начальства.

Эти предположенія были одобрены государственнымъ совѣтомъ, но предварительно на одинъ только годъ и, вслѣдствіе того, 19 декабря 1810 года (№ 24.464) состоялось «Положеніе о нейтральной торговлѣ на 1811 годъ въ портахъ Бѣлаго, Балтійскаго, Чернаго и Азовскаго морей и по всей западной сухопутной границѣ». Манифестъ, при которомъ оно было издано, содержалъ въ себѣ слѣдующее воззваніе: «Издавая правила сіи, Мы надѣемся, что вѣрные Наши подданные, вникнувъ въ истинный ихъ разумъ, будутъ всемѣрно содѣйствовать попеченіямъ Нашимъ о собственномъ ихъ благѣ, отсѣченіемъ излишнихъ издержекъ, умѣренностію въ образѣ жизни и обращеніемъ капиталовъ ихъ не въ пищу чужеземной роскоши, но въ поощреніе собственныхъ нашихъ отечественныхъ фабрикъ и издѣлій; въ семъ предположеніи Мы ожидаемъ, что съ удовольствіемъ пожертвуютъ они мгновенными прихотями прочному устройству внутренняго трудолюбія».

Впослѣдствіи, манифестомъ 21 января 1812-го года (№ 24.960) это же положеніе продолжено и на 1812 годъ, съ возвышеніемъ только, въ видахъ поощренія внутренней промышлености, пошлинъ съ нѣкоторыхъ привозныхъ статей.

III.

Обозрѣвъ сущность финансовыхъ операцій этой эпохи, мы теперь, также какъ и въ предшедшихъ главахъ, представимъ мысли о нихъ современной публики, равно какъ и тѣ доводы, которыми Сперанскій старался, сперва, подкрѣпить, а потомъ оправдать свои предположенія по этой части.

Здѣсь опять является на первомъ планѣ записка Карамзина, которая, по времени ея представленія Императору Александру, могла разсматривать, впрочемъ, только однѣ мѣры 1810-го года; но именно въ этомъ году и было положено основаніе важнѣйшимъ между ними. Мы извлечемъ изъ этой записки все, что́ сказано въ ней о финансовой части, кромѣ нѣкоторыхъ историческихъ изслѣдованій, относящихся къ прежнему времени.

«Къ важнѣйшимъ дѣйствіямъ нынѣшняго царствованія— говорилъ Карамзинъ—относятся мѣры, взятыя для уравненія расходовъ съ доходами, для приведенія въ лучшее состояніе торговли и вообще государственнаго хозяйства. Двѣ несчастныя войны Французскія, Турецкая и въ особенности Шведская, заставили казну умножить количество ассигнацій; случилось необходимое: цѣны на вещи возвысились и курсъ упалъ, а разрывъ съ Англіею довершилъ сіе бѣдствіе. Грузные товары наши могутъ быть единственно отпускаемы моремъ; число иностранныхъ кораблей въ Россійскихъ гаваняхъ уменьшилось, а произведенія фабрикъ Европейскихъ, легкія, драгоцѣнныя, входили къ намъ и моремъ и сухимъ путемъ. Изчезло всякое равновѣсіе между ввозомъ и вывозомъ. Таково было состояніе вещей, когда показался манифестъ о налогахъ (2 февраля 1810).

«Вмѣсто того, чтобы сказать просто: «необходимое умноженіе казенныхъ расходовъ требуетъ умноженія доходовъ, а новыхъ ассигнацій не хотимъ выпускать», правительство торжественно объявило намъ, что ассигнаціи не деньги, но составляютъ необъятную сумму долговъ государственныхъ, требующихъ платежа металломъ, коего нѣтъ въ казнѣ!.... Слѣдствіемъ было новое возвышеніе цѣнъ на всѣ вещи и паденіе курса: первое отъ новыхъ налоговъ, второе—отъ уменьшенія довѣренности иноземцевъ къ нашимъ ассигнаціямъ, торжественно оглашеннымъ сомни-

тельными векселями. Скажемъ о томъ и о другомъ нѣсколько словъ.

«Умножать государственные доходы новыми налогами есть способъ весьма ненадежный и только временный. Земледѣлецъ, заводчикъ, фабрикантъ, обложенные новыми податями, всегда возвышаютъ цѣны на свои произведенія, необходимыя для казны, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ открываются въ ней новые недостатки. Напримѣръ, за что коммисаріатъ платилъ, въ началѣ года, 10,000,000, за то въ концѣ, вслѣдствіе прибавленныхъ налоговъ, подрядчики требуютъ 15,000,000.

«Опять надобно умножать налоги, и та́къ до безконечности. Государственное хозяйство не есть частное: я могу сдѣлаться богатѣе отъ прибавки оброка на крестьянъ моихъ, а правительство не можетъ: ибо налоги его суть общіе и всегда производятъ дороговизну. Казна богатѣетъ только двумя способами: размноженіемъ вещей, или уменьшеніемъ расходовъ—промышленностію, или бережливостію. Если годъ отъ году будетъ у насъ болѣе хлѣба, суконъ, кожъ, холста, то содержаніе арміи должно стать менѣе, а тщательная экономія—богатѣе золотыхъ рудниковъ. Милліонъ, сохраненный въ казнѣ за расходами, обращается въ два; милліонъ, налогомъ пріобрѣтенный, уменьшается нынѣ въ половину, завтра будетъ нулемъ.

«Обратимся къ ассигнаціямъ. Многіе простодушные, впрочемъ неглупые люди, донынѣ думаютъ, что совѣтники правительства въ семъ случаѣ имѣли свои тайные виды и хотѣли умышленно повредить государственному кредиту. Я изъясняю себѣ загадку, какъ и въ другихъ случаяхъ, одною извѣстною хвастливостію неосновательныхъ умовъ и не менѣе извѣстною ихъ охотою умничать. Доселѣ назывались въ Россіи государственными долгами только тѣ суммы, которыя наше правительство занимало въ Голландіи

или другихъ земляхъ; никто не причислялъ ассигнаціи къ онымъ, и всякій считалъ ихъ деньгами, ибо онѣ служили какъ деньги въ куплѣ..........

«Время Павлово не произвело никакой важной перемѣны въ государственномъ хозяйствѣ, ибо казна не умножала ассигнацій; но въ нынѣшнее царствованіе оныя излились рѣкою и вещи удвоились, утроились въ цѣнѣ. Не осуждаемъ правительства за выпускъ, можетъ быть, 500,000,000 бумажныхъ денегъ. Находились ли иныя лучшіе способы для удовлетворенія государственнымъ потребностямъ, не знаю, даже сомнѣваюсь. Но когда сдѣлалось неминуемое зло, то надобно размыслить и взять мѣры въ тишинѣ, не охать, не бить въ набатъ, отъ чего зло увеличивается. Пусть министры будутъ искренни предъ лицомъ одного Монарха, а не предъ народомъ; сохрани Боже если они будутъ слѣдовать иному правилу: обманывать Государя и сказывать всякую истину народу. Объявите, что отнынѣ фабрика ассигнаціонная останется безъ дѣла: хорошо; но къ чему толковать слова: «объявителю платитъ государственный банкъ, и проч.» Я позволилъ бы сказать вамъ что ассигнаціи не деньги, если бы вы могли отворить банки и ящики, наполненные серебромъ, для вымѣна бумажекъ; позволилъ бы сказать, что ассигнаціи не деньги, если бы у насъ были другія; какія же? серебряныя или мѣдныя? Сколько ихъ теперь въ Россіи и думаете ли, что бѣдная сумма оныхъ могла бы довольствовать государство въ торговыхъ его оборотахъ?..........

«Необходимость есть законъ для правительства и народа. Если бы купецъ сказалъ о своихъ векселяхъ то́, что въ манифестѣ сказано объ ассигнаціяхъ, если бы объявилъ торжественно, что надавалъ ихъ непомѣрное количество и крайне заботится о слѣдствіяхъ: едва ли бы кто на другой день согласился продать ему свое имѣніе на вексель; а за

наши ассигнаціи и теперь продают все. Онѣ унизились цѣною въ отношеніи къ вещамъ не для того, что лишились кредита или довѣрія, но слѣдуя общему закону соразмѣрности между вещами и деньгами; однимъ словомъ, вопреки манифесту, ассигнаціи и теперь остаются у насъ деньгами, ибо иныхъ не имѣемъ; но купцы иноземные, купцы гораздо ученѣйшіе Россіянъ въ языкѣ и въ признакахъ государственнаго банкротства, усомнились имѣть дѣла съ нами; курсъ упадалъ болѣе и болѣе, уменьшая цѣну Россійскихъ произведеній для иноземцевъ и возвышая оную для насъ самихъ.

«Что сказать о такъ называемомъ *разумѣ манифеста*, всюду разосланномъ вмѣстѣ съ онымъ? Надобно, чтобъ разумъ находился въ самомъ манифестѣ, а не въ особенномъ твореніи какого нибудь школьника-секретаря, который, съ смѣшною важностію, толкуетъ намъ слова повтореніемъ ихъ или перестановкою, гордо объявляя, что одни слабоумные считаютъ нужнымъ переливъ монетъ сообразно съ ея нынѣшнею цѣною, и что пудъ мѣди, стоющій во всѣхъ прочихъ вещахъ 40 руб., въ деньгахъ долженъ ходить за 16: ибо если мы изъ мѣднаго рубля сдѣлаемъ два, то всѣ цѣны удвоятся. Нѣтъ, господинъ изъяснитель, мѣдная монета есть у насъ только размѣнная, въ коей мы имѣемъ теперь крайнюю нужду и которая уменьшается отъ тайнаго переплавливанія въ вещи, или вывоза въ чужія земли. Не надобно изъ рубля мѣди, безъ необходимости, дѣлать десяти, чтобы не было фальшивой монеты; но не должно дѣлать и 16-ти изъ 40, чтобы монету не переплавливали въ кубы и пр. Ни въ какомъ государствѣ деньги не ходятъ ниже цѣны своей. Вопреки сему *разуму*, правительство уставило перемѣнить мѣдную монету и сдѣлать изъ 16-ти 24; для чего же не 40, не 50? Не такъ легко дѣланіе фальшивой монеты, если бы мѣдь чрезъ нѣсколько времени и весьма унизилась въ цѣнѣ,

чему доказательствомъ служитъ собственный нашъ примѣръ, когда мѣдныя деньги, со времени Петра Великаго, ходили въ Россіи несравненно выше внутренняго своего достоинства. . . . . .

«Я развертывалъ книги о государственномъ хозяйствѣ, слыхалъ, какъ люди ученые судятъ о нынѣшнемъ хозяйственномъ состояніи Россіи и замѣчалъ болѣе словъ, нежели мыслей, болѣе мудрованій, нежели ясныхъ понятій. Зло не такъ велико, какъ думаютъ. Все дорого, правда; но съ умноженіемъ расходовъ, не прибавились ли и доходы? Владѣлецъ, имѣющій деревни на пашнѣ, или фабрики, не терпитъ отъ дороговизны, купцы также; господинъ оброчныхъ крестьянъ терпитъ болѣе или менѣе; денежные капиталисты и люди, живущіе жалованьемъ, болѣе всѣхъ терпятъ. Сравнивая выгоду и невыгоду, вижу, что нынѣшняя дороговизна есть вообще зло; а какъ она произошла отъ умноженія ассигнацій, то надобно ли уменьшить ихъ количество? «Надобно»—думаетъ правительство, и взяло мѣры: учредило заемный банкъ и продаетъ казенныя имѣнія. . . . Желательно, чтобъ сіе намѣреніе не совсѣмъ исполнилось; иначе явится другое зло, которое въ теченіи минувшаго лѣта едва ли кто нибудь могъ предвидѣть.

«Цѣны на вещи возвышались не только по соразмѣрности прибавляемыхъ ассигнацій, но и по вѣроятностямъ ихъ будущаго выпуска, также вслѣдствіе новыхъ податей и низкаго курса. Дороговизна ежедневно возрастала. Въ пятницу хотѣли взять за товаръ больше нежели въ четвергъ, въ субботу болѣе нежели въ пятницу, слѣдуя иногда привычкѣ и вкусу своего корыстолюбія. Уже не дѣйствуетъ сила, приведшая въ дѣйствіе шаръ, а онъ еще катится. Вѣрятъ и не вѣрятъ, чтобы казна перестала выдавать ассигнаціи. Накопецъ открывается нечаянность: большая нужда въ деньгахъ, т. е. въ ассигнаціяхъ! Купцы

въ Москвѣ съ изумленіемъ спрашиваютъ другъ у друга, куда онѣ дѣвались и предлагаютъ заимодавцамъ три процента на мѣсяцъ. Ассигнацій не убыло, но, по дороговизнѣ, дѣлается мало, т. е. излишне высокія цѣны въ послѣднее время вышли изъ соразмѣрности съ суммою оныхъ. Напримѣръ купецъ, имѣя прежде 10.000 въ капиталѣ, нынѣ имѣетъ 15.000; но какъ цѣна покупаемаго имъ товара удвоилась, то онъ, чтобы не уменьшить своей торговли, долженъ призанять 5.000 руб.

«Если казна, посредствомъ банка и продажи имѣній, выметъ теперь изъ оборота миллiоновъ двѣсти, увидимъ страшный недостатокъ въ деньгахъ; винные откупщики разорятся, крестьяне не заплатятъ оброка господину, купцы не купятъ или не продадутъ товара, найдется недоимка въ казенныхъ сборахъ. Не думайте, чтобы вдругъ оказалась дешевизна; нѣтъ, первые продавцы не скоро уступятъ вамъ вещь за половину бывшей ея цѣны, но сдѣлается остановка въ торговлѣ и въ платежахъ. Неудовольствіямъ, жалобамъ не будетъ конца, и многіе окажутся банкротами прежде, нежели установится новый порядокъ въ оцѣнкѣ вещей, соразмѣрный съ количествомъ денегъ въ государствѣ. Великіе переломы опасны. Вдругъ уменьшить количество бумажекъ также вредно, какъ вдругъ умножить. Чтó же дѣлать? Не выпускать ихъ болѣе, сего довольно; цѣны спадутъ безъ сомнѣнія, ибо возвысились несоразмѣрно съ прибавленіемъ ассигнацій, какъ мы сказали;—но спадутъ постепенно, безъ кризиса, если Россія не будетъ имѣть какихъ нибудь несчастій.

«Вторая мысль заемнаго банка, или такъ называемаго *погашенія долговъ*, есть—унизить серебро, обѣщаніемъ уплатить, черезъ нѣсколько лѣтъ, рубль симъ металломъ за два бумажные. Если бы внесли въ сей банкъ миллiоновъ двѣсти, то правительство нашлось бы въ крайнемъ затруд-

ненія по истеченіи срока: не легко приготовить 100,000,000 сереб. для расплаты! Къ счастію, взносъ не великъ, ибо у насъ нѣтъ праздныхъ капиталовъ; но достохвально ли учрежденіе, коему нельзя желать успѣха? Авторъ, кажется, полагалъ, что въ теченіи шести лѣтъ рубль серебряный унизится до 150-ти к. ассигнаціями, и что заимодавцы съ радостію возьмутъ всю сумму бумажками. Хорошо; а если того не будетъ? Замѣтимъ, что цѣна серебра возвысилась у насъ гораздо болѣе иныхъ цѣнъ. Куль муки за четыре года передъ симъ стоилъ въ Москвѣ 4½ р., а теперь стоитъ менѣе 2½. Возьмите въ примѣръ и другія Россійскія произведенія: за все платите серебромъ почти вдвое менѣе прежняго; виною то, что умножился расходъ онаго для содержанія заграничныхъ армій и для тайной покупки иноземныхъ товаровъ. Хотите ли уронить цѣну серебра? Не вымѣнивайте его для армій; уймите запрещенную торговлю, которая вся производится на звонкую монету; дайте намъ болѣе размѣнныхъ денегъ, или—вы хотите невозможнаго. Теперь дороговизна благородныхъ металловъ убыточна не для народа, а для казны и богатыхъ людей, имѣющихъ нужду въ иноземныхъ товарахъ, коихъ цѣна возвышается по цѣнѣ серебра. У насъ ходитъ оно только въ столицахъ, въ городахъ пограничныхъ, въ приморскихъ; внутри Россіи не видятъ и не спрашиваютъ его, въ противность сказанному въ манифестѣ, что единственная Россійская банковая монета есть рубль серебряный. Нѣтъ—серебро у насъ товаръ, а не деньги».

Любопытна также, хотя въ другомъ родѣ, небольшая собственноручная записка князя (тогда еще графа) Кочубея, найденная въ его бумагахъ. Время ея составленія неизвѣстно и тонъ, по обыкновенію писавшаго ее, чрезвычайно остороженъ; но во всякомъ случаѣ она доказываетъ, что, при ея сочиненіи, мысли автора были иныя,

нежели тогда, когда самъ онъ не только одобрялъ всѣ предположенія Сперанскаго (одобреніе это, впрочемъ, повторяется, частію, и здѣсь), но находилъ ихъ и своевременными.

«Въ исходѣ 1809-го года—сказано въ этой запискѣ—представленъ былъ планъ финансовъ, основанный, безъ сомнѣнія, на началахъ экономіи государственной неоспоримыхъ и освященныхъ опытностію другихъ государствъ и лучшихъ писателей. Но тогда потеряно было изъ виду то́, что теорія самая лучшая иногда неудобна на самомъ дѣлѣ и что, для введенія новой финансовой системы, нужны времена спокойныя и увѣренность, что въ продолженіи по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ лѣтъ сряду принятыя мѣры могутъ получить полное движеніе и въ ходу ихъ не затрудниться. Трудно, изъ самой дурной даже системы, обратиться въ самую лучшую безъ положенія переходнаго. Многія распоряженія принятаго въ 1810-мъ году плана произвели полезныя дѣйствія. Прекращеніе новыхъ выпусковъ ассигнацій, заемъ на серебро, продажа казенныхъ имуществъ и проч. имѣли болѣе или менѣе полезное вліяніе на кредитъ публичный, удержали ассигнаціи и вексельный курсъ отъ дальнѣйшаго паденія, доставили способы на полезные обороты по долгамъ банка; но планъ сей никакъ не могъ получить полнаго дѣйствія: ибо одно изъ главнѣйшихъ его основаній—истребленіе опредѣленной части бумагъ—не могло получить и первоначальнаго движенія; понеже нужды государственныя поглощали и доходы и займы».

Наконецъ существуетъ еще (въ рукописи) записка о ходѣ финансоваго управленія въ Россіи, составленная барономъ Розенкампфомъ. Она содержитъ въ себѣ, между прочимъ, и обзоръ всѣхъ операцій 1810—12-го годовъ; но мы почти ничѣмъ не могли воспользоваться изъ этой записки (составленной, впрочемъ, уже гораздо позже, и именно въ тридцатыхъ годахъ), потому что она не только исполне-

на явнаго предубѣжденія противъ всего, что̀ дѣлалъ Сперанскій и по этой части, не только дышетъ самою желчною противъ него ненавистью, но даже искажаетъ факты и выводитъ небывалое, съ видимою цѣлію очернить передъ потомствомъ самую память бывшаго начальника ея сочинителя.

Изъ числа всѣхъ, предложенныхъ Сперанскимъ финансовыхъ мѣръ, только тарифъ и торговое положеніе 1810-го года не вызвали нареканій отъ современниковъ. Снова открывъ сѣверные порты колоніальнымъ товарамъ; давъ истокъ собственнымъ нашимъ произведеніямъ; наконецъ поразивъ запрещеніемъ лишь одни предметы высшей роскоши, отъ которыхъ многіе у насъ, при общей уже тогда ненависти ко всему Французскому, и сами охотно отказывались,—положеніе 1810-го года являлось въ то время мѣрою весьма популярною. То̀ былъ, въ глазахъ Россіи, первый актъ независимости со стороны нашего правительства въ отношеніи къ императору Французовъ; но впослѣдствіи, этотъ актъ, не смотря на всю руководившую при его составленіи осторожность, сдѣлался однимъ изъ главныхъ предлоговъ къ войнѣ. Узнавъ о запрещеніи ввоза въ Россію многихъ Французскихъ мануфактурныхъ издѣлій, Наполеонъ сильно вознегодовалъ. Постановленіе это, говорилъ онъ, нарушаетъ союзъ, благопріятствуетъ Англіи и совершенно лишаетъ Францію торговли съ Россіею. Первое было ложно, послѣднее—довольно справедливо; но тарифъ и былъ изданъ съ цѣлью обратить капиталы на оживленіе не чужой, а Русской промышленности (*). Всесильный импе-

(*) Самъ Сперанскій, въ Пермскомъ письмѣ, между доказательствами несообразности взведенныхъ на него обвиненій, собственно объ этомъ предметѣ писалъ: «какъ можно вообще согласить слѣдующія противорѣчія: быть преданнымъ Франціи и лишить ее всей торговли въ Россіи введеніемъ новаго тарифа?»

раторъ такъ, однако же, былъ избалованъ угодливостію всѣхъ дворовъ, что даже позволилъ себѣ упреки, за чѣмъ, не предваря его, обнародовали нашъ тарифъ (*). Ни объясненіе настоящей цѣли послѣдняго, ни объявленіе, что онъ изданъ (какъ тогда предполагалось) только на годъ, не могли успокоить Наполеона. Между тѣмъ болѣе двухъ сотъ Англійскихъ судовъ, подъ флагомъ Тенерифскимъ, вошло въ наши порты и пріумножило массу капиталовъ посредствомъ вывоза отъ насъ значительнаго количества сырыхъ произведеній. Напрасно государственный канцлеръ графъ Румянцовъ, по извѣстной своей податливости Наполеону, совѣтовалъ конфисковать какихъ нибудь десятка два изъ этихъ судовъ. Другіе были противнаго мнѣнія и Александръ согласился съ ними. Торговля наша ожила. Самъ Розенкампфъ, въ упомянутой выше запискѣ его, былъ вынужденъ сознаться, какъ бы не хотя, что положеніе 1810-го года составило новую эру въ движеніи нашей промышлености и что съ этого собственно времени должно полагать истинное начало у насъ мануфактуръ и фабрикъ.

Обращаясь къ тому, что́ писалъ о финансовыхъ своихъ операціяхъ самъ Сперанскій, сперва—какъ мы уже сказали—въ *подкрѣпленіе*, а потомъ въ *оправданіе* ихъ, мы находимъ въ нашихъ матеріалахъ три замѣчательныя его бумаги изъ трехъ разныхъ эпохъ. Одна есть приведенный уже выше отчетъ, поданный имъ 11 февраля 1811-го года, когда всѣмъ главнымъ частямъ операцій *положено было основаніе;* другая—записка, подъ заглавіемъ «О силѣ правительства», поднесенная Государю 3-го декабря того же

(*) Нѣкоторыя дальнѣйшія любопытныя подробности объ этомъ предметѣ можно видѣть въ «Исторіи отечественной войны 1812 года» генералъ-маіора Богдановича (т. I, стр. 35 и слѣд.).

года, когда уже почти все было *приведено въ исполненіе* и для Сперанскаго началась борьба со многими значительными лицами того времени; наконецъ третья—письмо его изъ Перми, писанное въ 1813-мъ году, когда, для него лично, уже *все было кончено* и онъ говорилъ о сдѣланномъ какъ бы лицо постороннее, или какъ нелицепріятный свидѣтель дѣлъ давно минувшихъ. Эти три бумаги, въ общей ихъ совокупности, представляютъ и обзоръ предпринятаго, или предположеннаго, и отвѣтъ на возникшія возраженія, жалобы и нареканія, и объясненіе причинъ безуспѣшности, или неудачъ,—разумѣется съ точки зрѣнія Сперанскаго. Нѣкоторыхъ повтореній, которыя читатель встрѣтитъ въ выпискахъ изъ этихъ любопытныхъ документовъ, противъ нашего разсказа, нельзя было избѣжать, не нарушивъ внутренней ихъ связи. Собственнаго нашего взгляда мы здѣсь нигдѣ не приводимъ, потому что для потомства важно мнѣніе Сперанскаго, а не наше.

«Въ ноябрѣ 1809-го года—писалъ онъ въ своемъ отчетѣ — Вашему Величеству угодно было повелѣть составить планъ финансовъ. Съ 1-го января минувшаго (т. е. 1810) года онъ воспріялъ свое начало.

«Въ какихъ обстоятельствахъ должно было планъ сей приводить въ дѣйствіе? Тогда, какъ сильнымъ потрясеніемъ весь кредитъ Европы почти уничтожился, когда цѣлыя царства, такъ сказать, изчезали, торговля въ отчаяніи, самая недвижимая собственность безъ достовѣрности и одно только то́ каждый считаетъ своимъ, что́ можно спасти отъ войны и скрыть отъ налоговъ—серебро и золото.

«Въ семъ состояніи дѣлъ, въ теченіи одного года, среди всеобщаго, такъ сказать, пожара, надлежало исхитить наши финансы изъ опаснаго ихъ положенія.

«Двѣ главныя операціи къ сему естественно представлялись: платить долги и уравнять доходъ съ расходомъ. От-

сюда двѣ разныя части плана: система кредитная и равновѣсіе доходовъ.

«1) Система кредитная.

«Для уплаты долговъ приняты слѣдующія главныя положенія:

«а) остановить выпускъ ассигнацій;

«б) отдѣлить изъ государственныхъ имуществъ особенный капиталъ для погашенія;

«в) чтобъ ускорить движеніе сего капитала, открыть, на счетъ его, заемъ.

«Множество возраженій встрѣтили сіи положенія.

«Одни утверждали, что остановить ассигнацій невозможно.

«Другіе увѣряли, что имуществъ государственныхъ никто покупать не будетъ.

«Иные, наконецъ, искали доказать, что заемъ слишкомъ выгоденъ для частныхъ людей и убыточенъ для государства.

«Опытъ и молчаніе опровергли всѣ сіи предсказанія.

«Выпускъ ассигнацій остановленъ на самомъ дѣлѣ; имущества продаются выше самой высокой ихъ оцѣнки; заемъ идетъ, но не производитъ того сильнаго движенія, коего, отъ чрезвычайныхъ его выгодъ, страшились.

«Но если система кредитная устроена на началахъ правильныхъ: то для чего въ теченіи года не произвела она почти никакого въ деньгахъ поправленія?

«Для того, что система кредитная въ теченіи минувшаго года могла быть обдумана, написана и публикована, но не могла быть приведена въ дѣйствіе.

«Для того, что прекращеніе выпуска ассигнацій возвѣ-

щено 2-го февраля 1810, а воспріяло начало свое только 12-го января 1811 (*).

Для того, что въ то самое время, когда положено было остановить выпускъ ассигнацій, правительство принуждено было выпустить ихъ вновь на 43,000,000 и тѣмъ унизить всѣ курсы.

«Для того, что въ то самое время, какъ положено платить долги, надлежало еще помышлять, чѣмъ обезпечить ежегодные текущіе расходы, на которые и обращены были, по необходимости, знатныя суммы ассигнаціоннаго банка, предназначенныя къ погашенію долговъ.

«Для того, что продажа имѣній, на коей все дѣло сіе основано, возвѣщена была въ маѣ 1810-го, а начинается только теперь.

«Для того, что въ то самое время, какъ мы кредитъ свой старались возвысить, политическія происшествія унижали и разрушали его во всей Европѣ. Такъ, напримѣръ, по открытіи займа, мы ожидали капиталовъ изъ Голландіи и лучшіе банкиры въ томъ были увѣрены, а вмѣсто того, въ то самое время Голландія, бывъ постигнута извѣстнымъ декретомъ Рамбульетскимъ, бывъ присоединена къ Франціи и отягощена налогомъ 50-ти со ста, принуждена была не къ намъ высылать, а отъ насъ требовать своихъ капиталовъ. Мы считали еще на Гамбургъ, но въ тоже самое время Гамбургъ, отягощенный податьми и наконецъ присоединенный къ Франціи, принужденъ былъ сократить и даже окончить всѣ свои кредиты.

«Для того, наконецъ, что ни въ какое время, ни въ ка-

(*) «Т. е. мѣсяцъ тому назадъ, и примѣтить должно, что съ сего самого времени паденіе курсовъ остановилось. Съ сего времени можно ручаться, что они ниже не пойдутъ и будутъ постепенно возвышаться». *Примѣч. Сперанскаго.*

кихъ обстоятельствахъ, никакому государству не можетъ быть легко уплатить 600,000,000 долгу та́къ, чтобъ въ первый годъ, и даже въ первые шесть мѣсяцовъ, уплата сія была уже чувствительна; тѣмъ же менѣе еще можно сего требовать отъ государства безъ коммерціи, среди войны, и въ недостаткѣ ежегодныхъ доходовъ на текущіе расходы (*).

«Изъ сего, однако жъ, не слѣдуетъ, чтобы все уже въ сей части было сдѣлано и ничего дѣлать не оставалось. Напротивъ, симъ положено только начало.

«Безъ кредитныхъ бумагъ государство наше стоять не можетъ. Слѣдовательно не въ томъ только дѣло, чтобъ съ успѣхомъ окончить прежній кредитъ, надобно еще основать новый. Вмѣсто ассигнацій должно ввести вѣрныя банковыя бумаги, учредить правильные эсконты, словомъ составить государственный банкъ на основаніяхъ истинныхъ и непоколебимыхъ. Предметъ сей представляетъ связь работъ, кои означены только главными чертами въ планѣ, но къ коимъ еще и не прикоснулись. Хотя работы

(*) «Иностраннымъ и внутреннимъ нашимъ политикамъ, всегда храбрымъ на словахъ и трусливымъ на дѣлѣ, легко разсуждать въ кабинетѣ и спрашивать въ домашнихъ бесѣдахъ, для чего правительство не приняло мѣръ болѣе рѣшительныхъ? Для чего, напримѣръ, ассигнаціи вдругъ не консолидированы, или не превращены въ долгъ срочный? Здѣсь не мѣсто разрѣшать сіи вопросы. Довольно сдѣлать одно примѣчаніе: долги дѣланы были постепенно, бумаги наши упали не вдругъ; слѣдовательно не вдругъ, но постепенно должно ихъ и возвышать. Внезапность мѣръ могла бы произвесть въ государствѣ самое опасное потрясеніе. Вообще мѣры легкія и удобныя суть, по большей части, мѣры подозрительныя и ненадежныя. И такъ можно съ достовѣрностію утверждать, что мѣры, къ установленію кредитной системы у насъ принятыя, суть самыя лучшія, какія только обстоятельства принять дозволили. Бывъ разчислены не на полгода и не на годъ, онѣ доселѣ не могли произвесть своего дѣйствія. Но должны произвесть оное по всей необходимости». *Примѣч. Сперанскаго.*

сіи теперь и не могутъ быть произведены въ дѣйствіе: ибо новый кредитъ предполагаетъ окончаніе прежняго; тѣмъ не менѣе онѣ должны быть нынѣ же пріуготовлены. Можно съ достовѣрностію сказать, что отъ сего зависитъ жизнь и постоянное движеніе государственныхъ богатствъ.

«2) *Равновѣсіе доходовъ и расходовъ.*

«Въ сей части плана финансовъ сдѣланы слѣдующія положенія:

«а) установлена монетная система;

«б) установленъ порядокъ, коимъ смѣты расходовъ должны быть составляемы и охраняемы;

«в) экономическими суммами, прибавкою въ налогахъ и другими пособіями удовлетворены всѣ издержки 1810-го и обезпечены расходы 1811-го года;

«г) издано коммерческое положеніе на 1811 годъ.

«Одинъ взглядъ на положеніе 1811-го года открываетъ уже дѣйствительность мѣръ, кои къ равновѣсію ихъ были приняты. Доходы, по смѣтѣ на 1810 годъ, составляли 125,000,000, а на 1811 годъ они составляютъ 275,000,000. Сіе одно заграждаетъ уста всѣмъ пререканіямъ.

«Но сколь положеніе сіе ни кажется благопріятнымъ, оно далеко еще отстоитъ отъ того, которое въ планѣ предназначено.

«Въ самомъ дѣлѣ, всѣ приращенія въ податяхъ, кои доселѣ были допущены, имѣютъ два главные недостатка: *первое*, они основаны на самыхъ ложныхъ правилахъ, какъ и самые налоги; *второе*, со всѣми сими приращеніями настоящій доходъ государственный не достигъ еще нынѣ и того слабаго количества, въ коемъ онъ находился до 1787-го года, т. е. до выпуска ассигнацій, и даже едва

ли равняется съ тѣмъ, который былъ у насъ при Петрѣ Великомъ.

«Такимъ образомъ въ устройствѣ доходовъ ничего почти не сдѣлано, и сія часть плана, одна изъ самыхъ существенныхъ, доселѣ еще не восприяла своего начала.

«Пять главныхъ вѣтвей дохода въ имперіи нашей быть могутъ:

«Личная подать;

«Поземельная подать;

«Сборъ съ винокуренія;

«Налогъ съ промышленности и торговли. Сюда принадлежатъ подати съ купечества, таможенные сборы и подати съ мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ.

«Всѣ прочія мелочныя статьи податей не заслуживаютъ уваженія и бо́льшею частію должны быть уничтожены.

«Изъ сихъ пяти частей (*) двѣ только первыя получили нѣкоторое образованіе. Остается ихъ разсмотрѣть и привести въ дѣйствіе. Третья также близка къ своему совершенію. Но двѣ послѣднія представляютъ работу новую, къ коей никто еще почти не прикоснулся и которая, однако же, въ теченіи сего года необходимо должна быть окончена.

«Многіе думаютъ, что планъ финансовъ совершенно уже исполненъ и всѣ операціи приведены въ дѣйствіе. Мнѣніе сіе никакого не имѣетъ основанія. Изъ всего вышеизложеннаго видно, что нѣкоторыя только его части обработаны и изданы, другія же, по стеченію работъ, и теперь еще остаются безъ дѣйствія».

(*) Выше, порознь, исчислены только четыре. Вѣроятно что налоги съ промышленности и налоги съ торговли разсматривались здѣсь Сперанскимъ какъ двѣ раздѣльныя части.

Во *второй* своей запискѣ, «О силѣ правительства», изъяснивъ, что эта сила состоитъ въ законѣ, въ образѣ управленія, въ воспитаніи, въ войскѣ и въ финансахъ, и обращаясь за тѣмъ къ послѣднему предмету, Сперанскій писалъ:

«Всѣ соглашаются, что обиліе государственныхъ доходовъ составляетъ силу правительства.

«Но въ приложеніи сей истины къ дѣлу, тѣ же самые люди, кои *на словахъ* столь преданы престолу, столь привязаны къ монарху, столь жарко защищаютъ права̀ и преимущества самодержавной его власти, *на дѣлѣ* перемѣняютъ и рѣчь свою и разсужденія. При первомъ вопросѣ о умноженіи государственныхъ доходовъ, вдругъ нападаетъ на нихъ безмѣрная нѣжность и чувствительность къ нуждамъ народнымъ, страхъ отягощенія, опасность потерять любовь и преданность народа, и множество другихъ сему подобныхъ призраковъ, коими лесть и невѣжество часто оглушаютъ вниманіе государей.

«Здѣсь-то, въ сихъ опасныхъ совѣщаніяхъ, полагается первое начало ослабленія силы правительства. Здѣсь зараждаются сіи бѣдственныя ассигнаціонныя и имъ подобныя системы, коими, подъ видомъ легкаго и удобнаго исправленія финансовъ, истощаются его доходы и подтачивается власть его въ самомъ корнѣ.

«Совѣты сіи, во всѣхъ временахъ вредные, въ настоящемъ положеніи всѣхъ Европейскихъ державъ суть совершенно пагубны, и если бы у насъ не происходили они отъ явнаго неразумія, то можно бы было назвать ихъ государственнымъ преступленіемъ.

«Во всѣхъ временахъ, первое *правило* правительства есть—быть *справедливымъ;* но въ наше время первая *нужда* есть—быть *сильнымъ* и *богатымъ*.

«Есть въ свойствѣ нашего народа ожидать и всѣмъ

жертвовать въ крайности; но предвидѣть сію крайность заранѣе, исчислить ея приближеніе и принять сильныя и благовременныя противъ нея мѣры, нѣтъ у насъ ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ.

«Исторія нашихъ финансовъ и самый образъ ихъ исправленія доказываютъ сіе неоспоримо.

«Въ 1787 году доходы наши составляли до 100,000,000 серебр.

«Въ 1809 году, чрезъ двадцать два года, въ теченіи коихъ присоединено къ Россіи семь губерній и болѣе 10,000,000 народа, доходы составляли около 60,000,000 серебр. (125,000,000 ассигнаціями).

«Когда приступили къ ихъ исправленію, сколько споровъ, сколько пререканій о томъ, чтобъ въ наполненіе истинныхъ государственныхъ нуждъ удѣлить отъ доходовъ помѣщичьихъ 5,000,000 рублей.

«Но чего требуетъ правительство, возвышая свои доходы?

«Требуетъ, чтобъ возвращено было то́, что́ ложными совѣтами было отъ него отторгнуто и въ частныя руки захвачено; требуетъ, чтобъ даны были ему способы защищать и покровительствовать туже самую частную собственность, которая сама не можетъ защищать себя.

«Финансы начинаютъ поправляться и могутъ быть приведены въ твердое положеніе, если малодушныя совѣщанія, всегда легкія и удобныя, не превозмогутъ надъ предположеніями здравыми, хотя и трудными».

Наконецъ *въ письмѣ изъ изгнанія,* когда уже кончились всѣ надежды, разсчеты и личныя уваженія, Сперанскій, послѣ нѣсколькихъ словъ о томъ, какъ составлялся и разсматривался планъ финансовъ, перейдя къ образу его исполненія, съ чувствомъ глубокаго негодованія и огорченія писалъ:

«Здѣсь, тѣ же члены правительства, кои планъ одобрили, вмѣсто того чтобъ единодушно способствовать его исполненію, начали всемѣрно затруднять его; и тотъ, кто долженъ быть главнымъ его исполнителемъ, министръ финансовъ, не отрекаясь отъ него на словахъ, сталъ первымъ его противникомъ на дѣлѣ.

«Откуда сіе противурѣчіе? Оно изъясняется слѣдующимъ: весьма легко сказать *прекратить выпускъ ассигнацій*, но надобно было чѣмъ нибудь ихъ замѣнить; для сего надлежало:

«1) Сократить и привести въ порядокъ издержки, а здѣсь-то неудобства и роптаніе. Вмѣсто того, что прежде каждый министръ могъ почерпать свободно изъ такъ называемыхъ экстраординарныхъ суммъ, въ новомъ порядкѣ надлежало все вносить въ годовую смѣту, потомъ каждый почти рубль подвергать учету въ двухъ инстанціяхъ совѣта, часто терпѣть отказы и всегда почти уменьшеніе, и, въ концѣ всего, еще ожидать ревизіи контролера. Самъ министръ финансовъ подвергся тому же правилу. Могъ ли кому нравиться сей вещей порядокъ?

«2) Надлежало возвысить налоги. Слишкомъ двадцать лѣтъ Россія сего не знала. Каждый членъ правительства хотѣлъ сложить съ себя бремя сей укоризны; надлежало, однако жъ, чтобъ кто нибудь ее понесъ. Судьба и несправедливость людей меня избрали на сію жертву; меня осыпали эпиграммами, ругательствами, и пр., а другіе были въ сторонѣ.

«Были попытки и тогда уже окружить Ваше Величество страхами народнаго неудовольствія и подозрѣніями ко мнѣ. Отчетъ, который за 1810 годъ имѣлъ я счастіе представить въ февралѣ послѣдующаго года, изображалъ во всей ихъ силѣ мои опасенія. Я предвидѣлъ, не безъ страха, всѣ личныя слѣдствія и тогда же просилъ уволить меня отъ

званія государственнаго секретаря. Ваше Величество самымъ милостивымъ образомъ опровергли и мои страхи и мои желанія.

«Такъ прошелъ 1810 годъ.

«1811 годъ представилъ совсѣмъ противныя явленія. Тутъ министръ финансовъ предлагалъ налоги, а совѣтъ отвергалъ ихъ, яко неблаговременные. Онъ, министръ, доказывалъ, что въ половинѣ года все станетъ; прошелъ цѣлый годъ, ничто не остановилось и передержка была малозначуща. Тѣмъ не менѣе я и въ семъ году былъ рушителемъ порядка и человѣкомъ опаснымъ.

«Насталъ 1812 годъ. Недостатокъ весьма важный и, сверхъ того, близкая война. Министръ финансовъ представилъ систему налоговъ чрезмѣрно крутую и тягостную. Часть ихъ принята, другая замѣнена налогами легчайшими. Сіе смягченіе и сіи перемѣны, умноживъ раздраженіе, послужили послѣ министру финансовъ и обширному кругу друзей его весьма выгоднымъ предлогомъ отречься отъ всѣхъ мѣръ новаго положенія, сложить съ себя отвѣтственность и, по примѣру 1810-го года, но уже съ большею силою, на меня одного обратить всѣ неудовольствія.

«Если бы въ сіе время можно было напечатать всѣ представленія сего министра, тогда всѣ нареканія съ меня обратились бы на него; но его бумаги лежали спокойно въ дѣлахъ совѣта, а манифестъ (11 февраля 1812-го), съ примѣчаніями, Московскими вѣстями и ложными страхами, ходилъ по рукамъ.

«Я мнилъ, что спокойный взглядъ и терпѣніе двухъ или трехъ мѣсяцевъ разсѣятъ сію бурю. Въ самомъ дѣлѣ, она начала утихать; налоги приняли свою силу и пошли своимъ чередомъ.

«Но между тѣмъ какъ я былъ спокоенъ, властолюбивая

зависть не дремала и воспользовалась сопряженіемъ обстоятельствъ.

«Приступаю къ подробностямъ весьма для меня горестнымъ. . . . .

. . . .

«*О финансахъ.* Къ 1810-му году доходы государственные составляли около 125,000,000. Къ 1812-му они доведены были до 300,000,000. Приращеніе, въ два года, 175,000,000.

«Слова́ можно прикрасить, исказить и перетолковать, а дѣлъ, на простомъ счетѣ основанныхъ, перемѣнить нельзя.

«Смѣло могу утвердить, что, перемѣнивъ систему финансовъ, Ваше Величество спасли государство отъ банкротства. Придетъ время, Всемилостивѣйшій Государь, когда благія учрежденія Ваши, оправдавшись опытомъ, привлекутъ на себя благословеніе людей благомыслящихъ. Тогда, смѣю думать, и мое имя и мои бѣдствія вспомнятъ не безъ сожалѣнія.

«Планъ финансовъ и всѣ операціи, на немъ основанныя, всегда выдержатъ съ честію самое строгое изслѣдованіе всѣхъ истинныхъ государственныхъ людей, не только у насъ, но и во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ. Не словами, но математическимъ счетомъ можно доказать, что если бы въ свое время онъ не былъ принятъ, то не только вести настоящую войну, но и встрѣтить ее было бы не съ чѣмъ. И тотъ же планъ въ обширныхъ его примѣненіяхъ можетъ еще доставить важныя пособія въ тѣхъ затрудненіяхъ, кои обыкновенно открываются послѣ войны.

«Но отъ чего же столько ропоту? Отъ того, что ни въ какой землѣ не перемѣняли финансовой системы безъ неудовольствія.

«Отъ чего же—еще вопрошаютъ—понизились еще бо-

лѣе ассигнацій со времени введенія плана? Это есть секретъ правительства. Онъ состоитъ въ томъ: 1) что въ тоже самое время, какъ перемѣняли систему, принуждены были выпустить около 46,000,000 новыхъ ассигнацій (*); 2) въ томъ, что отъ прежняго казначейства, безъ умысла, единственно по незнанію, представленъ былъ неправильный счетъ той массы, которая была въ обращеніи, и на семъ счетѣ, коего неправильности тогда узнать никакъ было невозможно, основаны были первыя операціи. Но со всѣмъ тѣмъ, унизясь въ первый годъ, ассигнаціи потомъ такъ твердо установились, что въ теченіи трехъ послѣдующихъ лѣтъ онѣ сохранили постоянно свое достоинство и теперь еще, послѣ всѣхъ бѣдствій войны, онѣ свободнѣе, по цѣнѣ ихъ, принимаются въ народѣ нежели самое серебро. Сіе ли называется разрушеніемъ государственнаго кредита?

«*О ропотѣ отъ налоговъ*. Какое странное притязаніе желать, чтобъ народъ кланялся и благодарилъ, когда облагаютъ его налогами! Естественно, сперва поговорятъ, побранятъ, потомъ перестанутъ, а со временемъ, когда образумятся, то и благодарить будутъ. Гдѣ же не бранили за налоги; но можно ли сіе минутное неудовольствіе признавать опаснымъ ропотомъ? Если налоги въ половинѣ февраля произвели опасный ропотъ, то куда дѣвалась сія опасность въ мартѣ, въ маѣ, въ іюнѣ? Гдѣ слѣды сего общаго неудовольствія? Какимъ же волшебствомъ тотъ же народъ, то же дворянство, коего ропотомъ въ февралѣ стращали, въ маѣ и іюнѣ готовъ былъ всѣмъ жертвовать? Откуда сія перемѣна? Налоги не были сложены; напротивъ, во мно-

(*) Сперанскій, въ далекомъ заточеніи, безъ бумагъ и дѣлъ, впалъ здѣсь въ ошибку. Ассигнацій въ 1810 году, какъ мы видѣли выше, было выпущено съ небольшимъ 43,000,000.

гихъ мѣстахъ усилены. Слѣдовательно опасный ропотъ сей былъ басни, выдуманная людьми легкомысленными, кои, проживъ весь вѣкъ свой въ женскихъ сплетняхъ, по тѣмъ же самымъ сплетнямъ и Московскимъ вѣстямъ судятъ и о дѣлахъ государственныхъ и даже (горько помыслить!) мнятъ управлять ими . . . .

. . . .

«Не попустите, Всемилостивѣйшій Государь, чтобъ система ложныхъ страховъ и подозрѣній, система, коею, какъ я догадываюсь, ищутъ уловить вниманіе Вашего Величества, чтобъ система сія, всегда приводившая государей къ безславію, а государства къ бѣдствіямъ, превозмогла надъ достоинствомъ моральнаго Вашего характера, который одинъ, смѣю сказать, среди всѣхъ неустройствъ нашего правительства, доселѣ составлялъ отраду народа и надежду всѣхъ людей просвѣщенныхъ и благомыслящихъ. Одни мечтатели, или люди коварные и властолюбивые, могутъ видѣть, въ народѣ самомъ кроткомъ и добродушномъ, въ подданныхъ, привыкшихъ повиноваться самой малѣйшей власти, и Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, дѣйствительно и лично преданныхъ,—могутъ, въ семъ народѣ, въ мнѣніяхъ его и пустыхъ толкахъ неразумія или легкомыслія, видѣть ропотъ, опасности, причины важныхъ подозрѣній. Ужасъ поражаетъ мое воображеніе, когда я помыслю о слѣдствіи сихъ внушеній. Смѣло могу назвать ихъ, если они существуютъ, преступленіемъ противъ самаго величества. Но Богъ, проведшій Васъ сквозь толикое множество трудныхъ происшествій и сохранившій для благоденствія Россіи, безъ сомнѣнія сохранитъ и отъ сихъ опасныхъ сѣтей, скрытыхъ подъ видомъ личной преданности и какой-то привязанности къ старымъ Русскимъ правиламъ. Истинныя Русскія правила суть взаимная любовь и довѣріе между Государемъ и подданными, точное отношеніе отца

къ дѣтямъ, а совѣты, основанные на страхѣ и угодливости мнимому общему мнѣнію, когда оно несправедливо и пользамъ государственнымъ противно, суть совѣты не Русскіе, но совѣты или малодушные, или злые, и во всѣхъ отношеніяхъ Васъ недостойные. Сіе *мнимое* общее мнѣніе слабо и ничтожно, когда его презираютъ; напротивъ—строптиво и ужасно, когда его слушаютъ. Простите, Всемилостивѣйшій Государь, сіе невольное сердца моего изліяніе. Враги мои могли очернить меня предъ Вами, но никогда не отъучатъ сердца моего желать Вашей славы, сохраненія Вашего достоинства и кроткаго правленія.»

Приведемъ здѣсь еще, ко всему этому, выписку изъ позднѣйшаго письма (отъ 16 іюля 1817-го года) Гурьева, въ которомъ онъ—хотя, конечно, и не совсѣмъ безъ видовъ личнаго самооправданія—вдругъ сталъ и самъ отдавать справедливость вышеприведеннымъ финансовымъ операціямъ. «Въ 1810-мъ году—писалъ онъ Сперанскому—васъ и меня поставляли виновниками быстрому тогда возвышенію ажіо на серебро; но можно ли было намъ объявить, что въ 808-мъ и 809-мъ годахъ выпущено было до 200,000,000 ассигнацій, и что масса сія не могла прежде оказать вполнѣ вредное дѣйствіе, какъ по пресыщеніи, такъ сказать, всѣхъ каналовъ обращенія? Все что, кажется, оставалось желать, ограничивалось тѣмъ, дабы сколь возможно сохранить достоинство ассигнацій до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ, въ чемъ довольно и успѣли: ибо 4-хъ рублевая цѣна ассигнаціямъ на серебряный рубль постоянно удержана въ теченіи семи лѣтъ. Вы сему главнымъ были виновникомъ, споспѣшествовавъ въ 1811 году къ умноженію налоговъ и усиливъ тѣмъ государственный доходъ гораздо выше моихъ предположеній.»

IV.

Удаленіе Сперанскаго отъ государственныхъ дѣлъ (*) совпало съ началомъ губительной войны, которая, проникнувъ въ сердце Россіи, должна была не только пріостановить и ослабить всякую систему и послѣдовательность въ порядкѣ управленія, но и потрясти имперію въ самомъ ея основаніи. Уже не время было тогда обдумывать финансовые планы и изыскивать способы къ погашенію старыхъ долговъ. Оставалось, съ напряженіемъ всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ государства, стремиться только къ тому, чтобы его—спасти. Были, однако же, и въ это время общаго разстройства, нѣкоторыя попытки—какъ бы мимоходомъ и преимущественно изъ вражды къ павшему—ближе всмотрѣться въ прошедшее и приготовить болѣе средствъ для будущаго, но попытки, уже не оживленныя духомъ и дѣятельностію того лица́, на которомъ, до 1812-го года, все лежало. Сперва, передъ отъѣздомъ Государя въ армію, былъ составленъ, изъ министровъ финансовъ и полиціи и еще изъ графа Армфельда и барона Розенкампфа, особый комитетъ, для общаго обозрѣнія положенія нашихъ финансовъ. Но этотъ комитетъ существовалъ только нѣсколько дней. За неимѣніемъ нужныхъ данныхъ и за недостаткомъ времени (Армфельдъ и Балашовъ должны были сопровождать Государя), онъ не могъ не только кончить своей работы, но даже почти и приступить къ ней. Потомъ Розенкампфъ, котораго, съ паденіемъ Сперанскаго, назначили, сверхъ прежней должности по коммиссіи законовъ, помощникомъ статсъ-секретаря по департаменту экономіи государственнаго совѣта, представилъ *свой* планъ финансовъ; но этотъ новый

(*) Упоминая здѣсь объ этой катастрофѣ въ жизни Сперанскаго только двумя словами, мы изобразимъ ее подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

проектъ съ перваго взгляда былъ признанъ и малоразумнымъ и несбыточнымъ. Такъ, напримѣръ, Розенкампфъ предлагалъ всѣ безъ изъятія движимыя и недвижимыя имущества всѣхъ Русскихъ подданныхъ подвергнуть, на время продолженія войны, *общему запрещенію*, чтобы имѣть ихъ въ готовности къ *обязательной*, по мѣрѣ требованій правительства, *ссудѣ казначейству*. Государственный совѣтъ съ негодованіемъ отвергнулъ этотъ Азіятскій способъ, «какъ совершенно неумѣстный, могущій лишь причинить въ народѣ чрезвычайное безпокойство и произвести напрасно самыя вредныя впечатлѣнія.» Наконецъ и самъ совѣтъ, въ теченіе 1812-го года, неоднократно покушался пересмотрѣть какъ всѣ финансовыя распоряженія, предпринятыя съ 1810-го, такъ и ихъ результаты, для чего поручалъ государственной канцеляріи составить подробное изложеніе, требовалъ изъ министерства финансовъ разныя дополнительныя свѣдѣнія и пр.; но потомъ, отъ перемѣны обстоятельствъ ли, или людей, эта мысль была брошена. Въ актахъ совѣта за 1813 и слѣдующіе годы о ней совсѣмъ болѣе не упоминается. Гурьевъ, которому уже не было ни опаснаго соперничества, ни противудѣйствія въ государственномъ совѣтѣ, сдѣлался всемогущимъ по своей части. Новымъ образованіемъ коммиссіи погашенія долговъ предсѣдательство въ ней возлагалось на *того же* министра финансовъ, слѣдственно въ его рукахъ совокупились и текущіе доходы, и капиталъ погашенія съ новыми его приращеніями. Чрезвычайныя обстоятельства времени поглотили и то и другое. Тогда, повторяемъ, было не до теорій и не до старыхъ обязательствъ. Таже самая необходимость выпудила отступить и отъ торжественно возвѣщеннаго прекращенія выпуска ассигнацій. Въ 1810-мъ году, при объявленіи этой мѣры, ассигнацій находилось въ обращеніи на

577,000,000 р , а въ 1817 и 1818 годахъ, когда приступили къ преобразованію коммиссіи погашенія долговъ и къ составленію новаго для нея капитала, ихъ оказалось—на 836,000,000. Но самая мысль погашенія государственныхъ долговъ уже навсегда осталась въ главѣ финансоваго нашего законодательства, а тарифъ 1810-го года, основавъ новую систему торговли, народной промышлености и таможеннаго устройства, былъ родоначальникомъ всѣхъ послѣдующихъ нашихъ тарифовъ. Наконецъ главная идея Сперанскаго: постепенное уничтоженіе ассигнацій и замѣнъ ихъ консолидированными бумагами, основанными на серебрѣ, была снова воскрешена, болѣе тридцати лѣтъ спустя, когда и самого его уже не было въ живыхъ, сперва постановленіями 1839-го года о денежной системѣ, потомъ манифестомъ 1 іюня 1843-го, о кредитныхъ билетахъ, возстановившимъ и столь долго удерживавшимъ у насъ равновѣсіе между звонкою монетою и представительными ея знаками. Такимъ образомъ и на этомъ поприщѣ, какъ на всѣхъ другихъ, Сперанскій оставилъ по себѣ слѣды, донынѣ еще не совсѣмъ изгладившіеся.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Особыя занятія.

Сверхъ описанныхъ нами работъ организаціонныхъ, законодательныхъ и финансовыхъ; сверхъ множества особыхъ дѣлъ, ежедневно поручавшихся Сперанскому, на немъ, въ эпоху до 1812-го года, лежали еще и разныя специальныя занятія,—плодъ того же довѣрія, которое имѣлъ къ нему въ это время Императоръ Александръ, и того удовольствія, которое находилъ Монархъ въ работѣ съ нимъ. Не напрасно Розенкампфъ, въ запискахъ своихъ, называетъ Сперанскаго, разумѣется иронически,—настоящимъ «fa tutto». Такой эпитетъ принадлежалъ ему по всей справедливости и въ самомъ обширномъ смыслѣ. Нужны были вся кипучая и гибкая дѣятельность этого человѣка, все его самоотверженіе, весь его многосторонній умъ, наконецъ, можетъ статься, все его честолюбіе, чтобы нести на себѣ такое бремя, и не только не изнемочь подъ нимъ, но, такъ сказать, еще напрашиваться на расширеніе поля своихъ дѣйствій, какъ было съ коммиссіею законовъ и съ дѣлами финансовыми. Кругъ занятій Новосильцова въ первые и Аракчеева въ послѣдніе годы царствованія Александра былъ также огроменъ; но для нихъ писали другіе, а сами они мало производили; Сперанскій, напротивъ, вносилъ въ дѣло всегда собственный трудъ, совершая все самъ, своею головою, своимъ перомъ, почти безъ помощниковъ. Вліяніе его простиралось и на всѣ части, и на всѣ личности; онъ представлялъ какъ бы зажигательную точку, въ которую стекались всѣ разрозненные лучи государственнаго управ-

ленія (*). Въ этомъ отношеніи позволено усомниться въ искренности слѣдующихъ словъ его въ письмѣ къ Словцову, написанномъ уже изъ заточенія (6-го августа 1813): «Вамъ много, безъ сомнѣнія, насказано о бывшемъ моемъ кредитѣ. Сущая ложь! Я имѣлъ нѣкоторое довѣріе въ дѣлахъ общественныхъ и государственныхъ, но за то никакого въ дѣлахъ частныхъ; тутъ-то мнѣ и вымещали. Ни друзьямъ моимъ, ни себѣ, я ничего не могъ сдѣлать истинно полезнаго.» Выше мы видѣли доказательства противнаго, т. е. его силы и въ назначеніяхъ къ мѣстамъ, на Кочубеѣ, Голубцовѣ, Гурьевѣ, уже не говоря о личностяхъ и должностяхъ второстепенныхъ.

Чтобы дорисовать картину энциклопедической дѣятельности Сперанскаго въ этотъ періодъ его жизни, намъ необходимо обозначить, по крайней мѣрѣ въ общемъ перечнѣ, упомянутыя выше особыя его занятія, съ дошедшими до насъ, о нѣкоторыхъ изъ нихъ, подробностями (**).

1) Министерство юстиціи.

Товарищемъ министра юстиціи (сперва при князѣ Лопухинѣ и потомъ при Дмитріевѣ) Сперанскій былъ назначенъ, какъ мы уже знаемъ, главнѣйше для занятій въ коммиссіи составленія законовъ; изъ числа прочихъ обязанностей по этому званію, которое онъ сохранялъ до самаго своего па-

---

(*) Такъ смотрѣли на его значеніе, въ то время, и иностранцы. Посланникъ Сардинскій при нашемъ дворѣ, Іосифъ де Местръ (de Maistre), въ письмѣ отъ 9-го апрѣля 1812-го, доводя до свѣдѣнія своего короля о паденіи Государева любимца, называлъ его: «Le grand et tout-puissant Spéransky, secrétaire général de l'empire, et, dans le fait, premier ministre, peut-être même ministre unique.» (Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre. Paris, 1861. Tome I, p. 68).

(**) Эти особыя занятія размѣщены здѣсь въ томъ порядкѣ, въ какомъ самъ Сперанскій говорилъ о нихъ въ своемъ отчетѣ за 1810 годъ.

денія, на немъ лежало только производство тѣхъ текущихъ дѣлъ, которыя министръ передавалъ ему или по своему родству съ тяжущимися и по другимъ обстоятельствамъ, или же по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ, и еще разсмотрѣніе меморій сената. По собственному отзыву Сперанскаго (въ одной изъ докладныхъ его записокъ Императору Александру), количество дѣлъ перваго рода было очень незначительно, а меморіи сената никогда почти не разсматривались, «да и разсматривать ихъ—прибавлялъ онъ—было бы безполезно, по образу ихъ составленія.»

2) Устройство духовныхъ училищъ.

Черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ того, какъ Сперанскій вышелъ за тѣсную, для его таланта, ограду Александроневской обители, ему было предназначено снова явиться на прежнемъ поприщѣ, но уже не скромнымъ наставникомъ, а могущественнымъ преобразователемъ.

По докладу князя Голицына—тогда синодальнаго оберъ-прокурора—указомъ 29 ноября 1807-го года повелѣно было составить особенный комитетъ для усовершенствованія духовныхъ училищъ и для изысканія способовъ къ улучшенію содержанія духовенства. Въ число шести членовъ этого комитета, свѣтскихъ и духовныхъ, назначенъ былъ и статсъ-секретарь Сперанскій, тогда только что отчисленный отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Самъ воспитанникъ, потомъ преподаватель и наконецъ префектъ въ духовныхъ заведеніяхъ, онъ подробно зналъ ихъ устройство и недостатки, и, принявъ живое и дѣятельное участіе въ дѣйствіяхъ комитета, тотчасъ сдѣлался его душою, какъ прежде былъ душою министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ Россіи, для образованія духовенства, существовали тогда 4 академіи, 36 семинарій и только 115 низшихъ учи-

лищъ. На содержаніе въ нихъ 29,000 учащихся отпускалось всего 180,000 р. асс. При такихъ скудныхъ средствахъ, эти заведенія, сверхъ того, не имѣли ни систематической организаціи, ни уставовъ, ни связи въ управленіи, ни полноты или правильности въ учебныхъ курсахъ, даже не соединялись ни подъ какимъ общимъ надъ ними надзоромъ. Комитетъ опредѣлилъ, въ главныхъ чертахъ, предметы и кругъ преподаванія, порядокъ и отношенія управленія, въ отдѣльномъ отъ гражданскаго вѣдомства составѣ, и мѣстное раздѣленіе училищъ по степенямъ. Число академій и семинарій было оставлено прежнее, но въ каждой епархіи положено имѣть 10 уѣздныхъ и 30 приходскихъ училищъ, съ отпускомъ на эту часть вмѣсто 180,000, по 1,669,450 р. въ годъ; для пополненія же этой суммы и съ тѣмъ вмѣстѣ для улучшенія содержанія причтовъ, опредѣлено возстановить право церквей на исключительную продажу восковыхъ церковныхъ свѣчъ, право, дарованное имъ еще Петромъ Великимъ, но потомъ, съ теченіемъ времени, ослабѣвшее и напослѣдокъ, отъ дозволенія, въ таможенномъ уставѣ 1755 года, крестьянамъ торговать церковными свѣчами, совсѣмъ утраченное. Сперанскій не остался въ долгу передъ сословіемъ, въ которомъ родился, и передъ мѣстами, въ которыхъ образовался. Мысль о возстановленіи упомянутаго права, въ существѣ столь простая и между тѣмъ никому не приходившая въ продолженіе полувѣка, принадлежала, по общему отзыву всѣхъ членовъ комитета, бывшему префекту, а извѣстно, какіе огромные капиталы она доставила, впослѣдствіи, духовному вѣдомству, безъ отягощенія казны и народа. Сперанскимъ же были написаны окончательный докладъ комитета и представленное при докладѣ начертаніе правилъ о образованіи духовныхъ училищъ и о содержаніи духовенства.

Предположенія комитета были утверждены Государемъ

26-го іюня 1808 года; всѣмъ членамъ объявлены особенное благоволеніе и признательность; учреждена особая *коммиссія духовныхъ училищъ*, въ видѣ установленія постояннаго, и Сперанскій, награжденный, въ воздаяніе своихъ трудовъ, орденомъ св. Владиміра 2-й степени (*), назначенъ въ число ея членовъ. За тѣмъ, по открытіи С.-Петербургской духовной академіи въ обновленномъ ея видѣ, онъ былъ избранъ въ *протекторы философіи*.

Въ коммиссіи духовныхъ училищъ Сперанскій сначала былъ столь же дѣятельнымъ участникомъ всѣхъ занятій какъ прежде въ комитетѣ. Для успѣшнѣйшаго теченія дѣлъ постановлено было правиломъ, чтобы главные проекты, истекавшіе изъ круга занятій коммиссіи, составлялись самими членами, и Сперанскій, взявъ на себя сочиненіе уставовъ всѣхъ училищъ, уже 9-го февраля 1809-го года успѣлъ представить первую часть проекта академическаго устава и планъ двухъ слѣдующихъ. Коммиссія, «принявъ эту работу—какъ сказано въ журналѣ—съ достодолжною признательностію», вполнѣ ее утвердила. Но съ тѣмъ вмѣстѣ Сперанскій нашелся вынужденнымъ, по множеству другихъ своихъ занятій, отказаться отъ дальнѣйшаго составленія уставовъ, и продолженіе ихъ было поручено другому члену коммиссіи, Калужскому архіепископу Ѳеофилакту, довершившему потомъ это дѣло въ порядкѣ и по плану, какіе были указаны первоначальнымъ его составителемъ (**).

(*) Грамота ему на этотъ орденъ, самою редакціею своею, выходившею изъ обыкновеннаго въ то время тона, свидѣтельствуетъ, какъ Александръ уже и тогда смотрѣлъ на своего статсъ-секретаря. Вотъ ея слова: «Отличные труды ваши въ комитетѣ о усовершенствованіи духовныхъ училищъ, въ коемъ вы столь много содѣйствовали къ окончанію дѣла, полезнаго для духовенства, Насъ удостовѣряютъ еще болѣе, что всякаго рода порученія вы исполняете всегда къ удовольствію Нашему и пр.»

(**) Самые уставы вышли, впрочемъ, уже гораздо позже, и именно 30 августа 1814 (Полн. Собр. Зак. № 25673—25676).

Къ этому кругу дѣятельности Сперанскаго относится одинъ любопытный эпизодъ—встрѣча его съ извѣстнымъ Фесслеромъ, которая послѣ, въ связи съ нѣкоторыми другими обстоятельствами, сдѣлалась источникомъ непріязненныхъ толковъ о приверженности его къ мистическимъ обществамъ, принадлежности къ иллюминатамъ и пр.

Фесслеръ, сынъ отставнаго вахмистра Австрійской службы, содержавшаго гдѣ-то въ Венгріи трактиръ, родился въ 1756 году и 17-ти лѣтъ былъ постриженъ въ капуцины, но вскорѣ оставилъ монашество, опредѣлился профессоромъ восточныхъ языковъ и философіи при Лембергскомъ университетѣ, и наконецъ, бѣжавъ въ Пруссію и перейдя изъ католицизма въ лютеранскую вѣру, женился и снискивалъ себѣ въ Берлинѣ хлѣбъ учеными занятіями и адвокатурою. Ревностнѣйшій масонъ и иллюминатъ, человѣкъ необыкновенно умный, ученый, съ блестящимъ перомъ и даромъ слова, онъ, по мнѣнію многихъ, не щеголялъ, однако же, нравственными своими правилами. Когда въ 1808-мъ году въ Александроневскую академію, по новому ея образованію, понадобился преподаватель Еврейскаго языка, профессоръ Лоди рекомендовалъ на эту каѳедру Фесслера—нѣкогда его учителя въ Лембергѣ, а въ доказательство способностей и знаній своего бывшаго наставника представилъ два печатныхъ его сочиненія (*). Оба были одобрены коммиссіею духовныхъ училищъ, и въ февралѣ 1809-го послано Фесслеру приглашеніе прибыть въ Петербургъ. Сперва долго не могли сойтись съ нимъ въ условіяхъ, но напослѣдокъ, по письму Сперанскаго, обѣщавшему исполнить всѣ требованія новаго профессора, онъ пріѣхалъ сюда въ январѣ 1810-го.

(*) Одно—«Institutiones linguarum orientalium», другое подъ заглавіемъ: «Anthologia Hebraica».

Этотъ Фесслеръ, бывшій потомъ Саратовскимъ суперинтендентомъ и умершій въ 1839-мъ году, въ одинъ годъ съ Сперанскимъ, оставилъ записки (*), въ которыхъ о сношеніяхъ своихъ съ послѣднимъ разсказываетъ слѣдующее:

«Сперанскому представилъ меня Лоди. Необыкновенно ласковый пріемъ; благородныя черты лица, обличавшія и высокій разумъ и глубокое чувство; одушевленная бесѣда на Латинскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ (**),—все это тотчасъ внушило мнѣ неограниченное къ нему довѣріе, въ которомъ я и не имѣлъ никогда случая послѣ раскаяваться.

«По вскорѣ я увидѣлъ, что имѣю сильнаго врага въ лицѣ архіепископа (Калужскаго) Ѳеофилакта. Непріязненный ко всѣмъ вообще иностранцамъ, онъ еще прежде, въ коммиссіи духовныхъ училищъ, сопротивлялся вызову моему изъ за границы и наконецъ покорился только сильнымъ настояніямъ князя Александра Николаевича Голицына и Сперанскаго (***). Ему не удалось также помѣшать имъ и въ порученіи мнѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ мо-

(*) Эти записки, на Нѣмецкомъ языкѣ, остаются донынѣ въ рукописи и совершенно различны отъ тѣхъ, которыя, въ 1824-мъ и потомъ опять въ 1851-мъ годахъ, появились въ печати.

(**) Всѣ, кому памятны глубокія свѣдѣнія Сперанскаго въ Латинскомъ языкѣ, конечно отъ души посмѣются надъ нелѣпымъ анекдотомъ, разсказаннымъ въ памфлетѣ, который былъ напечатанъ въ Брауншвейгѣ, въ 1846-мъ году, подъ заглавіемъ: Russland's inneres Leben. Безъименный авторъ увѣряетъ будто бы когда одинъ Нѣмецъ, явясь къ Сперанскому съ какимъ-то проектомъ, завелъ съ нимъ рѣчь по-латыни, то тотъ отвѣчалъ ему: «я не понимаю по-нѣмецки; говорите по-русски!»

(***) О Ѳеофилактѣ Рузановѣ, впослѣдствіи экзархѣ Грузинскомъ, одномъ изъ примѣчательнѣйшихъ іерарховъ нашей церкви, умершемъ въ 1821-мъ году, есть нѣкоторыя свѣдѣнія въ 34-мъ № Архангельскихъ губернскихъ вѣдомостей 1847-го года и въ «Исторіи Александроневской академіи» г. Чистовича.

его пріѣзда, сверхъ Еврейскаго языка, еще каѳедры философіи.

«Рецензія въ иностранныхъ журналахъ философическаго моего сочиненія «Терезія», переданная въ превратномъ Русскомъ переводѣ, доставила моему врагу первое противъ меня оружіе. Потомъ онъ потребовалъ конспектъ моихъ академическихъ курсовъ и представилъ его въ коммиссію съ своими замѣчаніями. Сперанскій предлагалъ сообщить послѣднія мнѣ, для объясненія; но Ѳеофилактъ счелъ ниже своего достоинства вступать въ полемику съ Нѣмецкимъ профессоромъ и прямо требовалъ моего удаленія. Тогда Сперанскій взялся самъ защищать мое ученіе, для чего поручилъ мнѣ подкрѣпить всѣ статьи моего конспекта приличными мѣстами изъ твореній св. отцовъ. И это однако жъ не пособило, такъ что въ маѣ 1810-го мнѣ стали внушать, подъ рукою, проситься прочь изъ академіи, чтобъ предварить увольненіе оттуда безъ просьбы. Сперанскій, по сообщенію моему о томъ, тотчасъ защитилъ меня отъ такихъ самовластныхъ дѣйствій, совѣтуя между тѣмъ потерпѣть, пока онъ пріищетъ средство вывести меня съ честью изъ этихъ дрязговъ. Еще до того, я поднесъ ему нѣсколько юридическихъ мнѣній, написанныхъ мною въ Берлинѣ, по тогдашнему моему званію консулента. Онъ почтилъ эти бумаги своимъ вниманіемъ и онѣ дали ему поводъ представить о помѣщеніи меня въ состоявшую подъ его начальствомъ коммиссію составленія законовъ; когда же Государь соизволилъ на опредѣленіе меня въ нее съ званіемъ корреспондента по части уголовнаго права, то новый мой начальникъ самъ уже велѣлъ мнѣ бросить академію, изъ которой я, по моей просьбѣ, и былъ уволенъ 21-го іюля (1810-го).»

Подтвержденіе этого разсказа мы слышали и отъ двухъ почтенныхъ духовныхъ сановниковъ, въ то время студен-

товъ здѣшней академіи. Отъ Фесслера—говорили они—студенты были въ восхищеніи, особенно когда, вмѣсто устарѣлыхъ системъ и сухихъ схоластическихъ формулъ, которыми дотолѣ ихъ мучили, новый преподаватель сталъ посвящать своихъ слушателей въ таинства современной Нѣмецкой философіи; по Ѳеофилакту, по дошедшимъ до него, изъ Германіи, вѣстямъ о прежней жизни и прежнихъ вѣрованіяхъ Фесслера, ученіе послѣдняго показалось подозрительнымъ. Кончилось тѣмъ, что новый профессоръ былъ вытѣсненъ изъ академіи. Это разсорило Феофилакта не только съ Сперанскимъ, прежнимъ его соученикомъ и другомъ, но и съ Княземъ Голицынымъ (*).

(*) Предосудительное мнѣніе нѣкоторыхъ современниковъ касательно связи Сперанскаго съ Фесслеромъ нашло себѣ отголосокъ и въ запискахъ, которыя остались послѣ славившагося въ свое время архимандрита Новгородско-Юрьева монастыря Фотія и теперь весьма мало кому извѣстны. Въ этихъ запискахъ, написанныхъ, не смотря на все ихъ притязаніе поддѣлаться подъ языкъ старинныхъ нашихъ «житій святыхъ», крайне неграмотно, Фотій, послѣ обвиненія одного изъ главныхъ враговъ своихъ, князя А. П. Голицына, въ ересяхъ, богоотступничествѣ и распространеніи «бѣсовскихъ» сочиненій, продолжаетъ: «Бывый сперва самый приближеннѣйшій къ сердцу Цареву, Михаилъ Михаиловичъ, родомъ изъ духовныхъ, Сперанскій, государственный человѣкъ, также виною нововведенія тайныхъ обществъ и книгъ нечестивыхъ многихъ. По ходатайству его выписанъ разстрига изъ католицкаго вѣроисповѣданія Фесслеръ и ученіе свое въ предѣлахъ, какъ новый Менесъ, Лютеръ и Кальвинъ, но злѣе и непотребнѣе всѣхъ тѣхъ въ своихъ правилахъ, распространялъ силою власти и покровительствомъ вельможъ. Безбожный Фесслеръ въ новѣйшія времена есть ангелъ тьмы въ плоти.» Знаменитый Прусскій министръ Штейнъ также упоминаетъ о связи Сперанскаго съ Фесслеромъ, которой онъ приписываетъ даже, отчасти, и причину паденія перваго (Pertz, Leben Stein's, Bd. III, S. 57—59). Но это не имѣетъ никакого основанія: во время удаленія Сперанскаго, Фесслеръ уже былъ суперинтендентомъ въ Саратовѣ и всѣ сношенія между ними прекратились. Вообще свѣдѣнія Штейна объ этой катастрофѣ, бывъ основаны только на томъ, что онъ слышалъ въ нашей главной квартирѣ въ Вильнѣ, по пріѣздѣ туда въ іюнѣ 1812-го года, и не точны и не совсѣмъ вѣрны.

Въ доказательство, какъ Сперанскій судилъ о тѣхъ заведеніяхъ, въ которыхъ было ему дано первоначальное образованіе, приведемъ здѣсь еще мнѣніе, представленное имъ при разсмотрѣніи въ коммиссіи Фесслеровскаго конспекта. «Цѣль новаго устройства академіи — писалъ онъ — не въ томъ состоитъ, чтобъ перемѣнить названія, преобразить учителей въ профессоровъ, учениковъ наименовать студентами, а въ прочемъ оставить все по прежнему и, напримѣръ, въ философіи ограничить все познаніемъ Баумейстера, или Винклера, коихъ имена, равно какъ и глубокомысленныя сочиненія, знаменитыя въ нашихъ семинаріяхъ, никогда въ ученомъ свѣтѣ не были примѣтны. Цѣль философскаго ученія, въ точномъ разумѣ устава академическаго, не въ томъ состоитъ, чтобъ продолжать мрачную систему матеріализма, но чтобъ, опровергнувъ всѣ сіи суесловныя блужденія разума, призвать его и пріуготовить къ христіанской философіи, къ той философіи, которая, по слову Св. Павла, учитъ не по стихіямъ міра, но по началамъ вѣчной истины, которая есть едина, и коей источниковъ тщетно будемъ мы искать въ глазахъ, въ ушахъ, въ рукахъ и въ прочихъ чувствахъ. Начало премудрости есть страхъ Господень.»

Но сношенія Сперанскаго съ Фесслеромъ, возникшія вслѣдствіе его опредѣленія въ академію, потомъ сдѣлались еще тѣснѣе, отъ другаго побужденія. Пытливость Сперанскаго искала узнать и обнять всѣ пути вѣдѣнія и заблужденій человѣческихъ, а потому и тайны иллюминатства не могли не возбуждать его любопытства. Здѣсь Фесслеръ сталъ его просвѣтителемъ, и позволено даже думать что это собственно и было главною, хотя, разумѣется, сокровенною цѣлью вызова знаменитаго мистика въ Россію. При общемъ, въ гораздо позднѣйшее время (въ 1822-мъ году), распоряженіи правительства о закрытіи у насъ и воспрещеніи на

будущее время всѣхъ масонскихъ ложъ и другихъ тайныхъ обществъ, Сперанскимъ была дана (11-го сентября) слѣдующая подписка: «Я нижеподписавшійся симъ объявляю, что ни къ какой масонской ложѣ и ни къ какому тайному обществу ни внутри имперіи, ни внѣ ея, не принадлежу и впредь принадлежать не буду. Сіе объявленіе относится не только къ настоящему, но и ко всему прошедшему времени, съ слѣдующимъ изъятіемъ: въ 1810-мъ году, по случаю разсмотрѣнія масонскихъ дѣлъ въ особо учрежденномъ отъ правительства комитетѣ, коего я былъ членомъ, я былъ принятъ здѣсь, въ С.-Петербургѣ, съ вѣдома правительства, въ масонскіе обряды подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго доктора Фесслера, въ частной домашней ложѣ, которая ни имени, ни состава, ни учрежденія, ложамъ свойственнаго, не имѣла. Посѣтивъ оную *два* раза, послѣ того, такъ какъ и прежде, нигдѣ и ни въ какой ложѣ, ни тайномъ обществѣ, я не бывалъ и къ онымъ не принадлежалъ».

Помѣщенныя здѣсь слова: «съ вѣдома правительства» примѣчательны. Не могутъ ли они служить подтвержденіемъ сохраняющемуся донынѣ темному преданію о томъ, что Сперанскій вступилъ въ ложу собственно по приказанію Императора Александра, который будто бы самъ имѣлъ намѣреніе посвятить себя въ тайны масонства?

Въ отчетѣ, представленномъ 11-го февраля 1811-го года, Сперанскій изъявилъ желаніе сложить съ себя званіе члена коммиссіи духовныхъ училищъ. «Коммиссія—говорилъ онъ— занимается теперь приложеніемъ общихъ правилъ къ подробностямъ. Журналы ея составляютъ цѣлыя стопы бумагъ, къ коимъ, безъ пользы и съ потерею времени, я долженъ только прикладывать руку. Новыя учрежденія по училищной духовной части должны входить или въ совѣтъ, или въ комитетъ (министровъ), и слѣдовательно, если бы нѣкоторое участіе мое въ дѣлахъ сего рода и могло быть полезно:

то оно всегда может быть употреблено въ своемъ мѣстѣ. Вообще часть сія требуетъ терпѣнія и не можетъ идти съ успѣхомъ въ настоящемъ образѣ ея управленія».

Но увольненія его не послѣдовало. Онъ оставался членомъ коммиссіи духовныхъ училищъ до тѣхъ поръ, покамѣстъ не велѣно было—совсѣмъ исключить его изъ гражданскаго списка.

3) Дѣла Финляндскія.

По завоеваніи въ 1808-мъ году великаго княжества Финляндскаго, возникъ вопросъ объ его устройствѣ. Александръ рѣшилъ, чтобы новопріобрѣтенный край былъ образованъ въ видѣ отдѣльнаго государства, только лишь подвластнаго скипетру Русскаго Монарха, и чтобы къ этому новому государству была присоединена также Выборгская губернія, уже сто лѣтъ принадлежавшая Россіи. Современники и въ этомъ старались найти послѣдствія происковъ Сперанскаго изъ личныхъ видовъ!

Въ 1809-мъ году Государь пожелалъ, чтобы къ нему явилась изъ Финляндіи депутація. Представить ее и вести дѣла по этому предмету поручено было Сперанскому. Въ томъ же году, онъ сопровождалъ Александра въ Або и потомъ на извѣстный сеймъ въ Борго. Французскія рѣчи при открытіи (16-го марта) и закрытіи (7-го іюля) сейма сохранились въ черновыхъ подлинникахъ, написанныхъ его же рукою. Въ Борго, гдѣ Государь оставался довольно долго, его статсъ-секретарь былъ при немъ неотлучно (*).

(*) Въ очень интересной статьѣ, подъ заглавіемъ: «Сеймъ въ городѣ Борго въ 1809-мъ году», помѣщенной въ январьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» 1860-го года, также упоминается о томъ, что Сперанскій находился при Государѣ во время этого сейма, но дальнѣйшихъ подробностей тутъ нѣтъ. Авторъ (Н. В. Путята) прибавляетъ только, что

въ маленькой квартирѣ, которую занималъ Александръ, Сперанскій сидѣлъ за бумагами, по цѣлымъ днямъ, въ комнатѣ передъ кабинетомъ. На самомъ сеймѣ онъ принималъ особенное участіе въ разсужденіяхъ объ устройствѣ Финляндскаго совѣта и имъ же составлена была окончательная редакція его учрежденія. Проектъ этого учрежденія, изготовленный мѣстными чиновниками на Французскомъ языкѣ, поспѣлъ не ранѣе того самаго дня, когда должно было поднести его къ высочайшему подписанію, и еще недавно были въ живыхъ очевидцы, которые съ изумленіемъ разсказывали, какъ Сперанскій, въ пріемной Государя, посреди шума и разговоровъ ожидавшихъ лицъ, исправилъ планъ проекта и тутъ-же изложилъ послѣдній по-русски, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ послѣ утвержденъ и нынѣ еще дѣйствуетъ (*).

При посѣщеніи, въ апрѣлѣ того же 1809-го года, Абоскаго университета, Государь предоставилъ ему избрать себѣ, по древнимъ его уставамъ, канцлера изъ среды высшихъ сановниковъ Русскихъ, какъ бывало прежде изъ Шведскихъ. Но университетъ не зналъ ни нашихъ государственныхъ людей, ни ихъ отношеній. Затруднясь, вслѣдствіе того, въ выборѣ, онъ просилъ, чтобы Государь назначилъ канцлера самъ. Александръ, указомъ 17 апрѣля, возложилъ это званіе на Сперанскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлилъ его членомъ главнаго правленія училищъ.

До присоединенія къ Россіи Новой Финляндіи, для управленія Выборгскою губерніею существовала въ Петербургѣ особенная коммиссія Финляндскихъ дѣлъ. Послѣ Боргоскаго

имѣлъ въ рукахъ высочайше утвержденные церемоніалы сейма, скрѣпленные статсъ-секретаремъ Сперанскимъ. Наши свѣдѣнія заимствованы изъ разсказовъ тогдашняго канцлерскаго секретаря Гартманна.

(*) Съ переименованіемъ лишь, впослѣдствіи, совѣта въ сенатъ.

сейма она была замѣнена другою, частію изъ Русскихъ и частію изъ Финляндскихъ чиновниковъ; управленіе же коммиссіею и докладъ всѣхъ дѣлъ по Финляндіи Государю остались на обязанности Сперанскаго, съ назначеніемъ ему въ помощь барона (послѣ графа) Ребиндера. Но вскорѣ этотъ порядокъ оказался неудовлетворительнымъ.

«Важнѣйшія дѣла по Финляндіи—писалъ Сперанскій въ отчетѣ за 1810-й годъ—съ самаго ихъ начала были слѣдующія:

«1) Сеймъ. Симъ положено твердое основаніе всему настоящему устройству сего края.

«2) Учрежденіе совѣта (сената).

«3) Система монетная.

«4) Устройство милиціи.

«5) Устройство доходовъ прошлыхъ лѣтъ.

«6) Смѣты доходовъ и расходовъ на 1810-й и 1811-й годы.

«7) Инструкціи генералъ-губернатору и прокурору.

«Сверхъ сихъ главныхъ предметовъ ежедневно входитъ великое количество дѣлъ текущихъ. Они суть слѣдствіе конституціи сего края. Власть державная должна была искать усилить себя подробностями управленія. Отсюда происходятъ слѣдующіе роды дѣлъ текущихъ:

«1) Опредѣленіе ко всѣмъ почти мѣстамъ;

«2) Опредѣленіе пасторовъ на регальные пастораты, и пенсіи;

«3) Браки и разводы въ извѣстныхъ степеняхъ;

«4) Дѣла уголовныя.

«Финляндія есть государство, а не губернія. Слѣдовательно нельзя управлять ею мимоходомъ и среди множества текущихъ дѣлъ.

«Доселѣ, однако же, все управленіе сіе вмѣщалось въ разрядѣ дѣлъ текущихъ и отправляемо было въ канцеляріи,

которая вся состоитъ изъ трехъ чиновниковъ и въ коей дѣла сіи не составляютъ и десятой части занятій (*). Коммиссія Финляндская едва успѣваетъ пересматривать дѣла уголовныя и заниматься собираніемъ свѣдѣній къ образованію Старой Финляндіи.

«Чтобъ установить управленіе сіе на твердыхъ началахъ, къ сему необходимо нужно:

«1) Избрать чиновника высшаго разряда и, подъ именемъ ли статсъ-секретаря, или канцлера юстиціи, ввѣрить ему управленіе сихъ дѣлъ. Онъ же долженъ быть и канцлеромъ университета.

«2) При немъ должна быть коммиссія, составленная изъ двухъ членовъ Финляндскихъ и изъ двухъ здѣшнихъ, съ потребнымъ числомъ канцелярскихъ чиновъ.

«3) Обязанностію сего статсъ-секретаря должно быть держать переписку съ генералъ-губернаторомъ и совѣтомъ, надзирать за общимъ теченіемъ дѣлъ, представлять ихъ на высочайшее разрѣшеніе, а паче всего знать людей, содержать между ними и правительствомъ нужную связь, являть имъ доброхотство и привѣтливость, и привлекать ихъ привязанность не только безпристрастіемъ и правотою въ дѣлахъ, но и нѣкоторою удобностію во правѣ, въ образѣ жизни и гостепріимствомъ».

Предположенія эти были приведены въ исполненіе только отчасти. Коммиссія Финляндскихъ дѣлъ подверглась, дѣйствительно, новому преобразованію, но уже почти черезъ годъ послѣ представленія о томъ Сперанскаго (указъ 26-го октября 1811-го, № 24.831), и при томъ въ составѣ

(*) Въ эту канцелярію стекались всѣ дѣла и порученія, особо на Сперанскаго возлагавшіяся. Въ ней точно было всего три чиновника: Журавлевъ, Фармицынъ и Цейеръ. Но все важнѣйшее писалъ самъ Сперанскій.

ея были опредѣлены исключительно одни чиновники великаго княжества. Назначенъ особый статсъ-секретарь, въ лицѣ барона Ребиндера; но власть раздѣлена между нимъ и предсѣдателемъ новой коммиссіи (указъ 12-го февраля 1812, № 24.994),—должность, въ которую опредѣленъ былъ извѣстный въ лѣтописяхъ Швеціи графъ (тогда еще баронъ) Армфельдъ, не задолго передъ тѣмъ принявшій Русское подданство и рекомендованный на это мѣсто Сперанскимъ. Наконецъ самого Сперанскаго, съ возложеніемъ всѣхъ сношеній и докладовъ по Финляндскимъ дѣламъ на предсѣдателя коммиссіи, Государь хотя и освободилъ отъ занятій по этой части, но оставилъ канцлеромъ Абоскаго университета.

Человѣку съ дѣятельностію и умомъ Сперанскаго, прибавимъ еще, съ тогдашнею его силою, довольно было и незначительнаго мѣста, чтобъ оставить въ немъ слѣды своего управленія, какъ бы мало времени оно ни продолжалось. Тáкъ память творца министерствъ, государственнаго совѣта и свода законовъ живетъ еще и въ Финляндскомъ университетѣ, хотя прежнее его помѣщеніе давно истреблено пламенемъ и самъ онъ перенесенъ въ другой городъ (Гельсингфорсъ). По представленію Сперанскаго въ званіи канцлера, $\frac{10}{22}$ февраля 1811 года послѣдовалъ указъ, которымъ было пожаловано 20,000 р. сер. на окончаніе и распространеніе строившагося тогда дóма университета, съ обѣщаніемъ ежегоднаго вспомоществованія, пока зданіе не будетъ готово; прибавлено 6 новыхъ профессоровъ и 12 адъюнктовъ; обезпечено положеніе вдовъ и сиротъ университетскихъ чиновъ; многимъ изъ самихъ тѣхъ чиновъ увеличены оклады; неимущимъ студентамъ назначены пособія; къ предметамъ ученія прибавлены главные Европейскіе языки, въ томъ числѣ и Русскій; наконецъ даны средства къ умноженію библіотеки и кабинетовъ.

4) Внѣшнія сношенія.

Когда ходъ событій перемѣнилъ чувства къ Наполеону Императора Александра, онъ разсудилъ отправить въ Парижъ графа Карла Васильевича Нессельрода, уже начинавшаго пріобрѣтать значеніе въ дипломатическомъ мірѣ. Сперва Нессельродъ былъ посланъ не на долго, съ порученіемъ по предполагавшемуся тогда внѣшнему займу. Но Сперанскій, желая воспользоваться такою поѣздкою довѣреннаго, умнаго и скромнаго молодаго человѣка и для другой важнѣйшей цѣли, предложилъ присоединить къ гласно заявленной цѣли его командировки и секретную дипломатическую миссію. Это совершенно совпадало съ мыслями Государя, который не имѣлъ особеннаго довѣрія къ тогдашнему нашему послу при Французскомъ дворѣ, князю Александру Борисовичу Куракину, и еще менѣе желалъ открыться министру иностранныхъ дѣлъ, графу Румянцову, извѣстному своею наклонностію къ императору Французовъ. Нессельродъ былъ оставленъ въ Парижѣ совѣтникомъ посольства, и между нимъ и Сперанскимъ установилась, съ вѣдома и по точной волѣ Государя, постоянная переписка, которая, бывъ ведена въ глубокой тайнѣ и отъ Куракина и отъ Румянцова, сдѣлалась, впослѣдствіи, однимъ изъ главныхъ источниковъ свѣдѣній вѣрнѣйшихъ и полезнѣйшихъ и много способствовала къ раскрытію заранѣе истинныхъ намѣреній Франціи. Въ началѣ 1812-го года, во время приготовленій къ войнѣ, Нессельродъ, уже возвратившійся въ Петербургъ, былъ пожалованъ въ статсъ-секретари, что̀ самъ онъ всегда приписывалъ вліянію Сперанскаго.

5) Занятія по дѣламъ, ввѣреннымъ управленію принца Ольденбургскаго.

На супруга великой княгини Екатерины Павловны, принца Георгія Ольденбургскаго, сверхъ званія генералъ-

губернатора Новгородскаго, Тверскаго и Ярославскаго, возложено было также главное управленіе департаментомъ водяныхъ коммуникацій (указъ 18 апрѣля 1809, № 23.592) и экспедиціею устроенія дорогъ въ государствѣ (указъ 30 августа того же года, № 23.816). Когда принцъ основалъ свое пребываніе въ Твери, то къ нему, по всѣмъ этимъ обязанностямъ, опредѣленъ былъ, съ званіемъ статсъ-секретаря, пріятель Сперанскаго и прежній подчиненный его въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Ѳедоръ Петровичъ Лубяновскій. Отъ него всѣ доклады и предположенія принца восходили къ Государю черезъ Сперанскаго, который по нимъ объявлялъ высочайшія повелѣнія и пр.

Впрочемъ этотъ родъ дѣлъ, по словамъ упомянутаго уже нами отчета за 1810 годъ, заключался почти въ одной текущей перепискѣ и не представлялъ другихъ заботъ, кромѣ точности и скорости исполненія.

б) Дѣла Лифляндскія.

При изданіи положенія 20 февраля 1804-го года объ отношеніяхъ Лифляндскихъ крестьянъ къ помѣщикамъ, возникли разные вопросы и недоразумѣнія, требовавшіе высшаго разрѣшенія и руководства. Для разсмотрѣнія ихъ былъ учрежденъ особый комитетъ, въ который 18 августа 1808 года назначенъ членомъ и Сперанскій.

По соглашеніи основныхъ началъ этого дѣла и по окончаніи относившихся къ нему проектовъ, занятія комитета потеряли свою важность и стали ограничиваться, большею частію, однимъ приложеніемъ общихъ правилъ и ревизіею вакенбуховъ. «Присутствіе мое въ семъ комитетѣ—писалъ вслѣдствіе того Сперанскій Государю въ февралѣ 1811-го года—совершенно безполезно, а отнимаетъ много времени. Общія положенія, какъ-то образованіе крестьянскихъ су-

довъ, могутъ быть сообщаемы въ коммиссію законовъ на заключеніе и тогда, какъ директоръ коммиссіи, я поставленъ буду въ сношеніе съ президентомъ комитета, не бывъ принужденнымъ слѣдовать безполезно за всѣми подробностями».

По этому представленію, Сперанскій тогда же былъ уволенъ отъ присутствія въ Лифляндскомъ комитетѣ.

7) Дѣла по областямъ Бѣлостокской и Тарнопольской.

Извѣстно, что однимъ изъ результатовъ Тильзитскаго трактата было присоединеніе къ Русской державѣ Бѣлостокской области, для принятія которой, равно какъ для приведенія ея жителей къ присягѣ на подданство и для предварительныхъ распоряженій по мѣстному управленію, былъ командированъ сенаторъ Тейльсъ (указъ 5-го октября 1807-го, № 22.647); при чемъ о всѣхъ дѣлахъ, которыя въ этомъ отношеніи могли бы потребовать высочайшаго разрѣшенія, и о предположеніяхъ къ образованію области Государь велѣлъ ему вносить свои доклады черезъ Сперанскаго. На этомъ основаніи, по доставленнымъ отъ Тейльса даннымъ, послѣдній сочинилъ и положеніе объ управленіи Бѣлостокскою областію, утвержденное 18-го іюля 1808 года (№ 23.166).

Потомъ такое же повелѣніе послѣдовало сенатору Тейльсу и о дѣлахъ области Тарнопольской, которая образовалась изъ присоединенной къ Россіи, въ 1810-мъ году, части древней Галиціи (манифестъ 17 апрѣля 1810, № 24.200) (*).

(*) Едва ли нужно здѣсь прибавлять что, по Вѣнскимъ трактатамъ 1815 года, эта область снова была возвращена Австріи.

8) Переписка по дѣламъ Польскимъ.

«Переписка сія—говорилъ Сперанскій въ своемъ отчетѣ—завелась по разнымъ случаямъ и особенно во время бытности здѣсь губернатора Ланскаго. По свойству своему, она принадлежитъ министерству полиціи и должна бы быть передана къ нему, для лучшей связи». Василій Сергѣевичъ Ланской былъ тогда губернаторомъ въ Гродно. Къ чему именно относилась эта переписка, мы навѣрное не знаемъ, но должно думать, что она касалась дѣлъ, возникшихъ вслѣдствіе написаннаго Сперанскимъ же указа 24-го августа 1809 года (№ 23.806) о преданіи суду, съ конфискаціею имѣній, тѣхъ изъ обывателей западныхъ пограничныхъ губерній, которые отлучились, безъ вѣдома начальства, за границу.

9) Порученія по сношеніямъ военнымъ.

Всѣ знаютъ что война 1809-го года, въ которую Россія, по пріязни къ Наполеону, соединенно съ Франціею дѣйствовала противъ Австріи, велась только по имени, потому что наша армія, во все продолженіе военныхъ дѣйствій, ни разу не встрѣтилась съ непріятельскою и не имѣла ни одной съ нею стычки. При изысканіяхъ своихъ для этого предмета въ секретныхъ архивахъ, генералъ Михайловскій-Данилевскій нашелъ и сообщилъ намъ нѣсколько актовъ, помѣченныхъ (мѣсто и число подписанія) рукою Сперанскаго и переписанныхъ довѣреннымъ его Цейеромъ, но которые мы, и безъ этихъ примѣтъ, по одному ихъ слогу и тону, тотчасъ признали бы за произведеніе пера Сперанскаго. Это были рескрипты главнокомандовавшему нашею арміею князю С. Ѳ. Голицыну, предметъ которыхъ составляли сношенія и распоряженія первостепенной тогда важности,

частію собственно по направленію военныхъ дѣйствій, требовавшихъ тайны самой глубокой. Если вспомнить, что военнымъ министерствомъ управлялъ въ ту эпоху Аракчеевъ, не терпѣвшій ни соперничества, ни раздѣленія власти, то порученіе дѣлъ такого рода, помимо него, Сперанскому, уже одно достаточно доказываетъ, какое довѣріе Императоръ имѣлъ къ своему статсъ-секретарю, какъ многосторонне было вліяніе послѣдняго, и какъ Александръ не скрывалъ отъ него даже самыхъ сокровенныхъ своихъ мыслей и видовъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Частная и домашняя жизнь Сперанскаго въ періодъ времени съ 1801-го по 1812 годъ.

I.

Читатели наши припомнятъ, что Сперанскій, послѣ смерти своей жены, выписалъ къ себѣ обратно изъ Вѣны ея мать съ сыномъ Франсисомъ и младшею дочерью Маріанною. Цѣлью вызова ихъ снова въ Петербургъ было желаніе его не оставлять долѣе на чужихъ рукахъ маленькую Лизу, которая, по возвращеніи родныхъ, и была перевезена тотчасъ въ отцовскій домъ. Хотя зять напередъ зналъ какія неудовольствія ожидаютъ его, въ будущемъ, отъ тяжелаго и капризнаго нрава тещи, при житьѣ съ нею подъ одною кровлею, однако онъ не могъ предвидѣть, что столько же, если еще не болѣе, горя готовится ему отъ младшей ея дочери. Маріанна Стивенсъ, дѣвушка очень хорошенькая, умная, живая и веселая, была до крайности избалована и во многомъ наслѣдовала своенравный и причудливый нравъ своей матери. Не зная ни нашихъ законовъ, ни нашей религіи, она захотѣла непремѣнно занять мѣсто умершей своей сестры, т. е. сдѣлаться женою Сперанскаго, что̀ давало безпрестанно поводъ къ самымъ непріятнымъ сценамъ и съ нею и съ матерью, потворствовавшею ея планамъ, а съ другой стороны —къ разнымъ предосудительнымъ толкамъ въ ихъ кругу и внѣ его. Къ счастію, Маріанною скоро плѣнился молодой Константинъ Злобинъ. Сперанскій, обрадованный возможностію освободиться наконецъ отъ вѣчныхъ преслѣдованій страстной дѣвушки, съ восторгомъ

принялъ и уговорилъ какъ ее, такъ и ея мать, принять предложеніе стараго своего пріятеля. Послѣ свадьбы (въ 1802-мъ году) молодая и г-жа Стивенсъ съ сыномъ переѣхали къ отцу Злобина, въ домъ котораго Сперанскій, по настоятельнымъ просьбамъ Маріанны, отпустилъ съ ними и свою сиротку. Но новые супруги, онъ вѣчно угрюмый, она безгранично рѣзвая, нисколько не были созданы другъ для друга, и не прошло полугода, какъ оба убѣдились, что не могутъ долѣе жить вмѣстѣ. Г-жа Стивенсъ уѣхала съ дочерью въ Курляндію, къ Балдонскимъ водамъ, въ чаяніи, что временная разлука помиритъ чету, однако ошиблась въ томъ. Узнавъ, что онѣ возвращаются въ Петербургъ, молодой Злобинъ бросилъ службу и ускакалъ въ Вольскъ, управлять дѣлами отца. Старикъ, который, напротивъ, боготворилъ невѣстку, привлекавшую къ нему въ домъ большое общество и оживлявшую его, все еще думалъ сблизить супруговъ и, въ этой надеждѣ, оставилъ Маріанну со всею ея семьею жить у себя болѣе года; но и его старанія были напрасны: мужъ ни за что не соглашался опять съѣхаться съ женою. Около этого времени Лиза Сперанская занемогла скарлатиною, и когда болѣзнь прошла, то малютка такъ послѣ нея ослабѣла, что доктора присовѣтывали отвезти ее на югъ, въ лучшій климатъ. Для этого выбрали Кіевъ, куда вмѣстѣ съ нею переѣхала и семья Стивенсовъ, и молодая Злобина. Всѣ поселились тамъ въ домѣ, купленномъ на деньги, которыя далъ Маріаннѣ отецъ Злобина, и Сперанскій остался въ Петербургѣ снова одинъ. Но сердце его не могло долго вынести разлуки съ дочерью. Въ августѣ 1806-го года, слѣдственно еще во время службы въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, онъ отпросился на нѣсколько недѣль въ Кіевъ и былъ совершенно очарованъ тамошнимъ пребываніемъ, доставившимъ ему нѣкоторый отдыхъ отъ должностныхъ заботъ. «Я—писалъ онъ от-

туда Масальскому—живу здѣсь весьма весело и всѣмъ доволенъ, а особливо здоровьемъ. Боюсь только возвратиться къ вамъ на новыя мученія; но что дѣлать!» Изъ разсказовъ другихъ лицъ мы знаемъ, что въ Кіевѣ его особенно восхищали, между прочимъ, проповѣди знаменитаго Леванды, много выигрывавшія отъ того искусства, съ которымъ онъ ихъ произносилъ. Слушая его, Сперанскій заливался слезами.

Замѣтимъ здѣсь еще, что ни тревоги службы, ни жизнь совершенно въ иной сферѣ, ни на минуту, какъ и прежде, не прерывали сношеній быстро возвышавшагося статсъ-секретаря съ Черкутинскими его родными. Изъ числа многихъ къ нимъ писемъ, вотъ одно къ его матери, какъ образчикъ тона, которымъ онъ бесѣдовалъ съ этою простою женщиною. «Я—писалъ онъ ей 29 августа 1808-го—очень былъ обрадованъ извѣстіемъ, на сихъ дняхъ мною полученнымъ чрезъ Н. А. Веденскаго, что вы, милостивая государыня матушка, находитесь въ добромъ здоровьи. Благодареніе Богу, я и дочь моя также здоровы. Братъ Козьма получилъ чинъ и опредѣленъ прокуроромъ въ Могилевъ, куда на сихъ дняхъ и отправился. Я на сихъ дняхъ отправляюсь также отсюда, на нѣкоторое время, въ чужіе краи (т. е. въ Эрфуртъ); но отлучка моя болѣе двухъ мѣсяцевъ не продолжится. По возвращеніи не премину васъ увѣдомить. Между тѣмъ, испрашивая родительскаго благословенія, пребываю вашъ послушный сынъ». Около того же времени онъ писалъ зятю своему Третьякову, сбиравшемуся пріѣхать въ Петербургъ, и отговаривалъ его отъ этой поѣздки «какъ по трудности и по великимъ издержкамъ пути, такъ и по неизвѣстности времени собственнаго его въ Петербургѣ пребыванія», что, однако, побудило Михаила Ѳедоровича только отсрочить свою поѣздку, но не отказаться отъ нея. Когда зять его уже былъ государственнымъ секретаремъ, онъ, по дѣламъ ли,

или просто для свиданія съ нимъ, прибылъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ женою и съ тещею, т. е. съ сестрою и съ матерью Сперанскаго, и всѣ они прожили въ столицѣ мѣсяца съ полтора. Мать, на это время, Сперанскій помѣстилъ у себя въ домѣ, а сестру съ ея мужемъ онъ пріютилъ, по сосѣдству, у какого-то, выслужившагося изъ Салтыковскихъ крестьянъ, маіора, и пока его гости оставались въ Петербургѣ, онъ оказывалъ имъ самое привѣтливое радушіе. Разсказываютъ, будто бы однажды, въ этотъ пріѣздъ ихъ, Сперанскій далъ всей Петербургской знати большой обѣдъ, за которымъ на первомъ мѣстѣ сидѣла старушка мать его, въ простомъ сельскомъ нарядѣ, съ повязаннымъ на головѣ платкомъ. Мы, однако, не вѣримъ этому разсказу: Сперанскій, въ ту эпоху, никогда не собиралъ у себя знати и, при отличавшемъ его тактѣ, вѣрно не захотѣлъ бы дѣлать изъ своихъ сыновнихъ чувствъ подобную выставку, которая для самой его матери была бы только одною крайнею тягостью.

Когда политическое положеніе Сперанскаго окончательно окрѣпло, ему захотѣлось снова соединиться, и уже навсегда, съ подроставшею дочерью, которой здоровье на югѣ совершенно возстановилось. Забывъ, по своему добросердечію, всѣ прежнія неудовольствія, онъ предложилъ переселиться съ нею изъ Кіева къ себѣ и своей тещѣ, на такомъ только условіи, чтобы г-жа Стивенсъ видѣлась единственно съ тѣми людьми, которыхъ самъ онъ ей укажетъ, и отнюдь не вмѣшивалась, ни прямо, ни косвенно, въ служебныя его дѣла. Вслѣдствіе того въ іюнѣ или іюлѣ 1809-го года его семья перебралась въ Петербургъ и провела остатокъ лѣта на дачѣ близъ Карповки, пока перестроивался домъ у Таврическаго сада, купленный имъ, въ томъ году, у статскаго совѣтника Борзова. Въ этомъ домѣ (*), куда Сперанскій

(*) Домъ Сперанскаго, на лѣвомъ углу Сергіевской улицы къ Тав-

переѣхалъ къ осени, бабушка съ внучкою заняли нижній этажъ, гдѣ, кромѣ ихъ комнатъ, были зала, гостиная, столовая и его пріемный кабинетъ, весь обставленный шкафами съ книгами; домашній или рабочій кабинетъ, служившій ему вмѣстѣ и спальнею (*), находился въ верхнемъ этажѣ, въ которомъ жилъ еще Франсисъ и помѣщалась домашняя канцелярія. Во всемъ внутреннемъ убранствѣ не было ничего похожаго на роскошь, кромѣ развѣ паркетовъ, составлявшихъ тогда еще большую рѣдкость въ Петербургѣ; но все отличалось изящнымъ вкусомъ, чрезвычайною опрятностію и Англійскимъ комфортомъ, а въ погребу хранился порядочный запасъ хорошаго Бордосскаго вина, очень любимаго хозяиномъ. Не было и многолюдной прислуги, но на кухнѣ стряпалъ прекрасный поваръ. Жилищу соотвѣтствовалъ весь образъ жизни: скромный, тихій, уединенный. Еще во время служенія своего въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, наперсникъ Кочубея былъ довольно недоступенъ. Эта недоступность извинялась многодѣліемъ; по сверхъ того и самая особенность положенія Сперанскаго заставляла его тогда уединяться: онъ имѣлъ все право считать себя выше родовыхъ дворянъ безъ заслугъ, до равенства съ знатными еще не дошелъ, а между тѣмъ своею извѣстностію, быстрыми успѣхами по службѣ и высокимъ просвѣщеніемъ былъ выведенъ изъ ряда обыкновенныхъ граждан-

---

рическому саду, былъ потомъ проданъ тайному совѣтнику Дубенскому и давно совсѣмъ перестроенъ; но между Петербургскими старожилами не одинъ еще, конечно, помнитъ это скромное двухъ-этажное жилье, съ небольшимъ садомъ, тогда еще болѣе чѣмъ теперь отдаленное отъ центра города.

(*) Сперанскій и впослѣдствіи всегда спалъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, на диванѣ. Отдѣльная спальня и кровать явились у него только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, когда онъ купилъ себѣ новый и уже обширный домъ, въ той же Сергіевской улицѣ, но на противуположной ея оконечности, близъ Фонтанки.

скихъ чиновниковъ. Впослѣдствіи, когда Императоръ Александръ приблизилъ его къ себѣ, Сперанскій, оставаясь, по прежнему, всегда болѣе работникомъ нежели царедворцемъ, почти еще рѣже сталъ показываться въ свѣтъ. Придворные и вельможи обращались съ нимъ, лицемъ къ лицу, подобострастно, какъ съ фаворитомъ, но заочно толковали о немъ свысока, какъ о выскочкѣ; онъ же съ своей стороны очень мало въ нихъ заискивалъ, и по своимъ правиламъ, и по нѣкоторой гордости, и потому, что все время его было занято (*). Пренебрегая кадить современнымъ кумирамъ, чтобы не стать въ разладъ съ самимъ собою, Сперанскій за то очень любилъ общество нѣсколькихъ короткихъ пріятелей и часто принималъ ихъ у себя на маленькіе обѣды, главною приправою которыхъ были умная бесѣда, искренняя веселость и отсутствіе всякой принужденности. Дочь его оставила, въ своихъ запискахъ, такую оживленную картину этой идиллически-простой жизни, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи передать здѣсь ея разсказъ: «Батюшка—пишетъ она—вставалъ чрезвычайно рано, въ 6-мъ и даже 5-мъ часу, и, по тогдашнему обыкновенію, уже съ этой ранней поры принималъ дѣловые визиты. Въ 8 часовъ я постоянно являлась къ нему поздороваться; но часто проходило не мало времени пока меня допускали; часто также, только что я наконецъ ворвусь въ кабинетъ, докладывали о комъ нибудь изъ моихъ *враговъ*, какъ я называла всѣхъ, кто отнималъ у меня или укорочивалъ эти минуты свиданія; тогда мнѣ приказывали выдти, или, если

(*) Вспоминая въ Перми объ этой эпохѣ своей жизни, Сперанскій разсказывалъ какъ онъ работалъ, не рѣдко, по 18-ти часовъ въ сутки и до того разстроилъ свое здоровье, что не могъ подъ конецъ употреблять пищи, не принявъ напередъ лекарства, а временами по цѣлымъ недѣлямъ не могъ разогнуть спины.

предвидѣлось посѣщеніе непродолжительное и не важное, позволяли спрятаться подъ чехолъ большаго глобуса. Потомъ все утро было занято у батюшки дѣлами или дѣловыми выѣздами. Въ 3 часа онъ постоянно прогуливался, большею частію одинъ, но иногда и со мною, или съ Цейеромъ. Въ 4 часа мы обѣдали, не рѣдко съ гостями, которыми, кромѣ того же Цейера, жившаго у насъ, обыкновенно были Столыпинъ, Магницкій (*) и Жерве (**). Лишь очень изрѣдка приглашался еще кто нибудь посторонній. Столыпинъ, съ своимъ громкимъ хохотомъ, былъ особенно забавенъ, когда, разгорячась въ разговорѣ, начиналъ заикаться. У него зачастую бывали противъ разныхъ лицъ что̀ называется *пики*, и онѣ выражались уморительными вспышками, которыя Магницкій, съ своимъ тонкимъ и колкимъ умомъ, тотчасъ обдѣлывалъ, завострялъ и разцвѣчалъ по своему. Магницкій вообще

(*) Магницкій въ 1798-мъ году былъ отправленъ къ нашей миссіи въ Вѣну, въ 1801-мъ переведенъ къ Парижской и въ слѣдующемъ году, по возвращеніи въ Петербургъ, опредѣленъ въ канцелярію государственнаго канцлера, но оставался въ ней только до тѣхъ поръ, пока Сперанскій, въ мартѣ 1803-го года, перевелъ его начальникомъ отдѣленія къ себѣ въ экспедицію государственнаго благоустройства. Съ этихъ поръ Магницкій сдѣлался ревностнымъ сподвижникомъ всѣхъ его проектовъ и работъ. 1 января 1810-го, по преобразованіи государственнаго совѣта и назначеніи Сперанскаго государственнымъ секретаремъ, онъ былъ перемѣщенъ статсъ-секретаремъ въ департаментъ законовъ и оставался неотлучно при виновникѣ своей карьеры до постигшаго ихъ вмѣстѣ несчастія.

(**) Жерве служилъ въ это время въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. До пріѣзда въ Петербургъ дочери Сперанскаго, постояннымъ участникомъ этихъ пріятельскихъ обѣдовъ бывалъ еще и Лубяновскій, послѣ переѣхавшій въ Тверь къ новой своей должности. «Въ теченіи семи лѣтъ — пишетъ онъ въ своихъ запискахъ — рѣдкій день проходилъ, чтобы мы не видѣлись и не говорили о всемъ—о земномъ и небесномъ».

былъ у насъ настоящимъ Протеемъ: одно живое слово, одно блестящее замѣчаніе смѣнялось у него другимъ; за эпиграммою слѣдовалъ фарсъ; тамъ опять какое нибудь передразниваніе, какая нибудь острая выходка, напоминавшая лучшія Парижскія гостиныя, какая нибудь арлекинада, отъ которой всѣ помирали со смѣху: и все это, съ разностороннимъ его талантомъ, было приправляемо то стихотворною импровизаціею, то прочитаннымъ гдѣ нибудь или тутъ же вымышленнымъ разсказомъ. Жерве, напротивъ, отличался сухою, холодною шутливостію, чѣмъ-то въ родѣ Англійскаго *юмора*, котораго проблески вырывались у него какъ бы невольно и тѣмъ еще болѣе всѣхъ смѣшили. Батюшка, нисколько не врагъ веселости, хохоталъ отъ души и собственными шутками поддерживалъ общее веселое расположеніе, которому и бабушка (г-жа Стивенсъ) способствовала своимъ ѣдкимъ и саркастическимъ остроуміемъ. Что касается Цейера, то онъ былъ болѣе моимъ собесѣдникомъ; его простосердечіе уничтожало разность лѣтъ между нами; онъ сдѣлался моимъ неотлучнымъ другомъ и въ наблюденіяхъ своихъ надо всѣмъ, что́ вокругъ насъ дѣлалось и говорилось, соперничалъ со мною въ наивности. Матеріальная часть обѣда была всегда чрезвычайно проста: супъ, два или три другихъ блюда, въ томъ числѣ непремѣнно вареная рыба съ картофелемъ и говядина; хорошій медокъ и бутылка шато-марго, изъ которой хозяинъ самъ каждому наливалъ (*); наконецъ рюмка десертнаго вина и кофе, который тутъ же варился Цейеромъ, посреди тысячи

(*) Одинъ человѣкъ, изрѣдка также обѣдывавшій у Сперанскаго въ бытность его государственнымъ секретаремъ, разсказываетъ, что послѣ стола дочь его всегда сама убирала остававшіяся недопитыми бутылки, которыя отецъ сперва тщательно закупоривалъ, приговаривая; «нынче хорошее вино въ сапожкахъ ходитъ».

новыхъ шутокъ веселаго кружка. Послѣ обѣда болтали еще съ часокъ, а потомъ батюшка удалялся въ свой кабинетъ и всѣ расходились. По окончаніи послѣобѣденныхъ занятій, если батюшка не былъ у Государя, или не сидѣлъ въ какомъ нибудь комитетѣ, онъ, часовъ въ 9, являлся на нашу половину; тутъ опять не рѣдко собирались тѣже короткіе пріятели и всѣ или играли въ jeux d'esprit, или слушали, какъ Цейеръ, превосходный чтецъ, декламировалъ какую нибудь трагедію Расина, либо комедію Мольера, или читалъ,—съ пропусками, *на мой* счетъ,—главу изъ Донъ-Кихота, любимой книжки батюшки. Политика и дѣла были совершенно изгнаны изъ этихъ вечернихъ бесѣдъ; хозяину нуженъ былъ отдыхъ отъ дневныхъ его трудовъ, чему гости и старались по мѣрѣ силъ способствовать. Иногда батюшка заставлялъ меня съ Цейеромъ за игры болѣе шумными, и мнѣ не разъ удавалось заставлять всѣхъ этихъ господъ бѣгать со мною въ жмурки, гдѣ высшимъ счастіемъ почиталось поймать *папу* и завязать ему глаза. Помню, какъ однажды графъ Нессельродъ, уже и тогда человѣкъ немалозначущій, невзначай попалъ въ наше веселое общество и прямо очутился въ объятіяхъ красавицы графини Бержинской, пріѣзжавшей иногда къ батюшкѣ, по вечерамъ, просительницею по какому-то дѣлу. Встрѣчу 1810-го года мы вздумали праздновать маленькимъ фарсомъ, къ которому куплеты написалъ Магницкій, а музыку Жерве. Зрителями были только батюшка и г-жа Стивенсъ; всѣ прочіе имѣли свои роли въ фарсѣ, за которымъ, какъ особенное на тотъ разъ изъятіе, слѣдовалъ ужинъ. Подобнымъ же образомъ, но, вмѣсто фарса, маскерадомъ, встрѣтили мы и 1811 годъ. Я должна, впрочемъ, сказать, что самъ хозяинъ никогда не участвовалъ ни въ устройствѣ этихъ чрезвычайныхъ вечеровъ, ни въ издержкахъ на нихъ. При ограниченности

своихъ средствъ, онъ избѣгалъ, какъ только могъ, входить въ долги и потому ни самому себѣ, ни домашнимъ не позволялъ ни одного расхода на напрасную роскошь, ни одного дорого стоившаго удовольствія. Всѣ издержки такого рода, даже, напримѣръ, и ложи въ театръ, бралъ на свой счетъ богатый Столыпинъ. Вечеръ 31-го декабря 1810-го года былъ устроенъ также имъ. Но въ ту минуту, какъ маскерадъ долженъ былъ открыться, батюшка, для котораго все это дѣлалось будто сюрпризомъ, велѣлъ сказать, что за нимъ прислалъ Государь, почему онъ явится къ намъ нѣсколько позже. Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдъ за тѣмъ мы услышали стукъ отъ кареты, выѣзжавшей со двора, и всѣ, повѣсивъ носы, начали снимать маски и разоблачаться отъ костюмовъ; вдругъ между нами показалась превысокая дама въ шляпкѣ подъ вуалемъ, непринадлежавшая къ нашему обществу и которой никто не могъ узнать. И что же напослѣдокъ открылось? Это былъ—батюшка, которому удалось такъ ловко насъ обмануть и собственнымъ участіемъ въ нашей шуткѣ придать вечеру еще болѣе живости и веселія.»

Но описанный здѣсь праздникъ былъ, въ семейномъ кругу Сперанскаго, послѣднимъ. Въ 1811-мъ году, такъ весело начавшемся, заложены были главныя основанія тѣмъ подкопамъ, которые, въ слѣдующемъ, подорвали все, достигнутое честнымъ трудомъ и великими государственными заслугами. Кромѣ того, 1811-й годъ ознаменовался и смертію нѣкоторыхъ изъ участниковъ его встрѣчи, именно самыхъ младшихъ. Сперва припадокъ спорадической холеры сразилъ молодаго пажа Андрюшу Ферпанъ (Henri Fernand), сына Француза, женившагося на невѣсткѣ г-жи Стивенсъ—сестрѣ ея мужа. Оба супруга умерли, одинъ почти вслѣдъ за другимъ, и тогда ихъ сиротки, этотъ мальчикъ и его сестра, были присланы изъ Франціи въ Петербургъ,

на попеченіе къ Сперанскому, какъ ихъ свойственнику. Дѣвушка уѣхала, съ его семьею, въ Кіевъ и тамъ вышла за весьма достойнаго человѣка, доктора Бунге, а мальчика опредѣлили въ пажескій корпусъ. Смерть его чрезвычайно опечалила Сперанскаго, искренно къ нему привязавшагося. За нимъ очередь пала на Маріанну Злобину, воротившуюся изъ Кіева въ Петербургъ и еще одушевлявшую своею живостью маскерадъ, о которомъ мы говорили. Незадолго передъ тѣмъ Сперанскій, частью изъ суммъ, которыя, по его убѣжденію, были даны Злобиной ея свекромъ, частью же изъ собственныхъ средствъ, купилъ для нея, близъ Новгорода, небольшое имѣніе Великополье, котораго имя, позже, мы не разъ еще увидимъ въ нашемъ разсказѣ. Лѣтомъ 1811-го года онъ отпустилъ въ это имѣніе, на нѣсколько мѣсяцевъ, свою тещу и дочь и самъ пріѣхалъ погостить къ нимъ дня на три или на четыре. Злобина умерла слѣдующею зимою, оставя на рукахъ семейству воспитанную ею дѣвочку Анюту, которую Сперанскій позволилъ г-жѣ Стивенсъ взять къ себѣ; впослѣдствіи, злословіе, безъ всякаго основанія, связало съ происхожденіемъ этой дѣвушки его имя (*). Кромѣ изчисленныхъ здѣсь семейныхъ потерь, въ 1811-мъ году разстроился и прежній дружескій кружокъ. Самому Сперанскому, котораго все время еще болѣе прежняго было поглощено государственными заботами, уже не доставало досуга долго отдыхать въ задушевныхъ бесѣдахъ, такъ что маленькіе его обѣды и вечера почти совсѣмъ прекратились. Цейеръ пересталъ играть и рѣзвиться съ маленькою Лизою, начавъ впадать въ несвойственную ему прежде ипохондрію, а главный зачинщикъ всѣхъ

(*) Происхожденіе этой Анюты, вышедшей потомъ за мужъ (о чемъ скажется въ своемъ мѣстѣ) и уже давно умершей, намъ *съ достовѣрностію* извѣстно, и мы легко могли бы опровергнуть взведенную на Сперанскаго клевету, если бъ не были удерживаемы въ томъ особыми фамильными уваженіями къ лицамъ, еще находящимся въ живыхъ.

увеселеній, Столыпинъ, поссорясь съ своимъ начальникомъ, министромъ юстиціи Дмитріевымъ, вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Пензенскія свои имѣнія. Наконецъ остроумный Магницкій, постепенно возвышаясь, утратилъ отличавшую его живость и беззаботность, особенно съ того времени, какъ сталъ имѣть личные доклады у Государя (*). Этому, какъ назвалъ его одинъ современникъ, «нравственному феномену», теперь, среди нападшаго на него вдругъ лихорадочнаго стремленія къ власти, почестямъ и богатству, было не до того, чтобы тѣшить другихъ фарсами и стихами. Такимъ образомъ, перенося одно горе за другимъ, растерявъ и родныхъ и друзей, наша семья, прежде столь довольная своею судьбою, встрѣтила 1812 годъ уже далеко не такъ счастливо и весело, какъ два предшедшіе.

Но и въ цѣлой Россіи этотъ зловѣщій годъ, о которомъ еще никто не могъ предвидѣть, что онъ сдѣлается для нея, вмѣстѣ, годомъ величія и славы, былъ встрѣченъ не обычными привѣтствіями радости и надежды. Мрачныя предчувствія тягостно сжимали сердца, и грозное имя Наполеона на все накидывало свою тѣнь. Осилимъ ли мы его?—вотъ вопросъ, который всѣ себѣ задавали и который, по мѣрѣ приближенія развязки, болѣе и болѣе тревожилъ каждаго. Тотъ же вопросъ задавалъ себѣ, имъ постоянно занимался и Сперанскій, не предугадывая, какимъ грознымъ, роковымъ ударомъ приготовленія къ этой борьбѣ должны будутъ завершиться лично для него.

(*) Сохраняя званіе статсъ-секретаря въ государственномъ совѣтѣ, онъ, 19 марта 1811-го года, былъ назначенъ директоромъ коммиссіи составленія военныхъ уставовъ и уложеній,—дѣло, которое въ то время, при явныхъ уже предвѣстіяхъ войны, особенно озабочивало Государя.

2004126156